

Грузія и Арменія.

Синдром Р и Ригор

ГРУЗИЯ

И

А Р М Е Н І Я.

Ча с т ь II.

С. П. Б.

Въ тип. III отдѣл. собств. Е. И. В. канцеляріи.

1 8 4 8.

Отъ Санктпетербургской Духовной Цензуры печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ Октяб. 10 дня, 1847 года.

Цензоръ Казанскаго собора Протоіерей,

Тимовей Нилольскій.

АРМЕНИЯ.

Живописно ущеліе Дилижанское, гдѣ бурный потокъ Акстафы, на разстояніи сорока верстъ, шумно несется по камнямъ въ роскошной долинь. Она стѣсняется все болѣе и болѣе, по мѣрѣ подъема; иногда крутые обрывы скалъ едва оставляютъ мѣсто для узкой дороги, подъ навѣсомъ другихъ утесовъ, а внизу кипитъ Акстафа, какъ Терекъ въ Дарьялѣ; иногда только слышится шумъ ея невидимыхъ водъ, подъ развѣсистой тѣнію ивъ, разросшихся вдоль береговъ. Посреди сей богатой растительности природы, мечтаешь быть въ саду

гдѣ опытная рука начертала своенравныя стези и, подѣ оболочкою дикости, утаила свое искусство. Но еще живописнѣе былъ для меня, на концѣ ущелія, перевалъ чрезъ горный хребетъ. Обширное Гогчинское озеро внезапно открылось предо мною, кипящее лучами утренняго солнца, какъ бы огромный щитъ, вставленный въ окраину горъ; горы кругомъ него, уже покрытыя снѣгами, сіяли въ утреннемъ свѣтѣ, самымъ нѣжнымъ румянцемъ. Близко отъ берега чернѣлъ, на утесистомъ острову, древній монастырь Севанскій и Армянское селеніе Чубуклы раскинулось около озера. Когда я сталъ спускаться съ горы, ко мнѣ на встрѣчу понеслись сорокъ челоуѣкъ Армянской конницы, въ ихъ восточномъ нарядѣ и вооруженіи; этотъ нечаянный привѣтъ, на берегахъ живописнаго озера, посреди утренней картины горъ, произвелъ на меня впечатлѣніе сильное и пріятное. Дикая, пустынная Арменія, исполненная поэтическихъ развалинъ своихъ городовъ и обителей, представилась мнѣ полною дѣйствительной жизни, какъ будто все ея слав-

ное минувшее внезапно обратился въ настоящее. Окруженный блестящими всадниками, я продолжалъ путь вдоль по берегу, до того мѣста, откуда можно было переплыть въ монастырь. Сильный вѣтеръ долго препятствовалъ слышать наши крики и выстрѣлы, на острову Севанскомъ, который отстоитъ за двѣ версты: наконецъ медленно двинулся оттолъ паромъ, единственное средство сообщенія съ берегомъ. На цѣломъ озерѣ нѣтъ ни одной лодки, хотя въ его окружности, усѣянной селами, считается до трехъ сотъ верстъ и болѣе шестидесяти въ поперечникъ; но трудность водянаго пути полезна была, во времена владычества Персидскаго. Не осудилъ и я убогаго парома, потому что его толстыя бревна, лучше дощатой лодки, противустояли напору волнъ, и менѣе чувствовалась томительная качка на волнахъ.

Основаніе Севанской обители восходитъ до временъ великаго Просвѣтителя Арменіи, который тамъ соорудилъ первую церковь Воскресенія Христова, на мѣстѣ древняго языческаго капища. Островъ, по

своей неприступности, издавна служилъ крѣпостью, для первой династіи Гайканской, и подъ водами озера еще видны остатки стѣнъ. «Айсъ-эванъ!» вотъ монастырь, сказалъ Просвѣтитель, и оттого произошло названіе Севанга. Дважды былъ онъ раззоренъ въ VIII вѣкѣ, полчищами Лезгинъ и полководцемъ Арабскимъ Мурваномъ; два вѣка спустя обитель сія послужила убѣжищемъ одному изъ Царей Армянскихъ, властвовавшихъ въ Ани, Ашоту, прозванному желѣзнымъ, изъ династіи Багратидовъ. На десяти плотяхъ, съ семидесятью отборными воинами, не устранился онъ напасть на многочисленное войско намѣстника Халифовъ, который стерегъ его на берегу, и бѣжали непріатели.

При выходѣ на островъ меня поразила малочисленность братіи, хотя однако здѣсь ихъ болѣе, чѣмъ въ прочихъ обителяхъ Арменіи, вообще скудныхъ монашествующими. Мнѣ сказали, что Архіепископъ, бывшій Елисаветпольскій, который управлялъ монастыремъ, вызванъ въ Эчміадзинъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми монахами,

коихъ считается до двадцати. Они ведутъ жизнь самую пустынную, чему можно повѣрить, по уединенному положенію острова. Это была первая обитель Армянская, которую я посѣтилъ; мнѣ любопытно было внутреннее устройство малыхъ келлій, можно сказать облѣпленныхъ около нижней церкви; онѣ раздѣлялись между собою узкимъ переходомъ и примыкали къ низкой трапезѣ. Самая церковь, гдѣ обыкновенно бываетъ богослуженіе, празднуетъ успенію Божіей Матери, какъ большая часть церквей Армянскихъ, и не представляетъ взорамъ никакого благолѣпія. Она построена была въ исходѣ IX вѣка, дочерью Царя Ашота, Маріаміею, супругою князя Сунійскаго, которая сама искала спасенія съ дѣтьми, на пустынномъ острову, отъ жестокости правителя Арабскаго; но всѣ иконы новыя и отзываются живописью западною.

Мы поднялись на вершину острова, гдѣ стоитъ древняя церковь Св. Апостолъ, сооруженная въ 884 году, тою же благочестивою Царевною; говорятъ, что верхов-

ные Апостолы сами указали мѣсто бывшему тогда настоятелемъ обители, а въ послѣдствіи Патріархомъ, Мастоцу. Обновленіе сего храма, въ половинѣ минувшаго вѣка, стерло съ него слѣды древности, но еще сохранились двѣ замѣчательныя двери чугунныя, съ рѣзными фигурами и крестами: западная дверь, проще и древнѣе, сдѣлана усердіемъ Князя Князей Армянскихъ Курда, въ 1176 году, какъ свидѣтельствуется надписью, а южная устроена въ XVI вѣкѣ; на ней изображены: Господь, сидящій по срединѣ символовъ Евангелистовъ, воздвиженіе креста, сошествіе Святаго Духа и два Святителя, изъ коихъ одинъ долженъ быть самъ великій Григорій. Третія церковь, во имя Предтечи, того же времени и также изъ дикихъ камней, пристроена, въ видѣ придѣльной, съ сѣверной стороны храма Апостоловъ.

Нѣсколько келлій прилегаютъ къ паперти, но онѣ пусты; только въ одной изъ нихъ спасается послушникъ, по имени Малкъ, изъ зажиточныхъ гражданъ Тифлискихъ, который ведетъ жизнь самую стро-

гую и, отвергая всякое подаяніе, трудами рукъ своихъ, старается поддержать, осыпающіеся камни ветхаго зданія. Мнѣ сказали, что онъ боится людей и будто помѣшанъ; но взойдя въ его убогую келлію, я увидѣлъ много древнихъ рукописей; предъ нимъ на полу лежало раскрытое житіе Св. Ефрема Сирина. Такъ не безумствуютъ, подумалъ я, и пожелалъ благочестивому отшельнику добраго отвѣта на страшномъ судилищѣ Христовомъ, которое столь пламенными чертами описываетъ Св. Ефремъ.

Дорога въ Эриванъ пролежала нѣсколько верстъ, по берегу озера, изъ котораго выходитъ рѣка Занга; недалеко отъ ея источника, на выдавшемся мысу, расположилось новое селеніе Малаканское. Я рѣшился провести ночь на станціи Ахтинской, но воспользовался остаткомъ дня, для посѣщенія великолѣпныхъ развалинъ древней обители Кечаруской. Она лежитъ за десять верстъ отъ станціи, между лѣсистыхъ горъ, въ живописномъ ущельи Дарачихъ, которое славится своими цвѣтами и служитъ лѣтнимъ становищемъ для жителей

Эриванскихъ. Обиліе лѣса и водъ, и близость Занги, шумящей подъ навѣсомъ скалъ у входа въ ущелье, дѣлаютъ это мѣсто очаровательнымъ, особенно въ знойные дни, и нельзя было выбрать лучшаго пріюта для безмолвія и ноческаго.

Григорій Магистръ соорудилъ обитель, въ эпоху горькую для народности Армянской, когда пала, вмѣстѣ съ столичнымъ городомъ Ани, третья царственная династія Багратидовъ, и Греческій Императоръ Константинъ Мономахъ держалъ у себя плѣнникомъ послѣдняго Царя Гагика. Весьма замѣчательно, въ лѣтописяхъ Армянской Церкви, лице основателя, имя коего связано почти съ каждымъ великолѣпнымъ зданіемъ своей родины, ибо вездѣ онъ оставилъ по себѣ благочестивую память. Григорій происходилъ отъ знаменитаго рода Паглауни, которому принадлежалъ и самъ великій просвѣтитель Арменіи. Отецъ его Васакъ былъ славнымъ воеводою и сокрушилъ полчища Турковъ, когда они вторглись въ малую Азію, подъ предводительствомъ Тогрула, родоначальника Султановъ

Оттоманскихъ. Григорія оклеветали приближенные Царя Гагика, въ преданности Императору Греческому, и принудили искать покровительства въ Царьградъ, гдѣ получилъ онъ въ дѣтствѣ высокое образованіе. Императоръ сдѣлалъ его правителемъ Месопотаміи, съ почетнымъ титуломъ Магистра, ибо Григорій уступилъ ему свои родовыя владѣнія въ области Араратской, которую однако не переставалъ украшать храмами. Прославившись одинаково, подвигами воинскими и учеными твореніями, онъ скончался въ глубокой старости, въ 1058 году; гробница его доселѣ существуетъ въ Каринскомъ монастырѣ Богоматери. Сынъ его Ваграмъ, подъ именемъ втораго Григорія, былъ въ послѣдствіи Католикосомъ, и отъ него опять пошло поколѣніе Іерарховъ Армянскихъ, сродниковъ великаго Просвѣтителя. Рассказываютъ о Магистрѣ, что однажды, въ Константинополѣ, имѣлъ онъ преніе съ ученымъ Агаряниномъ Мануче, о превосходствѣ Евангелія надъ Кораномъ. Противнику его казалось, что стихотворное сочиненіе Магомета заключало въ се-

бѣ болѣе вдохновенія, нежели простой разсказъ учениковъ Бога Слова! Магистръ, чтобы доказать ослѣпленному суетною мудростію, какъ легко было бы Евангелистамъ изложить, въ иномъ видѣ, тоже Божественное слово, съ помощію Божіею, въ нѣсколько дней переложилъ всѣ четыре Евангелія на стихи, необычайные по своей красотѣ, и пораженный, симъ чудомъ Агарянинъ, немедленно принялъ святое крещеніе.

Григорій основалъ обитель Кечарускую въ 1033 г., во имя великаго своего предка, тамъ гдѣ уже существовала церковь, построенная за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ княземъ Армянскимъ Апиротомъ. Обѣ еще существуютъ донынѣ, и третья малая церковь стоитъ между ними, но Григоріева далеко превосходитъ величіемъ Апиротову. Внѣшнія стѣны ея покрыты изваяніями и рѣзными крестами, въ которыхъ истощилось искусство каменосѣцевъ того времени. Надпись надъ южными вратами свидѣтельствуетъ, что Григорій Магистръ соорудилъ ее въ царствованіе Гагика, ибо онъ еще числился, даже и въ плѣну, между

Царями Арменіи, и во дни святительства Саркиса или Сергія, дабы святыня сія предстательствовала у Бога, за него и за чадъ его и за его Владыку: «кто прочтетъ, да помянетъ меня во храмъ.» Прочія надписи, какъ внутри такъ и снаружи, которыми исписаны всѣ стѣны, напоминаютъ только имена великихъ земли, поступившихъ въ число братства Кечарускаго, или пожертвовавшихъ ему свои имущества. Внутренность храма соотвѣтствуетъ его наружности: четыре высокія арки, складенныя изъ дикаго камня, поддерживали легкой куполь, который обрушился отъ землетрясенія, въ 1827 году, и завалилъ своими обломками помость. Обширная трапеза, также изъ дикаго камня, прилегаетъ съ западной стороны къ церкви; еще уцѣлѣлъ въ ней куполь, на четырехъ гранитныхъ столбахъ; онъ весь украшенъ искусною рѣзбою, которою особенно отличаются церкви Армянскія. Извнѣ алтаря стоятъ высокія гробовыя плиты, съ надписями и узорочными крестами, ибо на кладбищахъ Армянскихъ, по восточному обычаю,

не довольствуются класть на могилу камни, но и воздвигают ихъ надъ могилою. На нѣкоторомъ разстояніи къ западу отъ трехъ церквей, Магистра и Апирота, возвышается еще одна, въ видѣ колокольни; по сохранившейся надписи видно, что она сооружена гораздо позже въ XIII вѣкѣ, во имя Воскресенія Христова, на память всѣхъ усопшихъ. Остатки келлій и стѣнъ, раскинутые по всему пространству холма, свидѣтельствуютъ о прежнемъ населеніи обители.

На другой день, около полудня, достигъ я Эривани; она еще сохранила свой Персидскій характеръ, съ колоннадами тополей, которые поднимаются изъ за низменныхъ оградъ, и съ зеленью садовъ, раскинутыхъ по берегу Занги. Первое ея впечатлѣніе пріятно, съ окрестныхъ высотъ Канагира, но внутри города, посреди тѣсныхъ и грязныхъ улицъ, исчезаетъ очарованіе; самая крѣпость, хотя и громкая въ военной исторіи сего края, не представляетъ по наружности ничего величественнаго. Я остановился въ опу-

стѣвшемъ дворцѣ Сардарей Эриванскихъ, который уже почти не можетъ быть обитаемъ, отъ безпрестанныхъ землетрясеній, поколебавшихъ его слабыя стѣны; онъ весь въ трещинахъ, и знаменитая зеркальная зала Сардаря приходитъ день ото дня въ большій упадокъ; безпрестанно осыпаются ея зеркальныя украшенія и цвѣтныя стекла, тускнѣетъ позолота и карминъ ея арабесковъ. Не шумитъ болѣе легкій фонтанъ по среди мраморнаго помоста, отражавшій въ водахъ своихъ радужныя окны залы, и предъ нею высохъ широкій водоемъ, освѣжавшій ее въ знойные дни, подъ навѣсомъ шелковыхъ тканей; онъ разорванъ теперь какъ снасти разбитаго корабля. Фетъ-Али-Шахъ, Аббасъ Мирза, самъ бывшій Сардаръ и братъ его Гусейнъ, яркими красками написаны на стѣнахъ, въ восточномъ вкусѣ, вмѣстѣ съ Ростомомъ и другими баснословными героями славной поэмы Фирдауси Шахъ-Наме; уныло смотрятъ они на запустѣніе своей Альгамбры, которую сокрушаютъ время и Ара-ратъ.

Мнѣ рассказывали романтическое событіе, случившееся въ виду сей залы, которое отзывается повѣстями тысячи одной ночи. Однажды Сардаръ взялъ къ себѣ въ гаремъ прекрасную Армянку, уже обрученную жениху, за нѣсколько дней до ихъ свадьбы. Отчаянный любовникъ, пренебрегая опасностью, пришелъ въ лунную ночь на противоположную скалу крутоберегой Занги, чтобы еще однажды взглянуть, хотя издали, на блестящую тюрьму своей невесты. Сидя на скалѣ, запѣлъ онъ унылую пѣснь и въ тишинѣ ночи, сквозь ропотъ водъ, слышался голосъ его въ гаремъ; она выглянула въ окно, она узнала друга своего сердца, и все позабывъ, въ радостномъ восторгѣ, бросилась къ нему изъ окна, не взирая на высоту стѣнъ и утесовъ, не думая о томъ, что ихъ раздѣляетъ рѣка и наблюдаетъ за ними стража. По счастью она упала на дерево и широкими одеждами повисла на вѣтвяхъ; любовниковъ схватили и привели къ Сардарю, и что же? тронулось его суровое сердце такою нѣжною любовью; онъ осыпалъ ихъ дарами и отпустилъ.

Я всталъ до разсвѣта и сѣлъ на уединенномъ балконѣ тѣхъ покоевъ, гдѣ провелъ одну ночь самъ великій Обладатель исполинской державы, простирающейся отъ Ледовитаго моря до Арарата. У ногъ моихъ шумѣла неумолкающая Занга, между утесистыхъ береговъ, на обрывѣ конихъ висѣли дворецъ и гаремъ и обветшавшая крѣпость. По другую сторону раскинулись виноградники Эриванскіе и роскошный садъ Сардаря, весь обросшій тополями. Каменистая дорога подымалась, по крутому берегу рѣки, въ Эчміадзинъ; уже по ней шли ранніе путники, и тянулся караванъ верблюдовъ, и гнали стада свои Курды. Холмъ Иракліевъ, такъ названный въ память воевавшего здѣсь Грузинскаго Царя, преграждалъ дальнѣйшіе виды; но высоко подымался исполинь Арменіи, двуглавый Араратъ, весь въ радужныхъ лучахъ восходящаго солнца, и самъ, какъ радуга, оставшійся намъ памятникомъ потопа. Съдое чело его, убѣленное вѣковыми снѣгами, достойно было служить подножіемъ ковчегу, въ которомъ сохранился человѣческій

родъ. Рядомъ съ великимъ, малый Араратъ, подымаетъ свою остроконечную вершину, осыпанную также снѣгомъ, какъ бы первый шатеръ, раскинутый родоначальникомъ нашимъ, на пустотѣ вселенной; а кругомъ таже пустыня, какою представлялся міръ послѣ потопа, и дальній хребетъ горъ, которыя заимствуютъ свое названіе отъ Арарата, свидѣтельствуя правильность выраженій Святаго писанія: «и ста ковчегъ на горахъ Араратскихъ.» Здѣсь, съ благоговѣніемъ, должно прочесть страшную библейскую картину потопа.

Еще недавно, на скатъ горы, древняя обитель Св. Іакова Низивійскаго, обозначала то мѣсто, гдѣ выходецъ ковчега Ной насадилъ первую лозу виноградную. Но внезапно потрясся въ основаніяхъ своихъ въковой Араратъ, какъ бы предвѣщая новую бурю вселенной, ибо только для всемірныхъ знаменій одиноко стоитъ онъ на поприщѣ потопа, и погибли селеніе, обитель и самая ихъ долина. Страшно и знаменательно! — Гора, воспріявшая на себя ковчегъ, отъ бурныхъ волнъ потопа, какъ бы

отпустила.

младенца возрожденнаго отъ купели, сама кипить внутри волканическими огнями, и глухіе порывы ея бурнаго сердца безпрестанно потрясають всю окрестность. Что же хочешь ты изглаголатъ намъ, вѣщій старецъ Араратъ, стихійнымъ гласомъ своихъ потаенныхъ бурь?—Засвидѣтельствовать ли слово Апостольское: что какъ первый міръ погибъ предъ лицомъ твоимъ, въ волнахъ потопа, такъ и обновленный міръ Ноевъ гоговится къ иному истребленію огненному, послѣ котораго явятся новыя небеса и новая земля, вѣчныя обители правды? (И. Петр. III. 6, 7.) Говори старецъ, тебѣ должны внимать твои дѣти, изшедшія изъ твоей пустынной колыбели.

СВ. ГРИГОРІЙ ПРОСВѢТИТЕЛЬ.

Дорога отъ Эривани въ Эчміадзинъ лежитъ по широкому полю, кое гдѣ лишь оживленному селеніями, тамъ гдѣ есть протоки воды; но уже однообразіе сей пустынной равнины не прерывается до самой подошвы горъ, ее окружающихъ. Издали видны куполы обители Эчміадзинской и трехъ смежныхъ съ нею церквей, отъ которыхъ она заимствовала свое Турецкое названіе: Учъ-келеси. Селеніе Вагаршапатья, бывшее нѣкогда столицею Царей Армянскихъ, прилегаетъ къ вратамъ монастырскимъ. Но прежде нежели вступить въ

древнюю ограду Эчміадзинскую, исполненную памяти великаго Просвѣтителя Арменіи и святыхъ дѣвъ, съ нимъ пострадавшихъ за Христа, необходимо сказать, хотя вкратцѣ, кто былъ Святитель Григорій? ибо здѣсь, на каждомъ шагу, встрѣчается его имя, ключъ Христіанской исторіи Арменіи; безъ сего священнаго имени темны будутъ всѣ рассказы о святыни Эчміадзинской.

Въ преданіяхъ Армянской Церкви, Апостолы Варѳоломей и Таддей были первыми ея проповѣдниками и принесли съ собою два священные залога въ просвѣщаемую ими страну: одинъ чудотворную икону Богоматери, писанную Евангелистомъ Лукою, но теперь уже утраченную; другой священное копіе, произившее на крестѣ ребро нашего Икупителя. Потому и пишутся они почти всегда, на дверяхъ олтарныхъ, съ сими двумя знаменіями въ рукахъ, если только не замѣнили ихъ, по вліянію Папъ, уже довольно позднему, верховные Апостолы Петръ и Павелъ. Но въ теченіи первыхъ трехъ столѣтій, Хри-

стіанство едва едва держалось въ Арменіи, хотя по мѣстнымъ преданіямъ не прерывался рядъ Епископовъ, начиная отъ Аддея, рукоположеннаго Апостолами, до Леонтія Архіепископа Кесаріи Каппадокійскія, который въ свою чреду посвятилъ великаго Просвѣтителя.

Григорій происходилъ отъ Пароянскаго рода Царей Арсакидовъ, и зачатъ былъ въ утробѣ материнской, близъ той обители, гдѣ почиваютъ мощи Апостола Ааддея, когда отецъ его Анакъ переселялся изъ Персіи въ Арменію; тяжкими страданіями надлежало ему искупить нечестіе отца своего и духовное спасеніе отечества.

Въ то время Арташиръ или Артаксерксъ, родоначальникъ династіи Сассанидовъ, свергнулъ съ престола Персидскаго древнюю династію Арсакидовъ, и домогался уничтожить ее и въ Арменіи, гдѣ она водворилась за полтораста лѣтъ до Р. Х. Хозрой, Царь Армянскій, былъ сильнѣйшій соперникъ Арташира и сей новый властитель послалъ родственника царскаго Анака, умертвить его, ибо не надѣялся

иначе одолѣть. Измѣнникъ Анакъ, какъ бы избѣгая гоненія новой династіи Персской, укрылся къ Хозрою и, дружески имъ принятый, два года искалъ случая совершить злодѣйскій умыслъ. Воспользо-вавшись наконецъ одиночествомъ Царя на ловлѣ, близъ столичнаго города Арташата, умертвилъ его и хотѣлъ бѣжать чрезъ Араксъ, но оруженосцы царскіе погнались за убійцей и онъ утонулъ въ водахъ разлившейся рѣки. Хозрой, движимый мщеніемъ, успѣлъ еще, при послѣднемъ издыханіи, приказать истребить весь родъ измѣнника Анака; только особенное усердіе брата кормилицы Григоріевой, при содѣйствіи благодати Божіей, спасло двухъ-лѣтняго младенца отъ руки кровоместниковъ. Его унесли въ Кесарію и на пути таинственно наречено было Ангеломъ, имя Григорія, осиротѣвшему потомку Царей Парѣянскихъ. Новые родители воспитали его въ правилахъ христіанскаго благочестія и сочетали бракомъ съ дочерью одного изъ именитыхъ князей Армянскихъ. Вартапъ и Аристагесъ были плодомъ сего

брака. Но Григорій, еще въ юныхъ лѣтахъ, почувствовалъ влеченіе къ жизни отшельнической и убѣдилъ супругу, отпустить его въ пустыню. Она сама, съ младшимъ сыномъ, послѣдовала его примѣру, предоставивъ старшему продолжать собою царственное и вмѣстѣ священное племя Григоріево, которое еще полтора столѣтія послѣ него, украшало Іерархами Церковь Арменіи.

Между тѣмъ Царь Персовъ, пользуясь смертію Хозроя, овладѣлъ его державою и старался истребить весь его родъ; но вѣрные вельможи спасли двухъ его младенцевъ, и укрывъ дочь въ неприступной крѣпости Ани, увезли сына Тиридата ко двору Кесарей Римскихъ, коренныхъ враговъ племени Сассанидовъ. Тамъ прославился доблестями воинскими юный Тиридатъ, въ царствованіе Діоклитіана, жестокаго гонителя Христіанъ. Предъ лицомъ его сразилъ онъ на поединкѣ исполина Готскаго, который вызывалъ на бой самаго Императора, и Кесарь въ знакъ благодарности, облекши его порфирой, отпу-

стиль на царство. Доблестный юноша исторгъ опять свое родовое наслѣдіе изъ рукъ Персовъ. Но не одинъ возвратился Тиридатъ въ отечественную область: съ нѣкотораго времени не отлучно находился при немъ ревностный служитель, близкій его сердцу, хотя и невѣдомый родомъ, на коего возлагалъ онъ всю свою довѣренность. Это былъ самъ великій Григорій; услышавъ о подвигахъ юнаго Царя, при дворѣ Кесарей, онъ оставилъ пустыню, что бы загладить предъ нимъ вину преступнаго отца. Тайная рука Провидѣнія, спасшая его отъ меча Хозроева, привела путемъ страданій и къ высшей цѣли, ему указанной.

Грекъ Агаѳангель, ближайшій письмоводитель Тиридата, сохранилъ намъ, въ лѣтописи своей, повѣсть многообразныхъ страданій Св. Григорія, въ которыхъ его поддерживала сверхъестественная сила Божія, и записалъ назидательныя рѣчи, которыми онъ исповѣдывалъ Христа Іисуса, посреди самыхъ жестокихъ мукъ. Въ первый годъ царствованія, Тиридатъ хотѣлъ при-

нести торжественную жертву Артемидѣ или Діанѣ, главному божеству Армянскому, и съ негодованіемъ увидѣлъ, что изъ всѣхъ его приближенныхъ, одинъ только Григорій, отказывался участвовать въ требищѣ идольскомъ. «Я вѣрно служу Царю моему земному, сказалъ Григорій, хочу соблюсти вѣрность и небесному.» Тиридатъ, надѣясь одолѣть твердость его мученіями, не лишая однако жизни, изобрѣталъ и умножалъ ихъ, по мѣрѣ изумительнаго терпѣнія святаго мужа, въ продолженіи многихъ дней. Услышавъ изъ устъ Григорія пространное исповѣданіе Божества Христова, предъ лицомъ всего двора своего, разгнѣванный Царь велѣлъ бить его по устамъ, давить тисками грудь и тяжестями рамена; въ такомъ положеніи водили его сперва по всему городу а потомъ подняли на крышу палатъ, и тамъ привязали къ столбу на семь дней. Тщетнымъ оказалось первое испытаніе; таже проповѣдь, о суетѣ идоловъ, огласила дворъ Царя. Еще болѣе раздраженный, приказалъ онъ повѣсить Святаго за ноги и предать

біенію, въ продолженіи другихъ семи дней, но промежду ударовъ слышались только Христіанскія рѣчи, о сотвореніи чловѣка, его паденіи, искупленіи и будущемъ судѣ. Новыя мученія ожидали исповѣдника Христова, послѣ третьяго отрицанія служить идоламъ. Ему стиснули руки и ноги, такъ что кровь выступила изъ подъ ногтей, его пригвоздили къ полу а потомъ повлекли, терзали желѣзными когтями, бросали обнаженнаго на терны, сжали голову въ столярномъ станкѣ, надѣли на него мѣшокъ съ известью и сѣрой, чтобы привести въ безпамятство, и хотя въ такомъ положеніи принудить поклониться иступкамъ. Въ уста его лили уксусъ, горькую воду, и растопленное олово, наконецъ облили имъ все тѣло, и привѣсивъ тяжести къ ногамъ, чтобы разъединить сотрясеніемъ всѣ члены, встянули его веревками, за связанныя на спинѣ руки, на высокій столбъ; въ такомъ положеніи опять держали нѣсколько дней. — Но сколь ни сильны были мученія, изобрѣтаемыя людьми, еще сильнѣе было покровительство Божіе, со-

блюдавшее святаго для спасенія цѣлаго народа; ибо немощное Божіе крѣпче чело-
вѣковъ, говоритъ Апостоль, и сила Божія совершается въ немощи человѣческой. Не утомился мученикъ, утомился мучитель; узнавъ отъ одного изъ вельможъ своихъ, что Григорій есть сынъ измѣнника Анака, онъ велѣлъ бросить, измученнаго столько-
ми пытками, въ глубокую яму, наполнен-
ную ядовитыми животными, въ крѣпости Арташатской, куда обыкновенно ввергали преступниковъ; но и тамъ промыслъ Божій не оставилъ Святаго. Благодетельная вдови-
ца, жившая подлѣ сей темницы, ежеднев-
но бросала ему въ малое отверстіе скуд-
ную пищу; такимъ образомъ провелъ 14 лѣтъ, въ непрестанной молитвѣ, будущій просвѣтитель Арменіи, до времени своего явленія міру. Оно должно было ознамено-
ваться новымъ пролитіемъ крови Христі-
анской, ибо на костяхъ мученическихъ основалась Церковь распятаго Сына Бо-
жія.

Еще царствовалъ жестокій Діоклиті-
анъ, убійца столько мучениковъ; чув-

ственному властителю пришло на мысль: избрать себѣ въ супруги ту изъ дѣвъ своей необъятной державы, которая была бы всѣхъ плѣнительнѣе красотою. Въ Римѣ, подѣ руководствомъ благочестивой старицы Гаяны, спасались пятьдесятъ дѣвъ, посвятившихъ себя исключительно служенію Христову; изъ нихъ одна, происхожденія царскаго, Рипсима, отличалась своею наружностію и на нее палъ выборъ сано-вниковъ Кесаря. Испуганныя дѣвы, вмѣстѣ съ наставницею, тайно отплыли въ Палестину и тамъ, на святомъ гробѣ Искупителя, Рипсима обрекла себя небесному жениху.—Божественное видѣніе внушило ей, удалиться въ Арменію, ибо имъ надлежало кровью засвидѣтельствовать о Христѣ, въ странѣ языческой. Онѣ достигли, послѣ долгаго пути, Армянской столицы Вагаршапата и тамъ, поселившись въ убогомъ домѣ близъ виноградника, проводили время въ молитвахъ, питаясь трудами рукъ своихъ. Изъ числа ихъ Св. Нина, проникла далѣе въ предѣлы Иверіи и сдѣлалась просвѣтительницею народа Гру-

зинскаго; другая же по имени Мана, съ нѣсколькими подругами, предчувствуя близкое гоненіе, водворилась въ пустынныхъ пещерахъ области Таронской, гдѣ въ послѣдствіи основалась знаменитая обитель Предтечи.

До слуха Кесарева достигла наконецъ вѣсть, о мѣстѣ убѣжища Римскихъ дѣвъ; онъ писалъ Тиридату, предоставляя на его волю: или выслать къ нему Рипсиму, или взять ее себѣ въ супруги; Царь предпочелъ послѣднее, но богатые дары его были отвергнуты, избравшею себѣ небеснаго жениха. Раздраженный искалъ силою одолѣть упорство и остался побѣжденнымъ ея твердостію. Но будучи плененъ чудною красотою дѣвы, хотѣлъ еще однажды, прежде мученій, испытать всѣ средства убѣжденія, и приказалъ наставницѣ Гаянѣ, внушить своей питолицѣ покорность земному владыкѣ. Воздоившая Рипсиму млекоу ученія Христова, могла ли такъ жестоко противурѣчить себѣ самой? Латинская бесѣда духовной матери съ дочерью подслушана была клеветами Царя. Рипсима еще однажды, осѣненная

Ангельскимъ покровомъ, превозмогла страстные порывы Тиридата; тогда начались истязанія. Ей отръзали языкъ, выкололи глаза; веревками растянули нѣжные члены ея къ четыремъ столбамъ и развели подъ нею малый огонь, чтобы жечь по немногу; когда же довольно испеклась мученица, набросали на животъ ея камни, такъ что отъ ихъ тягости проторглась вся внутренность; потомъ уже разсѣкли на части сію чистую жертву, принесшую себя во всесожженіе Богу. Тридцать двѣ подруги царевны, пришедшія собрать ея мученическія останки, избиты были мучителями на томъ же мѣстѣ; одну изъ нихъ, по имени Маріамну, остававшуюся на болѣзненномъ одрѣ, умертвили въ собственномъ ихъ жилищѣ. На другой день дошла очередь мученій до наставницы Гаяны и еще двухъ съ нею жившихъ въ уединеніи дѣвъ. Онѣ подверглись почти одинаковой казни съ Рипсимою, но вмѣсто того, чтобы жечь ихъ огнемъ, съ нихъ содрали кожу, и еще дышущимъ отсѣкли головы. Тѣла всѣхъ 37 мученицъ бросили на съѣденіе птицъ и

звѣрей; но звѣри, болѣе милостивые нежели люди, не смѣли коснуться ихъ останковъ.

Скоро небесная казнь постигла мучителей. На шестой день, звѣрской сердцемъ Тиридатъ и его ближайшіе сановники, подверглись участи Навуходоносоровой. Обезумѣль неистовый властитель, давно уже вышедшій изъ предѣловъ человѣческой природы, и подобно вепрю сталъ скитаться съ дикими звѣрями; съ нимъ вмѣстѣ бѣсновались исполнители его казней, терзая собственное тѣло и наполняя страшными воплями окрестности Вагаршата. Ужасъ объялъ столицу; сестра Царева, Хосровидухтъ, имѣла тайное видѣніе, что одинъ только узникъ, Григорій, можетъ исцѣлить бѣснующихся. Царевна открыла свое видѣніе сановникамъ; но оно должно было повториться нѣсколько разъ, прежде нежели увѣровали ея словамъ. Старшій изъ вельможъ, по имени Ода, посланъ былъ въ Арташатъ, и не вѣря самъ, чтобы еще могъ быть въ живыхъ Григорій, послѣ четырнадцати-лѣтняго забвенія

въ ядовитой ямѣ, возгласилъ надъ ея устьемъ. «Григорій, если ты еще живъ, обвей вокругъ себя веревку, и мы извлечемъ тебя изъ ямы.»—«Богомъ моимъ я живъ!» отвѣчалъ изъ глубины рва мученикъ и, къ общему изумленію, невредимый вышелъ изъ смертной темницы; его облекли въ свѣтлыя ризы и въ радостномъ торжествѣ повезли въ Вагаршапатъ, гдѣ какъ спасителя встрѣтилъ его народъ.

За нѣсколько поприщъ отъ города, Царевна и весь синклитъ, пали къ его ногамъ; въ то же время, привлеченные неодолимою силою, бѣснующіеся сановники и самъ звѣровидный Царь устремились къ святому и, простершись предъ нимъ, дикими воплями какъ бы умоляли его разрѣшить ихъ. Григорій немедленно исцѣлилъ царедворцевъ, менѣе виновныхъ, но возвративъ самосознаніе Тиридату, не тотчасъ отъялъ звѣрской образъ, внѣшнее выраженіе внутреннихъ его страстей, дабы онъ болѣе вникнулъ въ самага себя и почувствовалъ всю мерзость своего состоянія. «Не мнѣ поклоняйтесь, говорилъ святой

мужъ всѣмъ припадавшимъ къ ногамъ его, ибо я только человекъ вамъ подобострастный; но поклоняйтесь Создателю неба и земли и насъ человекъ, который нынѣ исцѣлилъ васъ.» Потомъ таинственно спросилъ: «гдѣ Божіи серны?» разумѣя подъ симъ именемъ невинныя жертвы, пострадавшія за Христа, и когда указали ему мѣсто избіенія дѣвъ, онъ собралъ нетлѣныя останки, сохранившіеся невредимо въ теченіи столькихъ дней, обвилъ ихъ въ собственныя одежды, отвергнувъ какъ недостойныя богатая ризы, принесенныя язычниками. Въ томъ самомъ вертоградѣ, куда собралъ на время святыя мощи мученицъ, остался онъ провести надъ ними ночь, въ уединенной молитвѣ.

Тамъ посѣтило его свыше страшное видѣніе, послужившее къ основанію первопрестольнаго храма Арменіи. Въ полночь увидѣлъ онъ разверзшіяся небеса и лучъ свѣта, сходящій на землю, по направленію коего стремились тьмы Ангеловъ, а предъ ними мужъ высокій, грозный видомъ, съ златымъ молотомъ въ десницѣ. Быстрѣе

орла летѣлъ онъ прямо къ Вагаршапату и сильно ударилъ молотомъ въ землю: застонала земля, потряслись горы, отъ гула громовъ, и изъ нѣдръ земли слышались страшные вопли ада. Потомъ по срединѣ города, близь царскаго дворца, внезапно воздвиглось круглое золотое подножіе, на подобіе олтаря, и на немъ огненный столбъ, а сверху облачный куполъ съ вѣнчающимъ его крестомъ. Вокругъ поднялись сами собою четыре другихъ столба, изъ коихъ три, на мѣстѣ избіенія святыхъ дѣвъ, увѣнчанные также крестами; сводъ изъ облаковъ осынилъ все это чудное зданіе, озаренное сіяніемъ крестнымъ. Изнутри его изшелъ внезапно обильный источникъ, на подобіе Эдемскаго, и оросилъ собою все поле окрестъ, сколько лишь могли обнимать оное взоры. Ангелъ Господень предсталъ смятенному Григорію и объяснилъ ему видѣніе: «Страшный мужъ, поразившій молотомъ землю, самъ Господь; огненный столбъ, на златомъ основаніи, соединенный крестообразно съ другими столбами подъ облачнымъ сводомъ, есть святая

соборная Церковь, основанная на незыблемомъ камени Христѣ, и всѣхъ объемлющая подѣ сѣнь креста, ибо на немъ принесъ себя въ жертву самъ Единородный Сынъ Божій, помазанный Отцемъ своимъ, въ Первосвященника вѣчнаго. Да будетъ и сіе мѣсто домомъ молитвы и престоломъ священства! Свѣтъ, просіявшій между четырьмя столбами, и произведшій тотъ обильный источникъ, который напоилъ всю землю, есть образъ Божественнаго крещенія, истекающаго изъ соборной Церкви для обновленія человѣчества. Благоговѣй предъ симъ знаменіемъ, даннымъ тебѣ отъ самаго Господа, и здѣсь сооруди ему храмъ.» Когда умолкъ Ангелъ, еще разъ поколебалась земля, и съ наступающимъ утромъ исчезло чудное видѣніе. По сему мѣсто сіе названо было сначала Шогакатъ, т. е. изліяніемъ свѣта, а въ послѣдствіи Эчміадзиномъ, т. е. сошествіемъ Единороднаго, и доселѣ такъ именуется первопрестольная церковь Армянская.

На другой день Царь, со всемъ синклитомъ и народомъ, посѣтилъ святаго въ его

вертоградъ, и простершись къ ногамъ его опять молилъ о прощеніи, дабы Господь не осудилъ ихъ за грѣхи. Великій Григорій началъ проповѣдывать имъ слово Божіе, не утаивъ и чудное свое видѣніе; въ теченіи шестидесять дней продолжалъ онъ огласительную проповѣдь, а между тѣмъ указалъ и оградилъ мѣсто, гдѣ видѣлось ему Божественное явленіе, и, водрузивъ на немъ знаменіе креста, положилъ основаніе тремъ другимъ престоломъ, на мѣстѣ избіенія Рипсимы, Маріамны и Гаяны, съ ихъ подругами. Потомъ приступилъ къ созиданію самыхъ храмовъ, на предположенныхъ мѣстахъ, въ чемъ ревностно ему содѣйствовали Царь и вельможи; самыя жены носили для строенія камни въ драгоценныхъ своихъ одеждахъ. Когда же приготовлены были гробницы для Св. дѣвъ, Тиридатъ еще однажды палъ къ ногамъ Святого, умоляя совершенно разрѣшить его отъ тяжкаго наказанія и, по молитвѣ угодника Божія, возвращенъ ему былъ прежній образъ. Раскаявшійся Царь болѣе всѣхъ трудился, для достойнаго погребенія своихъ жертвъ,

и великій Григорій съ честию, положилъ тѣла ихъ подъ сводами трехъ церквей. Тогда исключительно занялся сооруженіемъ первопрестольной, и въ то же время разрушалъ окрестныя капища, исцѣлялъ болящихъ и непрестанно поучалъ народъ спасительнымъ истинамъ Христіанства.

Между тѣмъ Царь и весь его синклитъ единодушно положили избрать себѣ пастыремъ Григорія и послать его для посвященія къ Архіепископу Кесаріи Леонтію, первенствовавшему въ области Армянской. Долго отрекался смиренный мужъ отъ почести высокаго званія, но ему явился Ангелъ и повелѣлъ принять предопредѣленное Богомъ. Торжественно было шествіе великаго просвѣтителя Арменіи. Царь отпустилъ его на собственной колесницѣ, въ сопровожденіи старшихъ вельможъ и почетной стражи, съ богатыми дарами для церквей Греческихъ, лежавшихъ на пути. Столь же торжественна была встрѣча и въ Кесаріи, куда уже достигла молва, о его мученическихъ подвигахъ и чудномъ обращеніи цѣлой страны къ свѣту Христову.

Леонтій рукоположилъ Григорія въ Епископа всей Арменіи, и далъ ему часть мощей Предтечи и мученика Аѳиногена, пострадавшаго при Діоклитіанѣ, въ основаніе новой церкви. Святитель, на обратномъ пути, повсюду истреблялъ идоловъ, въ предѣлахъ ввѣренной ему области, и близъ горъ Таронскихъ, на границѣ малой и великой Арменіи, сокрушилъ знаменитое капище Афродиты. Тутъ, по божественному внушенію, остановившись на время, крестилъ онъ всѣхъ ему сопутствовавшихъ, въ числѣ двадцати тысячъ, и положилъ въ основанной имъ церкви мощи Предтечи. Въ послѣдствіи устроилась близъ сего мѣста знаменитая обитель Крестителя, называемая Мушъ, которая до нынѣ привлекаетъ въ Эрзерумъ множество богомольцевъ. Далѣе, на берегахъ Евфрата, встрѣтилъ Святителя самъ Тиридатъ, со всемъ своимъ домомъ; Григорій преподалъ имъ святое крещеніе въ водахъ рѣки, освященной воспоминаніемъ рая, и сдѣлалъ причастникомъ пищи Эдемской, отъ новаго древа жизни, уже не охраняемаго мечемъ Херу-

вима. Но прежде принятія ихъ въ число Христіанъ, наложилъ краткій пригото-вительный постъ, который соблюдается до-нынѣ въ Церкви Армянской, на память ея просвѣщенія. Святитель водворился въ царственномъ Вагаршапатѣ и рукоположилъ двѣнадцать Епископовъ, въ различ-ные города своей церковной области. Тридцать лѣтъ продолжалъ свѣтитъ роди-нѣ своей великій Григорій, словомъ исти-ны и благимъ примѣромъ, но отъ времени до времени удалялся въ пустыню, для со-зерцательной молитвы.

Преданіе Церкви Армянской говоритъ, что по зову великаго Константина, ходилъ онъ однажды съ Царемъ Тиридатовъ въ Царьградъ, гдѣ принять былъ съ чрезвы-чайною почестію. Но, избѣгая славы чело-вѣческой, Святитель послалъ вмѣсто себя, на первый вселенскій соборъ въ Никею, младшаго сына Аристагеса, котораго не за-долго предъ тѣмъ рукоположилъ во Епи-скопа. Аристагесъ, принесъ съ собою пра-вила соборныя, вмѣстѣ съ символомъ Ни-кейскимъ, и они были приняты, съ вели-

кимъ уваженіемъ, просвѣтителемъ Арменіи. Послѣ вселенскаго собора Григорій, видя, что уже достаточно утверждена имъ вѣра Христова въ отечествѣ, рѣшился совершенно оставить міръ; онъ поставилъ на каѳедру сына своего Аристагеса, а самъ удалился въ дикую пещеру области Таронской, гдѣ спасалась нѣкогда одна изъ спутницъ Царевны Рипсимы. Тамъ окончилъ на молитвѣ труженическое поприще, и тамъ однажды сосѣдніе пастухи, обрѣвши невѣдомое имъ тѣло, погребли его въ пустынь. Только чрезъ многіе годы, открыто было, по небесному видѣнію, нѣкому отшельнику, мѣсто погребенія Святителя, и его нетлѣнные остатки перенесли съ честію въ селеніе Тартанъ, гдѣ также устроилась обитель. Дальнѣйшая участь мощей его неизвѣстна, ибо въ пятомъ вѣкѣ, при Императорѣ Зиенонѣ, ихъ перенесли въ Царьградъ, а оттолъ, частію въ Италію, частію обратно въ Арменію. Глава святаго теперь находится въ Неаполѣ, лѣвая рука въ Сисѣ, гдѣ существовала долго патріаршая каѳедра Армянская, во дни кресто-

выхъ походовъ и доселѣ держится одинъ изъ титулярныхъ Патріарховъ, а правая рука въ Эчміадзинѣ служитъ для посвященія его преемниковъ.

ЭЧМІАДЗИНЪ.

Мимо древнихъ церквей Рипсимы и Шогакать, лежавшихъ въ право отъ большой дороги, я проѣхалъ чрезъ селеніе Вагаршапаты, къ главнымъ воротамъ обители Эчміадзинской. Базпрестанныя нападенія Турковъ и Персовъ побудили окружить ее двойною оградой, съ многими башнями, на основаніи изъ тесанныхъ камней. Между вѣншей и внутренней оградой мнѣ представился крытый базаръ, гдѣ хранили

свои сокровища жители Вагаршапата, въ смутныя времена, и гдѣ до сихъ поръ производится ихъ торговля, подѣ сънію обители. — Потомъ, сквозь двойныя ворота, взошелъ я на главный дворъ ея, посреди коего возвышается первопрестольная церковь Св. Григорія, испытавшая столько бурь и бѣдствій, отъ временъ великаго просвѣтителя. Она была открыта и я тѣмъ воспользовался, чтобы помолиться у средняго алтаря, во имя сошествія Единороднаго, гдѣ явилось чудное видѣніе Григорію. Изъ средняго двора меня провели, сквозь низкія двери, на другой дворъ, собственно Патріаршій, съ малымъ посреди его садомъ и фонтанами; разноцвѣтныя окна лѣтняго и зимняго жилья Патріарховъ обращены были на этотъ дворъ.

Нерсесъ обиталъ еще въ лѣтнихъ покояхъ, которыя состояли изъ двухъ пріемныхъ залъ, совершенно въ восточномъ вкусѣ, раздѣленныхъ между собою только арками изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Вся наружная стѣна образовала одно окно, какъ бы въ теплицѣ, и горѣла лучами солнца,

которые рисовали на полу яркіе узоры. Портретъ Государя Императора, во весь ростъ, занималъ одну стѣну узкой залы, а вокругъ него, по другимъ стѣнамъ, висѣли портреты древнихъ Царей Армянскихъ, начиная отъ родоначальника Гайкана и современника Господня Авгара, до великаго Тиридата и славныхъ между Хозроями. Въ другой залъ устланной Персидскими коврами, которая служила пріемною, стоялъ на возвышеніи рѣзной тронъ Патріарха, присланный ему изъ Индіи, а на стѣнахъ, расписанныхъ арабесками, изображены были въ кругахъ всѣ разнообразныя страданія просвѣтителя Арменіи. Покамѣстъ разсматривалъ я восточное убранство сихъ покоевъ, я не слыхалъ какъ, по мягкимъ коврамъ, кто-то подошелъ сзади; положивъ руку ко мнѣ на шею, онъ дружески пригнулъ мою голову себѣ на грудь: — это былъ самъ Патріархъ Нерсесъ. «Здрастуй любезный, сказалъ онъ мнѣ съ свойственною ему привѣтливостію, вспомни гдѣ мы видѣлись съ тобою и гдѣ ты теперь». — «Подъ вашею отеческою сѣнію, отвѣчалъ я, и

радуюсь, что сдержалъ данное слово, посѣтитъ васъ, въ первопрестольной обители вашей.» Ласковый пріемъ Патріарха, въ краю отдаленномъ и чуждомъ, былъ мнѣ особенно пріятенъ. Я имѣлъ щастіе познакомиться съ нимъ, за два года предъ тѣмъ, въ Петербургѣ, когда онъ только что поднялся съ бользеннаго одра необычайно исцѣленный, и мало по малу оживалъ. Мы вспомнили обстоятельства того времени, и видно было, что онъ съ удовольствіемъ чувствовалъ себя въ своемъ престольномъ Эчміадзинѣ, во главѣ отечественной Церкви, пламенно имъ любимой и, въ свою очередь, глубоко уважающей своего верховнаго пастыря.

Впрочемъ управленіе Церковью Армянскою, не есть вещь новая для Патріарха Нерсеса. Онъ былъ къ этому приготовленъ съ юнаго возраста, и даже ему какъ бы указано было его высокое назначеніе. Мѣстомъ его рожденія было селеніе Аштаракъ, (за 20 верстъ отъ обители Эчміадзинской) откуда уже произошелъ одинъ изъ Католикосовъ, носившихъ имя Нерсеса, особенно щастливое въ лѣтописяхъ Армянской

Церкви. Прозваніе Аштаракаго усвоено было второму Нерзесу, чтобы отличить его отъ трехъ другихъ : перваго или Великаго, Строителя и Благодатнаго. Нынешній Нерсесъ пятый по счисленію іерархическому. Одинъ опытный старецъ, руководившій его въ молодости, какъ бы по тайному внушенію, переименовалъ его Нерсесомъ, говоря что и онъ, будучи родомъ изъ Аштарака, будетъ великимъ строителемъ; съ самыхъ юныхъ лѣтъ, по чрезвычайнымъ своимъ способностямъ, онъ уже былъ употребляемъ въ дѣлахъ церковныхъ Католикосомъ Лукою, и посланъ имъ въ Смирну и Царьградъ. Въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія Нерсесъ, возвратившись въ Арменію, засталъ Католикоса при послѣднемъ издыханіи. По смерти его и Іосифа, изъ дома Князей Аргутинскихъ, который былъ назначенъ въ сѣверной столицѣ нашей, возникли смуты отъ соперничества двухъ Католикосовъ. Даниилъ Цареградскій избранъ былъ общимъ голосомъ народа, а Давида Тифлисскаго насильственно поставилъ Сардаръ

Эриванскій. Нерсесь терпѣлъ нѣкоторое время заключеніе темничное, вмѣстѣ съ Даніиломъ, но былъ вызванъ въ Россію, Архіепископомъ Ефремомъ, будущимъ Католикосомъ, и возвратился въ Эчміадзинъ тогда только, когда, по вліянію нашего правительства, низложенъ былъ Давидъ и Даніиль утвердился на кафедрѣ Армянской. Годъ спустя скончался благочестивый пастырь и все бремя правительственное пало на рамена Нерсеса. Пользуясь особеннымъ расположеніемъ Аббаса Мирзы, не смотря на происки Давида, шесть лѣтъ управлялъ онъ дѣлами церковными, доколѣ не пріѣхалъ въ Эчміадзинъ новый Католикосъ. Ефремъ, избранный ради своего благочестія, былъ однако человѣкъ слабый по характеру. Нерсесь видя, что люди неблагонамѣренныя начали имѣть вліяніе и что ему самому угрожала опасность, отъ тайныхъ покушеній на его жизнь, просилъ удалиться изъ Эчміадзина и былъ назначенъ Архіепископомъ въ Тифлисъ. Тамъ завелъ онъ училище, собственными средствами, по любви своей къ образованію

духовному, и когда наступила година военная, участвовалъ въ походахъ Князя Паскевича, подъ Эриванью, какъ уже однажды находился въ станъ Русскихъ при Князѣ Циціановѣ. Посланный въ 1829 году въ Кишиневъ, въ санъ Архіепископа всѣхъ Армянъ проживающихъ въ Россіи, Нерсесъ избранъ былъ, послѣ смерти Католикоса Іоаннеса, главою Церкви Армянской, общимъ голосомъ всѣхъ ея сыновъ, разсѣянныхъ по Востоку.

Патріархъ приказалъ отвести мнѣ, на все время моего пребыванія въ обители, свои зимніе покои и, пригласивъ къ трапезѣ, познакомилъ меня съ членами Синода Эчміадзинскаго и другими тамъ живущими Епископами; пріемъ ихъ былъ столь же привѣтливъ какъ и Патріаршій; но взаимное незнаніе языка препятствовало намъ бесѣдовать между собою. Напротивъ того какъ отрадна была для меня бесѣда съ самимъ Патріархомъ, хотя онъ и не свободно владѣлъ языкомъ Русскимъ. Онъ ловилъ слова и угадывалъ заранѣе смыслъ рѣчи, не понимая быть можетъ въ подро-

бности каждаго выраженія , и самъ умѣлъ вѣрно выразить собственную мысль , хотя нельзя было составить полной рѣчи изъ его усѣченныхъ словъ. Огненными глазами договаривалъ онъ то, чего не могли выразить уста , и тутъ я понялъ , какъ много участвуетъ въ бесѣдѣ выраженіе лица и взора , въ которыхъ отражается тайная мысль человѣка. Мы проводили въ разговорахъ цѣлые вечера и многое напечатлѣлось въ моей памяти , ибо я старался узнать все , что относилось до внутренняго и внѣшняго быта Церкви Армянской. При первомъ моемъ посѣщеніи , оставался я только два дня въ Эчміадзинѣ , потому что спѣшилъ осмотрѣть окрестныя обители и Араратъ , доколѣ еще благопріятствовала осенняя погода.

Прежде всего привлекъ мое вниманіе соборный храмъ Эчміадзина. Столько разъ былъ онъ раззоренъ и такъ долго оставался въ запустѣніи , что нельзя искать въ немъ много древностей. Преданіе мѣстное утверждаетъ однако , что не смотря на всѣ бѣдствія , испытанныя обителью , самая церковь

сохранила основанія свои, высоту и всѣ размѣры, данные ей великимъ Григоріемъ, хотя въ послѣдствіи обновлены были стѣны. Первыя два раззоренія постигли ее, отъ руки Персовъ, скоро послѣ просвѣтителя, въ теченіи полутора ста лѣтъ, и оба раза возобновляло ее усердіе знаменитаго рода Князей Мамигонскихъ. Тогда, какъ полагаютъ, вставлены были снаружи въ сѣверную ея стѣну, два изваянія Св. Апостола Павла и великомученицы Оеклы, доселѣ видимыя, и крестъ съ Греческою надписью, ибо еще не были изобрѣтены Месробомъ буквы Армянскія. Можно еще разобратъ полустертые слова около креста. «Господи, вонми всякому молящемуся въ церкви сей», а внизу: «Господи, спаси раба твоего Даніила»; остальные рѣчи непонятны. Послѣ втораго обновленія Княземъ Ваганомъ, въ 483 году, уже болѣе не были сокрушаемы стѣны, хотя самая каѳедра перенесена Католикосомъ Мелетіемъ за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ, въ столичный городъ Двинъ, и не ранѣе 1441 года утвердилась опять въ Эчміадзинѣ, во дни

Католикоса Кирилла. Въ сію долгую эпоху осиротѣнія, двое только изъ числа Католикосовъ, Комитасъ въ 615 году и Нерсесъ строитель, въ 705 году, обратили вниманіе на бѣдствующую кафедру Св. Григорія. Первый замѣнилъ деревянный куполъ болѣе великолѣпнымъ, изъ дикаго камня, а Нерсесъ обновилъ всю церковь и этимъ заслужилъ быть можетъ громкое имя Строителя. Но позднѣйшія украшенія собора начинаются гораздо послѣ обратнаго перенесенія кафедры въ Эчміадзинъ, ибо въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ, отъ Кирилла до 1623 года, ничего не говорится въ лѣтописяхъ Армянскихъ, о какихъ либо перемѣнахъ внутри или внѣ храма. Въ началѣ XVII вѣка обитель подверглась чрезвычайной опасности, при нашествіи Шахъ-Аббаса; едва не разрушилъ ее до основанія завоеватель Персидскій, когда, раззоривъ богатый городъ Джульфу на Араксѣ, гдѣ, процвѣтала торговля Армянская, рѣшился перенести ее въ Персію, вмѣстѣ съ жителями. Насильственно создалъ онъ новую Джульфу, близъ Испагани, и вздумалъ

основать тамъ новый Эчміадзинъ, чтобы на всегда привязать сердца народа къ новому отечеству. Ходатайство старшинъ Армянскихъ спасло обитель отъ конечнаго раззоренія; Шахъ удовольствовался взять только нѣсколько камней, изъ четырехъ угловъ собора и отъ главнаго олтаря, чтобы положить ихъ въ основаніе новаго храма Испаганскаго. Однако, послѣ нашествія Шахъ-Аббаса, обитель оставалась въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что Католикосъ Моисей принужденъ былъ, въ 1629 году совершенно обновить помость и даже утвердить самыя стѣны, изъ коихъ выпадали камни. Преемники его Филиппъ и Іаковъ, воздвигли общими силами величественную колокольню, а Елеазаръ въ послѣднихъ годахъ XVІІ вѣка, довершилъ внѣшнюю красоту храма, тремя малыми остроконечными куполами. Много потрудился онъ и для внутренняго украшенія церкви, и ему обязаны сооруженіемъ средняго престола во имя Единороднаго. — Такимъ образомъ внутреннее убранство храма, не восходитъ далѣе XVІІ вѣка;

остроконечная крыша вновь устроена, изъ тесаного камня, послѣднимъ Католикосомъ Ефремомъ.

Не смотря однако на разновременныя перестройки, величественнымъ представляется въ цѣломъ все зданіе, напоминающее своими пятью главами нѣчто Византійское, хотя и съ собственнымъ отпечаткомъ вкуса Армянскаго или Грузинскаго. Весьма нарядна трехъ-ярусная колокольня, украшенная рѣзными арабесками по своимъ легкимъ аркамъ: верхній ярусъ ея прозрачный, на осьми малыхъ столбикахъ, по подобію прочихъ куполовъ, а въ среднемъ есть престолъ во имя Архангеловъ. — По сторонамъ колокольни погребены два новѣйшіе Католикоса Даніилъ и Іоаннесъ, а на самой ея паперти два Александра, управлявшіе Церковью Армянскою въ XVIII вѣкъ. Надъ входными вратами, которыя вычеканены изъ бронзы, съ крестами и арабесками, изображены, стѣнною живописью, видѣніе и мученія св. Григорія, сооруженіе собора Эчміадзинскаго и крещеніе Тиридата. По обѣимъ сторонамъ западныхъ

вратъ лики верховныхъ Апостоловъ, Петра и Павла, свидѣтельствуютъ, какъ я уже замѣтилъ однажды, вліяніе Рима на Церковь Армянскую. Почти въ каждомъ храмѣ вы встрѣтите обоихъ Апостоловъ, или у входныхъ вратъ, или на главномъ олтартѣ, хотя они никогда не проповѣдывали въ предѣлахъ Арменіи, и имъ часто уступаютъ свое законное мѣсто дѣйствительныя проповѣдники сей страны Апостолы Варѣоломей и Фаддей. — Такое сближеніе съ Римомъ изъясняется изъ самой исторіи края, ибо со времени крестовыхъ походовъ, когда кафедра Католиковъ и престолъ послѣдней династіи Рупенидовъ утвердились по сосѣдству Сиріи и Кипра, начались частыя сношенія между властителями Армянъ и Франковъ, и вліяніе Римское распространилось въ Малой Арменіи. Съ тѣхъ поръ проникло много обычаевъ и обрядовъ западныхъ въ самое богослуженіе, хотя преданность Риму возбуждала смуты народныя и стоила жизни нѣкоторымъ изъ Царей. Но и тогда какъ перенесена была кафедра опять въ Эчміад-

зинъ, не совершенно угасло вліяніе Римское, ибо нѣкоторые изъ Католикосовъ XVI, XVII, и даже послѣдняго столѣтія, въ смутныхъ обстоятельствахъ обращались къ Папамъ; иные же принимали отъ нихъ дары, которые доселѣ сохранились въ соборѣ Эчміадзинскомъ, какъ на примѣръ, богая кафедра, присланная Папою Иннокентіемъ XI, Католикосу Іакову.

Чувство благоговѣнія проникаетъ въ душу, при входѣ въ древнее святилище Св. Григорія, высокое но мрачное, освѣщенное двѣнадцатью узкими окнами купола, и одинокою лампадою средняго престола; онъ стоитъ между четырехъ столбовъ, поддерживающихъ куполь, и сердце невольно влечетъ васъ къ подножію сего престола, гдѣ просвѣтителю Арменіи явилось чудное видѣніе и отколъ дѣйствительно, какъ изъ лучезарнаго источника Шогакатъ, пролилось духовное просвѣщеніе на цѣлую страну. Такія мѣста, орошенныя молитвеннымъ потомъ и слезами подвижниковъ, особенно дѣйствуютъ на душу, и по свидѣтельству преподобнаго отца нашего Несто-

ра, служатъ болѣе крѣпкимъ основаніемъ для создаемыхъ надъ ними храмовъ, нежели всѣ богатства человѣческія, Здѣсь молился Св. Григорій, и здѣсь же, чрезъ пятнадцать вѣковъ послѣ него, еще приходятъ молиться и приносить безкровную жертву, не смотря на бурю временъ и народовъ, разрушительно пронесшихся мимо его первопрестольной обители. Благоговѣніе еще умножится, если вспомнить преданіе, что престолъ Единороднаго стоитъ на мѣстѣ перваго алтаря, гдѣ принесъ благодарственную жертву праотецъ Ной, за спасеніе въ его семействѣ всего человѣческаго рода. Тогда объяснится самое видѣніе великаго Григорія: почему предпочтительно это мѣсто указано ему было, Единороднымъ Сыномъ Божіимъ, для приношенія безкровной его жертвы, тамъ гдѣ принесена была жертва образовательная Ноева.

Нынѣшній престолъ Единороднаго, съ четырьмя столбами изъ бѣлаго мрамора, которые поддерживаютъ его рѣзную сѣнь, устроенъ на мѣстѣ прежняго, Католико-

сомъ Аствацатуромъ или Богданомъ, въ началъ минувшаго столѣтія; онъ же украсилъ мраморомъ и возвышеніе главнаго олтаря. Икона Божіей Матери на престолъ Единороднаго, осыпанная драгоценными камнями, есть первое приношеніе нынѣшняго Католикоса Нерсеса храму Эчміадзинскому, во время его управленія въ санъ Архіепископа. Бронзовая рѣшетка окружаетъ престолъ Единороднаго, поднятый на двухъ ступеняхъ отъ помоста; другая рѣшетка поперегъ всей церкви, прикрѣпленная къ основнымъ ея столбамъ, отдѣляетъ среднюю часть ея отъ входной или трапезы, что весьма стѣснительно для народа, во время богослуженія, тѣмъ болѣе, что уже самъ по себѣ не обширенъ соборъ. По лѣвую сторону престола стоитъ у столба рѣзной, весьма нарядный тронъ, изъ драгоценнаго дерева, присланный Папою Иннокентіемъ. Тутъ обыкновенно становится Патріархъ, ибо ежедневное богослуженіе, утреннее и вечернее, бываетъ предъ среднимъ престоломъ. Въ сѣверной и южной частяхъ собора,

гдѣ у насъ бывають обыкновенно врата, сооружены усердіемъ Католикоса Елеазара, два престола, во имя Архидіакона Стефана и Предтечи: оба однако обращены къ востоку, и сдѣланысь необходимыми для посвященія архіерейскаго. Алтарь Предтечи поднять отъ помоста, на трехъ крутыхъ ступеняхъ, и стоитъ подъ свѣтилою, въ углубленіи стѣны, на которой написаны Святители Греческіе и верховные Апостолы. Тутъ обыкновенно готовятъ новопоставляемаго Архіерея къ посвященію, и собираются около него свидѣтели духовнаго сана, долженствующие засвидѣтельствовать предъ лицомъ Церкви, о чистотѣ его жизни и служенія. Противуположный престолъ Архидіакона, совершенно одинаковаго устройства, возвышается на семи ступеняхъ, и вокругъ него написаны на стѣнѣ Католикосы Армянскіе, собственно изъ рода великаго Григорія, которые были ближайшими его преемниками: два сына его, Аристагесъ и Вартанъ, и два великихъ правнука, Нерсесъ и Исаакъ. Подлѣ сего престола ставится, въ день посвященія ар-

хіерейскаго, кathedра Католикоса и по сторонамъ его садятся двѣнадцать Епископовъ, что-бы выслушать исповѣданіе вѣры рукополагаемаго; онъ идетъ къ нимъ, или лучше сказать ползетъ на колѣняхъ, отъ самаго престола Предтечи, и подымаясь также на колѣняхъ, по ступенямъ Стефанова, на каждой изъ нихъ произноситъ особенную молитву; но самое рукоположеніе совершается во время литургіи, на главномъ алтарѣ, послѣ Херувимской пѣсни. На престолѣ Архидіакона готовится также проскомидія, если служитъ самъ Католикосъ, и тамъ происходитъ посвященіе іереевъ и діаконѡвъ, если не самъ онъ ихъ рукополагаетъ, ибо таково преимущество Католикосовъ. Священниковъ и діаконѡвъ, вопреки канонѡвъ соборныхъ посвящаютъ нѣсколько вдругъ, на одной литургіи, по обычаю заимствованному у Римлянъ. Достоинство вниманія и то, что хотя есть еще три другихъ, такъ называемыхъ Патріарха, въ Церкви Армянской, а именно въ Константинополѣ, Іерусалимѣ и Цисѣ, которые мало по малу пріобрѣли себѣ титулы и права,

ни кто изъ нихъ однако не можетъ посвя-
тить Епископа; а если бы и посвятилъ,
рукоположеніе не будетъ признано закон-
нымъ, ибо оно должно совершаться только
въ Эчміадзинѣ, отъ руки Католикоса, равно
какъ только имъ однимъ можетъ освя-
щаться муро: эта необходимость, сосре-
точенная въ обители Св. Григорія, слу-
житъ крѣпкою связью, не только вѣръ, но
и народности Армянской. Въ бытность
мою Патріархъ Нерсесъ едва согласился
признать одного Епископа, посвященнаго
въ Цисъ во время между патріаршества, и
призналъ потому только, что Цисскій при-
слалъ рукоположеннаго имъ въ Эчміадзинѣ,
испросить ему утвержденіе, извиняясь въ
своемъ поступкѣ необходимостію.

Есть еще два престола, во имя Просвѣти-
теля Григорія и Апостоловъ, братьевъ Зеве-
деевыхъ, которые устроилъ по обѣимъ сто-
ронамъ главнаго алтаря, Католикось Авра-
амъ; но они, по тѣснотѣ своей, неудобны
для богослуженія; на нихъ большею частію
совершается только проскомидія, когда бы-
ваетъ служба на главномъ. По особенному

чиноположенію Церкви Армянской, рѣдко находится жертвенникъ при главномъ престолѣ, если есть другой въ томъ же храмѣ, ибо въ такомъ случаѣ, онъ заступаетъ мѣсто жертвенника. Главный престолъ Эчміадзинскаго собора празднуетъ успенію Божіей Матери, какъ и большая часть храмовъ Арменіи, предпочтительно посвященныхъ Пречистой Дѣвѣ, и это весьма замѣчательно. На Востокъ вообще, болѣе чествуется день успенія, особенно въ соборахъ и обителяхъ, на память собора Апостольскаго, сошедшагося отъ концевъ вселенной, для торжественнаго погребенія Богоматери; но въ Арменіи даже рѣдко можно найти церковь, празднующую иному дню. Нѣтъ слишкомъ богатыхъ украшеній на престолѣ; вся лучшая утварь расхищена была въ смутную эпоху войнъ Персидскихъ и Турецкихъ, когда Эчміадзинъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и Шахи заставляли Католикосовъ платить тяжкую дань, за свое избраніе или соперничество. Иконостасъ, вставленный въ углубленіи поверхъ престола, пожертво-

ванъ недавно усердіемъ Смирскихъ Армянъ; онъ искусно вырѣзанъ изъ дерева и на немъ расположены въ четыре яруса, малыя иконы, въ серебрянномъ окладѣ, изображающія Праотцевъ и Апостоловъ, страсти Господни и видѣніе Св. Григорія. На вершинѣ его стеклянный образъ Божіей Матери, принесенъ изъ Индіи Католикомъ Ефремомъ.

Позади есть тѣсное пространство, гдѣ совершается ходъ съ евангеліемъ, во время литургіи, ибо этотъ престолъ не прислоненъ къ стѣнѣ какъ прочіе; по сторонамъ его двѣ двери открываются въ перегородкѣ, украшенной иконами, которая раздѣляетъ поперекъ все возвышеніе алтаря и представляется въ видѣ иконостаса. На холстѣ его изображены, весьма грубою кистію, успеніе, вѣнчаніе и взятіе на небо Божіей Матери; на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ Апостолы Варѣоломей и Ѳаддей, а впереди, на аркѣ алтарной, Святители Николай и Василій, Исаакъ Парѣянинъ и Месробъ, изобрѣтатель буквъ Армянскихъ. Возвышеніе алтаря, называемое

по Армянски бемъ, отъ Греческаго слова вима, на которое можно взойти только съ боковъ, украшено съ лицевой стороны мраморомъ, съ изображеніемъ двѣнадцати Апостоловъ и двухъ діаконѣвъ, первомученика Стефана и Филиппа. Предъ алтаремъ, у лѣваго столба, поставлена другая каѳедра рѣзная, оклеенная перламутромъ, съ раззолоченною сѣнью; ее устроилъ Католикосъ Аствацатуръ, и такою же рѣзбою съ перламутромъ отличаются двери обѣихъ ризницъ, по сторонамъ главнаго алтаря. Въ одной изъ нихъ хранятся святыя мощи, а въ другой облачаются священнослужители. Весь соборъ росписанъ внутри не весьма давно, при Католикосѣ Лукѣ, и не отличается хорошою живописью. Тутъ совокуплены лики всѣхъ великихъ святыхъ Церкви Армянской, начиная съ Просвѣтителя; тутъ же и два Григорія, прославившіеся своими учеными трудами, Татевскій и Нарекенскій, и лѣтописецъ Моисей Хорренскій, и два Нерсеса, Благодатный и Ламбронскій, вмѣстѣ съ пустынно-жителями и сонмомъ благочести-

выхъ Царей, каковы Константинъ и Θεодосій, Авгаръ и Тиридатъ. Надъ западными вратами написанъ Апостолъ Θома, влагающій руку свою въ божественное ребро, пронзенное копіемъ, въ знаменіе того, что оно хранится въ соборъ Эчміадзинскомъ. Старыхъ же иконъ, прославленныхъ чудесами, не встрѣтилъ я нигдѣ, въ видѣнныхъ мною обителяхъ Армянскихъ, когда на-противъ того Греческія и Грузинскія церкви, доселѣ славятся ими, какъ лучшимъ своимъ сокровищемъ.

Обширный дворъ около собора, средоточіе всего монастыря, окруженъ съ трехъ сторонъ покоями Патріаршими и келліями Епископовъ и Архимандритовъ, составляющихъ братство Эчміадзинское, ибо тамъ нѣтъ почти іеромонаховъ. Двойная длинная трапеза, лѣтняя и зимняя, болѣе чѣмъ на двѣсти человекъ, съ каменными скамьями и столами, тянется вдоль южной стѣны двора, свидѣтельствуя о прежнемъ многолюдствѣ. Еще три двора, кромѣ патріаршаго, прилегаютъ съ юга и востока къ главному, и тамъ помѣщаются, въ мно-

гочисленныхъ келліяхъ, приходящіе бого-
мольцы, училище и службы монастырскія.
Источникъ свѣжей воды проведенъ подъ
основаніе собора: образуя малый водоемъ
на гостинномъ дворѣ, выходитъ онъ, подъ
именемъ Кан-кана, или текущей воды, въ
близь лежащей садъ монастырскій, весьма
скудный зеленью. Не богата ею и самая
обитель; нѣсколько развѣсистыхъ ивъ, и
особеннаго рода яворовъ, на среднемъ дво-
рѣ и на патріаршемъ, немного виноград-
ныхъ лозъ, взбирающихся по стѣнамъ ар-
хіерейскихъ келлій: вотъ все что утѣшаетъ
взоръ внутри ограды, въ палящіе дни, ко-
гда можно найти себѣ облегченіе только
въ прохладѣ собора. Кругомъ стѣнъ мо-
настырскихъ, пустая равнина, не предста-
вляетъ никакого развлеченія или прогул-
ки, исключая одного довольно пространна-
го виноградника, подлѣ церкви Св. Рип-
симы.

ГАЯНА, РИПСИМА, ШОГАКАТЬ.

Въ первый день моего пріѣзда я вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ за южную ограду, къ которой прилегаетъ братское кадбище, осыненное деревьями. Вечеръ былъ тихій и очаровательный; солнце склонялось за Араратъ; пурпурный паръ наполнялъ всю необъятную равнину, простертую у его подошвы, и всѣ окрестныя горы облеклись необычайнымъ свѣтомъ: это придавало особенную торжественность картинѣ, уже и безъ того величественной, по всемірнымъ воспоминаніямъ потопа. Сосѣдняя обитель Гаяны приняла

меня въ свою мирную ограду. Основанная великимъ Григоріемъ, она испытала столько же бурь воинскихъ, сколько и его престольный храмъ, и была разрушена Персами, въ первое столѣтіе своего существованія. Ее поднялъ изъ развалинъ Католикосъ Эзра, близкій намъ по общенію, котораго искалъ съ православными, во время походовъ Императора Ираклія противъ Персовъ. Католикосъ Филиппъ, оставившій по себѣ благую память, обновилъ обитель въ половинѣ XVII вѣка, и тридцать лѣтъ спустя Елеазаръ построилъ въ ней паперть, съ двумя придѣлами во имя верховныхъ Апостоловъ. Портретъ его написанъ на столбѣ сей паперти, близъ его гроба, и въ память усопшаго изсѣченъ на стѣнѣ узорный крестъ съ арабесками. Католикосы Армянскіе, послѣднихъ трехъ столѣтій, предпочтительно избирали себѣ усыпальницею паперть блаженной Гаяны, вѣроятно по ея близости къ обители Эчміадзинской и къ общему кладбищу братіи. Здѣсь погребень и Лазарь, испытанный многими бѣдствіями, при Шахъ-Надирѣ, и уважа-

емый за свою добродѣтель Іаковъ, Симеонъ и Лука, при которыхъ процвѣтала обитель, и возмущившіе ее своими происками Іосифъ Аргутинскій и Давидъ. Предпослѣдній Католикосъ Ефремъ, по смиренію, просилъ, чтобы его погребли на общемъ кладбищѣ, и доселѣ туда ходятъ многіе поклониться его праху.— Внутри самой церкви не представляется ничего замѣчательнаго; четыре столба поддерживаютъ куполь, стѣны обнажены, алтарь украшенъ новыми иконами. Главный престолъ празднуетъ также успенію Божіей матери, и съ правой стороны есть въ углубленіи малый придѣлъ, во имя мученицы Гаяны, изъ котораго спускаются, чрезъ тѣсное отверстіе, въ подземелье; тамъ положены были, великимъ Григоріемъ, мученическіе остатки сей блаженной наставницы и двухъ съ нею пострадавшихъ дѣвъ; гробовая келлія ихъ внушаетъ благоговѣніе, напоминая собою подземелья Палестинскія, исполненныя костями святыхъ.

На другой день вышелъ я изъ сѣверныхъ воротъ Эчміадзина, по направленію

двухъ обителей, Рипсимы и Шогакатъ. Онѣ лежатъ за версту отъ царственнаго селенія Вагаршапатъ, которое сохранило только слѣды восточной стѣны бывшаго города. Ближе къ нему обитель св. Маріамны или Шогакатъ, имѣющая одно названіе съ Эчміадзиномъ, потому что съ сего мѣста видѣлъ Св. Григорій, какъ падали лучи свѣта на мѣсто престола Единороднаго. Церковь сія болѣе другихъ пострадала и Католикосъ Нагапетъ, избравшій ее для своего погребенія, выстроилъ совершенно новую на развалинахъ прежней, въ 1697 году. Она менѣе прочихъ, и въ ней нѣтъ подземелья, но съ правой стороны алтаря показываютъ въ придѣлѣ гробницу блаженной Маріамны. На главномъ алтарѣ есть замѣчательный по своей древности складной образъ страстей Господнихъ, письма Греческаго, подобныхъ которому я не видалъ въ церквахъ Армянскихъ. Не далеко отъ ограды остатки церкви, сооруженной по преданіямъ, на самомъ мѣстѣ жительства блаженныхъ дѣвъ.

Обитель Св. Рипсимы отстоитъ на вер-

женіе камня отъ Шогакатъ, и по своему зодчеству мало уступаетъ собору Эчміадзинскому, будучи также украшена пятью главами и колокольнею. И она много пострадала отъ времени и враговъ, послѣ великаго своего основателя. Правнукъ его, Исаакъ Пароянинъ, обновилъ ее въ послѣднихъ годахъ четвертаго вѣка; но двѣсти лѣтъ спустя опять перестроилъ ее Католикосъ Комитасъ и, найдя въ подземельи мощи святыхъ дѣвъ, съ печатью просвѣтителя на ихъ ракъ, приложилъ къ нимъ и собственную; а въ половинѣ XVII вѣка благочестивый Филиппъ, видя совершенный упадокъ обители, еще однажды обновилъ ее. Оба они погребены среди церкви. Съ лѣвой стороны главнаго престола Богоматери есть спускъ, изъ темнаго придѣла въ подземелье, гдѣ погребена была царевна Рипсима, съ тридцатью двумя подругами; на гробницѣ еще показываютъ тѣ камни, которые брошены были на мученицу, когда снизу искала она малымъ огнемъ. Издавна глубокое благоговѣніе привлекало многихъ

богомольцевъ въ подземелье Св. Рипсимы; но во время нашествія Шахъ-Аббаса, два миссіонера Латинскіе, пользуясь запустѣніемъ обители, ночью взошли въ церковь и, выломавъ камни главнаго алтаря, извлекли изъ подъ него мощи Царевны. Два монаха Эчміадзинскіе застали ихъ въ минуту святотатства, и силою привели съ собою въ монастырь; но Католикосъ Мелхиседекъ съ равнодушіемъ смотрѣлъ на похищеніе святыни и уже, безъ его воли, другіе Епископы отняли у миссіонеровъ голову Царевны, которая съ тѣхъ поръ хранится въ ризницѣ соборной. Остатки мощей отобранны были у нихъ въ Испагани, по приказанію Шаха; однако онъ уступилъ имъ, цѣною золота, нѣкоторую часть ихъ.

Церковь Армянская почитаетъ блаженную Царевну Рипсиму начаткомъ своего спасенія и потому совершаетъ память ея въ первый понедѣльникъ, послѣ отданія праздника сошествія Св. Духа, и въ слѣдъ за нею воспоминаетъ, во вторникъ, наставницу ея Гаяну. Такъ какъ каждая среда исключи-

тельно посвящена Божіей матери, равно какъ каждая пятница честному кресту а воскресенью самому Господу, и въ сіи дни уже не бываетъ у Армянъ празднованія святымъ, то память Маріамны и прочихъ дѣвъ, перенесена на четвергъ той же недѣли. Ближайшая суббота празднуетъ великому просвѣтителю Арменіи, а слѣдующее за ней воскресенье называется собственно Шогакатъ, т. е. изліяніе свѣта Христова на всю Церковь, и потому это есть общее торжество, какъ собора Эчміадзинскаго, такъ равно и всѣхъ церквей Армянскихъ, хотя, какъ я уже сказалъ, большая часть ихъ празднуетъ успенію Богоматери.

За двѣ версты отъ монастыря Рипсимы къ востоку, сохранились еще развалины храма, на томъ мѣстѣ, гдѣ синклитъ и народъ и самъ Царь Тиридатъ, встрѣтили святаго Григорія, послѣ его четырнадцатилѣтняго заточенія. Нерсесъ III, строитель, основалъ тутъ церковь Архангеловъ, во дни Императора Константія, внука Иракліева, и положилъ подъ основаніе каждаго изъ четырехъ столбовъ ея, по частицѣ

мощей Просвѣтителя, принесенныхъ имъ изъ Царьграда. Но святыня сія не спасла храма отъ конечнаго разрушенія; и теперь еще на пустынномъ холмѣ, посреди обширной равнины Араратской, предъ лицемъ первопрестольной обители, видны печальныя развалины, которыя слывуть въ народѣ подъ именемъ обрушенной церкви. Я просилъ Патріарха Нерсеса, оградить пространство между остатками четырехъ столбовъ, подъ коими мѣстное преданіе предполагаетъ мощи Святителя, и водрузить по срединѣ каменный крестъ, на память великаго Просвѣтителя Арменіи.

ЛИТУРГІЯ АРМЯНСКАЯ.

Въ церкви Армянской не положено совершать божественной литургіи, въ первые пять дней недѣли, какъ это бываетъ у насъ только во время великаго поста. Армяне изъясняютъ такое отсутствіе утѣшительнаго таинства евхаристіи, чрезвычайнымъ къ нему уваженіемъ, и дозволяютъ себѣ служить обѣдню только по субботамъ и воскресеньямъ, если не случится въ теченіи недѣли, какого либо большаго праздника Господа и Богоматери; въ прочіе же дни, въ замѣнь литургіи, читаются у нихъ часы, т. е. третій, шестой и девятый, со-

единенные вмѣстѣ. Когда наступила суббота, я просилъ Патріарха, дать мнѣ случай видѣть богослуженіе Армянское, съ возможною отчетливостію, и вмѣстѣ съ тѣмъ позволить приложиться къ святымъ мощамъ, которыя хранятся въ сокровищницѣ Эчміадзинской. Милостиво принялъ онъ мою просьбу и велѣлъ Епископу, служить обѣдню на среднемъ престолѣ Единороднаго, чтобы я могъ удобнѣе наблюдать за ходомъ службы, а членамъ Синода показать мнѣ святыню, ибо они только одни имѣютъ это право.

Прежде начатія литургіи, я уже нашелъ собраніе Синода предъ боковымъ престоломъ Св. Григорія, на которомъ расположена была драгоценная святыня. Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія поклонился я предъ сими залогами первыхъ временъ Христіанства, которые чудно уцѣлѣли по-среди столькихъ бѣдствій, церковныхъ и гражданскихъ. — На возвышеніи алтаря, покрытомъ богатою парчею, стояло священное копіе, которымъ пронзено было нѣкогда божественное ребро нашего Искупителя,

и сердце мое, проникнутое радостнымъ чувствомъ вѣры, не хотѣло подвергать холодному испытанію копіе, какъ нѣкогда испытуемое ребро; я облобызалъ со страхомъ орудіе, источившее намъ во спасеніе кровь и воду, изъ пронзеннаго имъ ребра, какъ будто бы самъ видѣвшій и свидѣтельствовавшій о томъ Апостолъ, указывалъ мнѣ на сіе копіе. Мнѣ бы хотѣлось, въ ту минуту, слышать или произнести предъ нимъ тѣ пѣснопѣнія, которыми оно чествуется въ Церкви Армянской.

«Радуйся крылатый мечъ Господній, обоюду острое лезвіе вѣры, ключъ неисповѣдимыхъ благъ, источившій намъ воду и кровь, которыми крестимся и пріобщаемся, дабы въ насъ уготовилась обитель пресвятыя Троицы; тобою Христа да восхвалимъ, утвержденіе Церкви. »

«Радуйся цвѣтъ всехвальный, окрашенный кровію Господа Іисуса, искореняющій всѣ недуги и грѣховныя болѣзни; тобою явилъ себя Распятый, Богомъ и человекомъ, истинно мертвымъ и живымъ; чрезъ тебя увѣровалъ сотникъ, засвидѣтельство-

вавъ его Божество; тобою Христа да восхвалимъ, утвержденіе Церкви.»

Преданіе Церкви Армянской гораздо древнѣе Римскаго, относящаго обрѣтеніе честнаго копія въ Антиохіи, ко временамъ крестовыхъ походовъ. Оно говоритъ, что Апостоль Ѳаддей принесъ святыню сію въ Эдессу, къ исцѣленному имъ Царю Авгарю, вмѣстѣ съ нерукотворенною иконою Спасителя, и что съ тѣхъ поръ копіе всегда оставалось въ предѣлахъ Арменіи, большею частію въ обители Айриванкъ, а наконецъ перенесено въ первопрестольную обитель Эчміадзинскую, при водвореніи въ ней опять кафедры Католикосовъ. По тому же преданію, крестообразное знаменіе на лезвіи копія, прорѣзано въ немъ рукою самаго Апостола, въ память креста Господня, и даже древо прикрѣплено было гвоздями, никѣмъ другимъ, кромѣ Апостола. Богатый серебрянный кивотъ съ вычеканенными иконами, въ которомъ хранится теперь копіе, уже позднѣйшихъ временъ, ибо надпись на немъ свидѣтельству-етъ о усердіи могущественнаго Князя Ар-

мянскаго Проша, сына Васакова, пожертвовавшаго въ XIII вѣкѣ сію утварь обители Айриванкской.

По правую сторону сей первенствующей святыни стоялъ драгоцѣнный крестъ, съ частию честнаго древа, даннаго великимъ Константиномъ Царю Тиридату. По лѣвую позлащенный кивотъ, въ которомъ хранились частицы мощей Предтечи и Апостоловъ, въ разныя времена собранныя. Глава блаженной Рипсимы и четыре серебряныя руки, лежали также на алтарѣ; ибо у Армянъ есть обычай, вкладывать священные останки въ изваянія такого рода, чтобы благословлять ими народъ, какъ бы руками самихъ Святителей. Въ числѣ ихъ была десница Просвѣтителя Арменіи, которою рукополагаются его преемники; она повсюду слѣдовала за ними, и въ Двинъ, и въ Ани, и въ Цисъ, при перенесеніи ихъ каѳедры, и недавно возвращена изъ Испаніи, куда увезъ ее одинъ изъ Католиковъ, послѣ раззоренія Персидскаго. Тутъ же и руки Апостоловъ Өаддея, и сына великаго Григорія, Аристагеса, и родствен-

ника его Св. Іакова Низивійскаго, который былъ на Араратъ, и принесъ еще одно сокровище Церкви Армянской, доселѣ въ ней хранимое: это кусокъ отъ негниющаго древа ковчега Ноева. Преданіе мѣстное говоритъ, что Іаковъ желалъ взойти на вершину Арарата, дабы тамъ поклониться ковчегу, но никакъ не могъ достигнуть своей трудной цѣли, и подымаясь цѣлый день на гору, по чью обрѣтался опять на прежнемъ мѣстѣ. Наконецъ утомленному явился, въ ночномъ видѣніи, Ангелъ и, вручивъ кусокъ желаемаго древа, велѣлъ оставить неудобоисполнимый помысль. Оно хранится въ серебрянномъ окладѣ, вмѣстѣ съ другими сокровищами. Были между ними и еще частицы святыхъ мощей, Апостольскихъ и Мученическихъ; но я видѣлъ только одну древнюю икону, весьма грубо вырѣзанную на деревѣ, которая изображала снятіе со креста Господа, и, не знаю почему, приписывается свидѣтелю онаго Евангелисту Іоанну.

Покамѣстъ я прикладывался къ святынь, Епископъ, долженствовавшій служить ли-

тургію, отслушалъ въ мантии часы, у средняго престола Единороднаго, и я последовалъ за нимъ въ тѣсную ризницу, по лѣвую сторону главнаго престола, гдѣ онъ сталъ облачатся; а между тѣмъ хоръ клириковъ сталъ противъ затворенныхъ дверей ризницы, и, во время облаченія, пѣлъ соотвѣтствовавшій оному гимнъ. Облаченія Епископовъ и священниковъ Армянскихъ различествуютъ одно отъ другаго, только митрою и омофоромъ; они суть смѣшеніе Греческаго съ Римскимъ, смотря потому какъ постепенно заимствовались различныя ихъ части, отъ той или другой Церкви. Но мнѣ показалось страннымъ, что прежде всякаго одѣянія, когда еще Епископъ не снималъ съ себя обычной рясы, на него надѣли и тотчасъ же сняли, нашу круглую митру, не какъ вѣнецъ святительскій, но во образъ шлема духовнаго, о коемъ упоминаетъ Апостоль Павелъ, въ посланіи къ Ефесеямъ. Мнѣ пришло на мысль, что когда Епископы Армянскіе приняли отъ Латинянъ новую остроконечную ихъ митру и уступили древнее свое

украшеніе священникамъ и даже діаконамъ, имъ не хотѣлось однако совершенно съ нимъ разстаться, и, въ память минувшаго они еще надѣваютъ прежнюю митру, хотя на одну минуту, при началѣ своего облаченія.

Въ слѣдъ за митрою имъ возлагаютъ на голову вакасъ или навыйникъ, если только позволено, по сходству предмета, назвать такимъ образомъ сію часть облаченія, собственно Армянскаго; онъ окованъ золотомъ, съ вычеканенными на немъ ликами двѣнадцати Апостоловъ, и по окончаніи облаченія, спускается на шею и рамена, изображая, по толкованію Армянскому, нѣчто въ родъ эоода, съ именами двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ, который носили Первосвященники. Но мнѣ кажется, что и это есть часть одѣянія Латинскаго, только болѣе украшенная, а именно то покрывало или *amictum*, которое каждый священникъ надѣваетъ себѣ, сперва на голову, а потомъ, въ видѣ капишона, спускаетъ на плечи. Подризникъ, эпитрахиль, поясъ и поручи Греческіе; вмѣсто палицы привязывается къ поясу шел-

ковый платъ, изъ котораго первоначально образовалась палица архіерейская. Епископы Армянскіе удержали въ своемъ облаченіи фелонь, то есть верхнюю ризу, ибо до нихъ не дошелъ позднѣйшій обычай Греческій, носить саккосъ, который употребляли сперва одни Патріархи Царьграда; но ихъ фелонь приняла форму Латинской ризы, *pluviale*, вмѣсто Греческой, и застегивается пряжкой на груди. Омофоръ однако совершенно Греческій и этому есть причина: на Востокъ онъ служитъ исключительнымъ знаменіемъ архіерейства, а на Западъ выражаетъ только милость Папы и дается однимъ старшимъ Архіереямъ; по этому младшіе не хотѣли лишиться своего существеннаго облаченія и удержали восточное. Что касается до митры, то она чисто Латинская, и какъ извѣстно по исторіи, первая была прислана въ даръ Папою Лукіемъ Католикосу Григорію IV, въ 1184 году, во времена крестовыхъ походовъ, а потомъ, равно какъ и перстень, сдѣлалась мало по малу достояніемъ всѣхъ Епископовъ.

Странно, почему предпочли они своему древнему украшенію, новое Латинское, тѣмъ болѣе что митра сія весьма неудобна, отъ двухъ принадлежащихъ ей и висящихъ позади лентъ, которыя надобно всякой разъ продѣвать подъ вакасъ, при снятіи и надѣваніи митры.—Такимъ образомъ Церковь Армянская, желая удержать свою отдѣльность, непримѣтно измѣнила внѣшнее облаченіе священнослужителей. Какъ я уже сказалъ прежде, четвертая династія Королей Армянскихъ, властвовавшихъ въ Сисъ, много содѣйствовала къ введенію обычаевъ Римскихъ, по частымъ сношеніямъ съ Папами и Латинскими Королями Кипра, особенно въ XIII вѣкѣ. Гетунъ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ, нѣсколь-ко разъ оставлявшій волею и неволею престолъ, управлялъ долгое время Армянскимъ народомъ, подъ рясою Францисканскаго монаха; нѣкоторые изъ его преемниковъ созывали соборы и старались насильственно водворить обряды западные, хотя духовенство и Католикосы того времени бо-

лѣе расположены были къ сближенію съ Греками, по духу обоихъ Нерсесовъ, Благодатнаго и Ламбронскаго. Константинъ III, одинъ изъ послѣднихъ властителей Арменіи, заплатилъ даже жизнь, при возмущеніи народномъ, за свое неосторожное рвеніе къ обрядамъ Римскимъ, но тѣмъ не менѣе они проникли въ Церковь.

Казалось бы, литургія Армянская, заимствованная Св. Григоріемъ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ духовнымъ, изъ Кесаріи, хотя и за нѣсколько лѣтъ до Василія Великаго, должна удержать его чиноположеніе, болѣе нежели Златоустово, или даже объ литургіи сихъ великихъ Іерарховъ могли бы сохраниться въ Церкви, которая была при своемъ началѣ, въ такомъ близкомъ сношеніи съ Кесаріею и Царьградомъ. Напротивъ того порядокъ обѣдни Армянской, хотя и близкій къ Греческому, имѣетъ свои особенности, перемѣшанные съ нововведеніями Римскими. Вмѣсто трехъ литургій Православной Церкви, у Армянъ только одна, и въ ней есть много молитвъ Златоустовыхъ: ибо великій правнукъ Просвѣти-

теля, Исаакъ, содѣйствовавшій ученому Месробу, въ преложеніи Св. писанія съ Греческаго на свой родной языкъ, вскорѣ послѣ Златоуста, старался сообразить чинъ литургіи Армянской съ Греческою; да и въ послѣдствіи, о томъ же прилагали стараніе, нѣкоторые изъ Католикосовъ и духовныхъ лицъ Армянскихъ. Литургія же преждеосвященныхъ даровъ вовсе не существуетъ въ Армянской Церкви, хотя о ней упоминается на помѣстномъ Лаодикійскомъ соборѣ, не много позже перваго Вселенскаго.

Когда Епископъ облачится въ ризницѣ, онъ выходитъ на средину церкви, предъ главный алтарь, омыть себѣ всенародно руки, съ предварительными молитвами. Ему предшествуютъ діаконы въ стихаряхъ, съ рипидами и хоругвями, и между ними одинъ пресвитеръ или архимандритъ въ подризникѣ, съ эпитрахилью и въ митрѣ, но безъ ризы. Такое полуоблаченіе странно, тѣмъ болѣе, что пресвитеръ не имѣетъ никакой особенной должности, ибо онъ не содѣйствуетъ при литургіи, какъ у

насъ священники, при служеніи архіерейскомъ. У Армянъ Епископъ и даже Патріархъ совершаетъ служеніе всегда одинъ, съ своимъ протодіакономъ, также какъ и простые іереи, а прочіе стоятъ только по сторонамъ и поютъ иногда вмѣсто клира. Этотъ порядокъ напоминаетъ Латинскій, ибо должно отдать безпристрастную справедливость богослуженію Православному, что только, оно по высокому образованію древнихъ своихъ Іерарховъ, умѣло согласить, въ одно стройное цѣлое, разнообразіе частей. Послѣ умовенія рукъ Епископъ восходитъ на возвышеніе алтаря, для совершенія проскомидіи, и за нимъ задергивается большая завѣса, во всю ширину алтаря, а хоръ становится у его подножія и поетъ молитвенный гимнъ.

Проскомидія, сама по себѣ, весьма коротка, ибо только приносятся на дискосъ опрѣсноки, по обычаю Римскому, вмѣсто кваснаго хлѣба, а не вынимаются, какъ у насъ, части изъ просфоръ за живыхъ и усопшихъ; въ чашу же вливаютъ одно

только вино, не растворенное водою, по обычаю исключительно Армянскому, и что довольно странно, на этотъ разъ, главный престолъ служилъ жертвенникомъ. Предъ начатіемъ литургіи, Епископъ, сопровождаемый и предшествуемый своимъ клиромъ, съ рипидами и хоругвями, обходитъ и кадитъ всю церковь, держа въ рукахъ животворящій крестъ, которымъ освяняетъ онъ и во время обѣдни, при каждомъ возгласѣ до Херувимской пѣсни. Шествіе совершается .противуположно нашему, то есть по солнцу, такъ какъ и крестное знаменіе Армяне полагаютъ одинаково съ Римлянами, сперва на лѣвое плечо а потомъ уже на правое.

Во время сихъ приготовительныхъ обрядовъ, Патріархъ взошелъ въ церковь, въ лиловой короткой мантии, и сталъ на свою кафедру, присланную изъ Рима Папою Иннокентіемъ. Въ продолженіе литургіи, я слѣдовалъ за ея ходомъ, по Русскому переводу бывшаго Католикосомъ Іосифа Аргутинскаго. Служащій Епископъ сталъ на ступени средняго престола Единороднаго;

протодіаконъ и прочіе клирики стояли по правую сторону, пѣвчіе же за рѣшеткой въ церковной трапезѣ. Божественная литургія началась, какъ и у насъ, благословеніемъ царства Пресвятыя Троицы; вслѣдъ за тѣмъ лики воспѣли антифонъ: «Единородный Сыне и Слове Божій», который въ нашей литургіи помѣщенъ гораздо позже, послѣ великой эктеніи и пѣнія избранныхъ псалмовъ. Такъ какъ торжественный гимнъ сей, сложенный Императоромъ Іустиніаномъ, вошелъ, въ числѣ антифоновъ, въ составъ литургіи, не ранѣе VI вѣка: то замѣтно, что Армянская Церковь затруднялась, куда помѣстить его, и вставила при самомъ началѣ. Это свидѣтельствуется однако, что еще сто лѣтъ послѣ Халкидонскаго собора, бывшаго камнемъ преткновенія и виною раздора, Армяне не боялись заимствовать свои молитвы отъ Грековъ. Краткая эктенія слѣдуетъ за симъ гимномъ, но предъ каждымъ возгласомъ, оканчивавшимъ тайную молитву Епископа, діаконъ предварялъ словами: «благослови Владыко» и священнослужащій, съ желаніемъ мира, осѣнялъ

крестомъ. Такія осѣненія повторяются часто въ продолженіи литургіи. Должно замѣтить также, что краткія прошенія эктеніи произноситъ діаконъ, а болѣе пространныя, имѣющія видъ молитвы или гимна, читаются или поются всемъ клиромъ священниковъ и діаконѡвъ.

Праздничныя антифоны слѣдуютъ за первою краткою эктеніею, и евангеліе обносится діаконѡмъ вокругъ престола, при молитвѣ Епископа: о входъ святыхъ Ангелъ съ сослужащими въ олтарь. Она взята изъ нашего служебника, хотя тутъ собственно не бываетъ никакого входа: Епископъ остается на мѣстѣ, а діаконъ только обходитъ престолъ, съ рипидами и свѣтильниками; но такъ какъ это есть подражаніе малому входу, бывающему въ нашей литургіи, то и молитва употребляется таже.

Не смѣю утверждать, потому что для этого надобно имѣть вѣрныя доказательства, но такого рода молитвы и самое расположеніе олтарей, которые по необходимости принуждены были удержатъ завѣсу, даютъ поводъ думать, что и у Армянъ

они вначалѣ были также заграждены ; только теперь у нихъ иконостасы отодвинуты и стоятъ на одной линіи съ престоломъ, посему и замѣняются завѣсою. Здѣсь также подѣйствовало вліяніе Римлянъ; ибо достойно вниманія то, что у Коптовъ и Сиріянъ , равно какъ у всѣхъ Восточныхъ исповѣданій, удержаны иконостасы. Нынѣшняя смѣсь ихъ облаченій церковныхъ, полувосточныхъ полузападныхъ, и новизна всѣхъ иконъ, писанныхъ на холстѣ , по обычаю западному , съ ликами верховныхъ Апостоловъ , свидѣтельствуешь въ пользу моего предположенія, которое однако не могу выдавать за совершенно истинное. Сѣверныя и южныя двери сего иконостаса, въ томъ видѣ, какъ онъ теперь находятся по обѣимъ сторонамъ престола, и положеніе жертвенника за иконостасомъ, въ тѣхъ церквахъ, гдѣ по неимѣнію другаго престола , дѣлается необходимъ особый жертвенникъ , обличаетъ также прежнее устройство олтарей. Да и можно ли предполагать, чтобы великіе свѣтильники, каковы были Григо-

ріи и Нерсесы, приняли, безотчетно въ чинъ своей литургіи, молитвы, которыя видимо противурѣчатъ существенному устройству ихъ церквей, тѣмъ болѣе что не всѣ молитвы Греческія, а только нѣкоторыя, вошли въ составъ литургіи Армянской?

Все сіе говоритъ доселѣ въ пользу древняго союза и сходства обѣихъ Церквей; но вотъ гдѣ является разность: въ прославленіи неизреченнаго имени Божія, Трисвятою пѣснію! — Она возглашается торжественно, послѣ хода съ евангеліемъ вокругъ престола, при потрясеніи рипидъ, которымъ знаменуется трепеть криль Серафимовъ, воспѣвающихъ славу Трисвятаго Бога, и этотъ шумъ серебряныхъ рипидъ, хотя и странный для непривыкшаго слуха, не былъ мнѣ непріятенъ. Но горько было слушать прибавленіе словъ: «распятый за насъ» къ славословію Пресвятыя Троицы. Знаю, что мнѣ скажутъ Армяне: «мы относимъ пѣснь сію ко второму Лицу, а не ко всей Троицѣ; мы не полагаемъ, что Божество страдало, и вѣруемъ, что человѣческая только природа Богочеловѣка терпѣ-

ла за насъ мученіе». Если угодно принимаю сіе объясненіе, но тѣмъ не менѣе сожалью о разногласіи, когда это у нихъ не догматъ, а только старый обычай.

Но если этотъ обычай, или лучше сказать одно слово, бросаетъ на нихъ непріятную тѣнь сомнѣнія и смущаетъ всю Церковь, равно Восточную и Западную, которыя искони привыкли воспѣвать сію пѣснь во славу Святыя Троицы: то прилично ли однимъ Армянамъ держаться сего прибавленія, которое служитъ камнемъ преткновенія, когда мы видимъ, что они приняли многіе обряды отъ Грековъ и отъ Латинъ? Не хочу и не мѣсто здѣсь входить въ богословское преніе о томъ, какое употребленіе правильнѣе, хотя свидѣтельство столькихъ вѣковъ и великихъ Церквей, показываетъ на чьей сторонѣ правда; но если сами Армяне утверждаютъ, что дѣло не въ догматѣ, а въ словахъ, то согрѣшая противъ братьевъ своихъ, по словамъ Апостола Павла, не грѣшатъ ли они противъ самаго Господа? Не такъ дѣйствовалъ Апостолъ, но исполненный любви, въ

вещахъ меньшей важности, что писалъ онъ къ Коринѳянамъ? «Если пища соблазняетъ брата моего, не стану ѣсть мяса во вѣки, чтобы не соблазнить брата моего» (1. Кор. VІІІ. 13.) Здѣсь же дѣло не о тлѣнной пищѣ, но о единствѣ прославленія имени Божія, и тутъ ли мѣсто самолюбію или упорству, отъ которыхъ раздирается нешвенный хитонъ Господа нашего Іисуса, когда одно отброшенное слово, не нарушая догмата, можетъ сблизить разъединенное?

Не смотря на различіе въ славословіи, слѣдующая за нимъ молитва Епископа: «Боже святыи, иже во святыхъ почивайи» опять взята изъ служебника Греческаго, и мудроно повѣрить, чтобы въ началъ самое славословіе не было сходно съ нашимъ, если одинаковы предшествующія и послѣдующія ему молитвы. Великая эктенія, которая у насъ положена при началъ литургіи, возглашается у Армянъ послѣ Трисвятой пѣсни, и за тѣмъ слѣдуетъ чтеніе двухъ паремій, Апостола и Евангелія. «Вонмемъ» говоритъ діаконъ, обращаясь съ Евангеліемъ въ народу, и ликъ отвѣтствуетъ: «глаголетъ Богъ.»

Тутъ поется, по Римскому обычаю, символъ вѣры, но не совершенно тотъ который былъ составленъ Св. Отцами, на вселенскихъ соборахъ въ Никее и Царьградѣ, и принятъ всею Церковью, равномерно и Армянскою. Хотя она также называется его Никейскимъ, однако въ немъ есть прибавленія, православныя это правда, но не существующія въ подлинникѣ. Подобно Никейскому оканчивается онъ анафемою противъ неправоумудрствующихъ о Сынѣ Божіемъ, и тѣ же выраженія применены къ искажающимъ догматъ о Духѣ Святомъ, чего однако нѣтъ въ Никейскомъ символѣ, ибо тогда не было еще сей ереси. Не знаю, какимъ образомъ и когда, возшелъ сей новый символъ въ Церковь Армянскую, которая пріемлетъ однако правило третьяго вселенскаго собора Ефесскаго, строго запрещающее что-либо измѣнять въ символѣ. Что касается до времени его возглашенія, то Православная Церковь, охраняя тайны своего исповѣданія отъ невѣрующихъ и оглашенныхъ, благоразумно положила, прежде времени она-

го, изгонять ихъ и даже заключать двери церковныя, при чтеніи символа. Это знаменуется словами діакона: «двери, двери, премудростію вонмемъ». Измѣнившіе же сей таинственный порядокъ въ литургіи Армянской, не вникли въ глубину созерцаній великихъ Святителей Василія и Златоуста, и нарушили постепенность священнодѣйствія, какъ въ этой такъ и въ другихъ частяхъ литургіи. Но возгласъ діаконскій: «двери, двери», сохранился и у нихъ, хотя уже безъ всякой мысли, какъ бы только для указанія того мѣста, откуда былъ вынуть символъ.

Послѣ того діаконъ произноситъ эктению, составленную отчасти изъ тѣхъ прошеній, которыя у насъ отнесены ко второй половинѣ обѣдни: о мирномъ провожденіи дня, о Ангелѣ хранителѣ и пр. и ликъ отвѣтствуетъ, какъ и у насъ: «подай Господи». Тогда уже изгоняются оглашенные, маловѣрные, кающіеся и неочищенные, и ликъ поетъ, довольно странно, когда еще не только не было освященія даровъ, но даже и перенесенія ихъ на

престолъ: «тѣло Господне и кровь Спасителя предъ нами суть; небесныя Силы невидимо поють: святъ, святъ, святъ Господь силъ». Что же это означаетъ? Армяне слышали, какъ у Грековъ поють, на преждеосвященной обѣдни, когда переносятся дары, уже преждеосвященные: «нынѣ Силы небесныя съ нами невидимо служатъ, се бо входитъ Царь славы, се жертва тайная совершенна доручносится» и они вставили у себя эту пѣснь, измѣнивъ ее по своему, предъ самымъ перенесеніемъ даровъ, не вникнувъ, что у нихъ дары тогда еще не освящены, и что потому еще нельзя говорить: «тѣло Христово и кровь Спасителя предъ нами». Многіе изъ нихъ теперь объясняютъ, будто слова сей пѣсни относятся къ будущему. Не въ духъ обличенія и укоризны, но съ любовью указываю на это безпристрастнымъ судіямъ.

Херувимская пѣснь не всегда поется на литургіи Армянской, а только въ случаяхъ торжественныхъ; въ обыкновенныхъ же службахъ замѣняется другими собственными ихъ гимнами; но тайная молитва

Епископа, при перенесеніи даровъ, во всей цѣлости заимствована изъ служебника Златоустава: «никто же достоинъ отъ связавшихся плотскими похотьми или сластьми, приходити или приблизитися, или служить тебѣ Царю славы.» Если даже и не Епископъ, а простой іерей, совершаетъ службу, онъ не отходитъ отъ престола за дарами: это перенесеніе совершенно предоставляется діаконамъ. Разность служенія Епископа съ іерейскимъ состоитъ и въ томъ, что до Херувимской пѣсни онъ осѣняетъ народъ крестомъ, а потомъ только рукою, священникъ же всегда осѣняетъ безъ креста; оба снимаютъ въ это время и до конца литургіи свои митры. Между тѣмъ весь клиръ, при пѣніи гимна и кажденіи ѿиміама, съ потрясеніемъ рипидъ, участвовалъ въ перенесеніи даровъ, отъ главнаго престола служившаго жертвенникомъ къ среднему, и это шествіе весьма торжественно, не смотря на то, что пѣніе Армянское непріятно для непривыкшаго слуха.—Хоругви, лампы и рипиды предшествуютъ діакону, который несетъ вмѣстѣ

дискось на потирѣ, покрытые воздухомъ, и, съ возвышенія алтаря, показываетъ ихъ народу; молитвенно приѣмлетъ ихъ Епископъ и ставитъ на престолъ, безъ всякихъ поминовеній, а потомъ, омывъ себѣ руки, приступаетъ къ совершенію даровъ.

Трогательно возглашеніе діакона, или лучше сказать всего клира, который убѣждаетъ: «съ вѣрою и страхомъ стать на молитву, предъ святою трапезою, не съ сомнѣніемъ, но съ читымъ умомъ и сердцемъ и добрыми дѣлами, дабы обрѣсти благодать помилованія, на второмъ страшномъ пришествіи Христовомъ.» Тогда, услышавъ привѣтствіе мира изъ устъ Епископа, онъ приглашаетъ всѣхъ цѣловать другъ друга, а не могущихъ пріобщиться божественнымъ тайнамъ, изыти и внѣ двери помолитися. Цѣлованіе идетъ отъ Епископа и діакона ко всѣмъ клирикамъ, которые обнимаются между собою говоря: «Христосъ посреди насъ явился.» Канонъ литургіи, то есть самый порядокъ освященія даровъ, сходенъ съ нашимъ, по духу тайныхъ молитвъ іерейскихъ, которыя составлены, частію изъ

Златоуста и почти одинаковы въ возгласахъ. Однако, вопреки общему уставу литургіи, равно Восточной и Западной, не священнодѣйствующій, а діаконъ внушаетъ молящимся: «возвыситъ горъ умъ свой, и благодаритъ Господа всемъ сердцемъ». Послѣ пѣнія: «достойно и праведно есть», почти совершенно водворяется порядокъ литургіи Православной, Серафимскою пѣснью: «Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѣъ,» и произношеніемъ словъ Господнихъ надъ хлѣбомъ и чашею, и самымъ возношеніемъ обоихъ: «Твоя отъ твоихъ тебѣ приносяще, о всѣхъ и за вся», и наконецъ тайнымъ на нихъ призываніемъ Св. Духа, съ нѣкоторыми только измѣненіями въ словахъ.

Замѣчательно, что здѣсь Армяне не уступили Римлянамъ и сохранили прежнее православное освященіе даровъ, не словами Господа: «пріимите и ядите», но какъ бываетъ у насъ, собственно призываніемъ Св. Духа, для ихъ преложенія. Только ликъ, кромѣ обычнаго «аминь» поетъ, прежде возношенія даровъ, умиленные стихи: «Отче небесный, иже далъ Сына своего на смерть

за ны, яко должника долговъ нашихъ, молимся тебѣ, ради изліянiя крови его, помилуй сіе твое словесное стадо»; а послѣ возношенiя и освященiя: «Душе святыи, иже сходяи съ небеси, совершающій таинство сославимаго съ тобою, руками нашими, изліанiемъ крови его, молимъ тя упокой души усопшихъ нашихъ».

Сiя часть литургiи Армянской представлялась мнѣ наиболее трогательною, по гласному поминовенiю усопшихъ въ Божь святыхъ. Почти такое же, но только тайное поминовенiе, совершается въ то же время и у насъ, и еще прежде оно бываетъ на проскомидiи: потому и вставлено у нихъ здѣсь то что было пропущено при началѣ. Епископъ воспоминаетъ сперва пречистую Дѣву, но вмѣстѣ съ нею Предтечу и, не знаю почему, мимо Апостоловъ, первомученика Стефана. Потомъ уже діаконъ, ставъ по правую сторону престола, воспоминаетъ Апостоловъ, Пророковъ, Мучениковъ, Патриарховъ и всѣхъ святыхъ Епископовъ, іереевъ и діаконовъ: «да будетъ память

ихъ въ сей литургіи»; а хоръ ему отвѣтствуетъ: «помяни Господи и помилуй». Онъ называетъ далѣе первыхъ проповѣдниковъ Арменіи, Варѳоломея и Ѡаддея, великаго просвѣтителя ея Григорія и все его семейство до великихъ Нерсеса и Исаака, Месроба изобрѣтателя буквъ, Григорія Нарекенского и Нерсеса благодатнаго, и послѣдователей сего великаго мужа и его брата Григорія, много трудившихся для соединенія церквей. Пріятно также слышать имена святыхъ отшельниковъ, равно Греческихъ и Армянскихъ, и вѣрныхъ Царей Авгара и Константина, Тиридата и Ѡеодосія. Наконецъ произноситъ молитву о всѣхъ вѣровавшихъ мужахъ и женахъ, старцахъ и младенцахъ, усопшихъ во Христѣ; а ликъ непрестанно возглашаетъ: «помяни Господи и помилуй».

Достойно особеннаго вниманія, что въ числѣ поминаемыхъ на каждой литургіи, всею Церковью Армянской, находится Св. Григорій, настоятель обители Нарекенской, прославленный своимъ благочестіемъ и образованіемъ духовнымъ въ X вѣкѣ, коего

гимны поются въ Церкви, и который былъ гонимъ противниками Халкидонскаго собора, за свою приверженность къ его догматамъ, какъ это видно изъ его житія. Онъ долженъ былъ бѣжать изъ столичнаго города Ани и одно только чудо, имъ совершенное предъ лицомъ обвинителей, спасло его отъ осужденія. О немъ говорить, какъ о Ангелѣ во плоти, другой благочестивый ревнитель союза, Нерсесъ Епископъ Ламбронскій, уважаемый своею Церковью, и на него ссылается, въ доказательство единомыслія Армянъ съ Греческою. Да и Католикосъ Нерзесъ благодатный, съ братомъ своимъ Григоріемъ, споспѣшествовавшіе къ церковному единству, во дни Императора Мануила, и послѣдователи ихъ, гласно поминаемые на литургіи, подъ именемъ Нерсесіянъ и Григоріянъ, не свидѣлствуютъ ли въ пользу мира?

Когда окончено поминовеніе усопшихъ, Епископъ воспоминаетъ тайно Апостольскую Церковь и всякое Епископство православныхъ, и гласно Императора со всемъ Августѣйшимъ его домомъ, и Католикоса

Гайканскаго народа; а клиръ, перейдя на лѣвую сторону престола, повторяетъ тоже самое, начиная съ Католикоса. Послѣ тайной молитвы Епископа, заимствованной въ кратцѣ изъ литургіи Св. Василія, о распространеніи благодатныхъ дѣйствій приносимой жертвы на всю Церковь, слѣдуетъ эктенія, составленная смѣшанно изъ нашихъ эктеній, и поется молитва Господня: «Отче нашъ». Тайная молитва Епископа, которой у насъ нѣтъ, весьма трогательно изъясняетъ самый возгласъ, о неосужденномъ призваніи нами небеснаго Отца. «Боже истинный и Отче милосердый, благодаримъ тебя, иже паче блаженныхъ праотцевъ, наше грѣшное естество почтилъ еси, яко имъ нарекся еси Богъ, намъ же, по милости твоей, благоволилъ именоваться Отецъ».

По гласу діакона, всѣ преклоняютъ главы, и произносится молитва, отчасти сходная съ нашею; Епископъ, возвысивъ тѣло Христово, возглашаетъ: «Святая святымъ!» а хоръ отвѣтствуетъ: «Единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ», но тутъ

включены прибавленія, принадлежащія собственно литургіи Армянской. Епископъ произноситъ надъ дарами хвалу каждому лицу пресвятыя Троицы отдѣльно: «благословенъ Отецъ святой, Богъ истинный», и ликъ отвѣчаетъ: «аминь»; тоже и въ тѣхъ же словахъ, о Сынѣ и Духѣ Святомъ, и наконецъ: «благословеніе и слава Отцу и Сыну и святому Духу»; ликъ повторяетъ тоже. Тогда Епископъ, прочитавъ тайнѣ молитву, взятую изъ нашего служебника: «воими Господи Іисусе Боже нашъ, отъ святаго жилища твоего» обмакиваетъ пречистое тѣло Господне, въ крови потира, и показываетъ оное народу, по обряду Латинскому, обратившись къ нему лицомъ, съ симъ умиленнымъ возваніемъ: «святаго, святаго, пречистаго тѣла и крови, Господа нашего и Спаса Іисуса Христа, вкусимъ со святынею: иже, съ небеси снисшедъ, преподается посредъ насъ, есть жизнь, надежда, воскресеніе, очищеніе и оставленіе грѣховъ».

Діаконъ возбуждаетъ пѣть псаломъ Господу и завѣса задергивается, для пріоб-

щенія Епископа, но только одного, по обычаю Римскому, а не всѣхъ священнослужителей, какъ это положено въ чинѣ Православной Церкви; ибо что есть самая обѣдня, если не соединеніе вѣрующихъ съ Господомъ и между собою во единое тѣло; и если не всѣмъ безъ изъятія, то кому же преимущественно въ ней участвовать, какъ не священнослужителямъ, которые, по собственному значенію своего званія, суть достояніе Божіе? Не смѣю утверждать, но мнѣ кажется, что самые опрѣсноки, употребляемые Армянами, вмѣсто кваснаго хлѣба, для святыхъ даровъ, могутъ также быть нововведеніемъ, хотя Армяне крѣпко стоятъ за ихъ древность, увѣряя, что употребленіе ихъ было безразлично съ хлѣбомъ отъ самаго начала. Можетъ ли быть однако, чтобы великій Григорій и правнукъ его Исаакъ, пріемля чинъ служенія Греческаго, когда оно уже совершенно установилось, ибо это былъ вѣкъ Василія и Златоуста, такъ рѣзко отдѣлились отъ своихъ блаженныхъ учителей, и приняли, вопреки имъ, для совершенія таинъ, ветхозавѣтные опрѣс-

сноки, вмѣсто новозавѣтаго хлѣба, который благословилъ Господь, по окончаніи образовательной трапезы Пасхальной?

Между тѣмъ ликъ поетъ причастные стихи, приличные таинству, съ припѣвомъ аллилуія, на концѣ каждаго. Умилительны и тайныя молитвы причащающагося Епископа, который, подобно какъ у насъ, раздробляетъ на четыре части святое тѣло и влагаетъ въ потиръ говоря: «исполненіе Духа Святаго». Послѣ пріобщенія и благодарственныхъ молитвъ, отчасти заимствованныхъ изъ нашихъ, отдергивается завѣса и діаконъ возглашаетъ: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите»; а Епископъ, взявъ чашу, обращается къ народу и пріобщаетъ безъ лжицы, вынимая перстами и раздробляя на части святое тѣло, что довольно неудобно, ибо честная кровь остается на пальцахъ. Какъ только осѣнитъ онъ народъ, завѣса опять задергивается, дабы священнослужащій могъ втайнѣ потребить святыя дары, на самомъ престолѣ, для большаго соблюденія святыни, и такая предосторожность похвальна.

Послѣдняя эктенія діакона напоминаетъ нашу; ликъ поетъ благодарственный гимнъ Господу, напिताвшему насъ отъ безсмертныя своя трапезы и даровавшему тѣло и кровь свои, во избавленіе міру, и животъ душамъ нашимъ. Опять открывается завѣса, непрестанно свидѣтельствующая о необходимости оставленнаго иконостаса, и Епископъ сходитъ къ народу, читать нашу заамвонную молитву. Но когда ликъ пропоетъ: «буди имя Господне благословенно во вѣки» опять, по обычаю Латинскому, Епископъ начинаетъ читать первую главу евангелія отъ Іоанна: «Въ началѣ бѣ Слово» и этимъ заключается литургія, начатая по чину Греческому, конченная по Римскому. Не съ духомъ осужденія, изобразилъ я ходъ литургіи Армянской, но съ безпристрастіемъ, воздавая хвалу истинно высокому въ ея молитвахъ и указывая только, откуда что заимствовано, дабы видѣли, какимъ образомъ измѣненъ былъ, въ среднихъ вѣкахъ, древній Восточный чинъ ея.

ЭРИВАНЬ. КЕГАРТЪ.

Въ тотъ же вечеръ оставилъ я Эчміадзинъ, чтобы продолжать мое путешествіе по области Армянской. Патріархъ, исполненный благоволенія, отпустилъ со мною собственнаго келейника, для того чтобы мнѣ все было открыто въ монастыряхъ. Смеркалось, когда спустился я въ ущеліе Занги, на крутой мостъ, переброшенный черезъ потокъ; его строили каменщики Греческіе, двѣсти лѣтъ тому назадъ, во времена Шахъ-Аббаса. Какъ тѣни мелькнули предо мною пустыя палаты Сардаря, и гаремъ и крѣпость; кое-гдѣ горѣли огни, въ

уединенныхъ окнахъ , надъ рѣкою, и шумѣла Занга, въ вечерней тишинѣ; съ трудомъ могъ я въѣхать подъ темные изгибы воротъ, бывшей Персидской твердыни. На разсвѣтъ отрадно мнѣ было слышать утреннее богослуженіе, въ соборѣ Эриванскомъ, весьма благолѣпномъ. Тѣ же Греки, которые строили мостъ, соорудили и храмъ, для самихъ себя, какъ меня увѣряли нѣкоторые старожилы, но въ послѣдствіи церковь была отдана Туркамъ, для ихъ исповѣданія Суннитскаго, а наконецъ обращена въ пороховое хранилище. Такъ застали ее войска наши и освятили въ честь покровы Богоматери, потому что въ этотъ день сдалась сія сторожевая бойница Персіи, какъ нѣкогда, въ тотъ же день, пали твердыни Казанскія, предъ побѣдною хоругвію Россіи.

Мечеть, бывшая придворною Сардаря, теперь обращена въ арсеналь, и нарядна своими арабесками, изъ разноцвѣтныхъ кирпичей. Замѣчательна и главная городская мечеть , принадлежащая господствовавшему исповѣданію Шіитовъ ; она окружена

базаромъ и каравансараями; платановое дерево, подъ которымъ шумить фонтанъ, одно развѣсилось на весь широкій дворъ мечети, призывая подъ тѣнь свою поклонниковъ Али. Но я нашелъ Христіанское сокровище въ Эривани, о которомъ даже не знаютъ многіе изъ Армянъ, на краю города, въ уединенной церкви, называемой Зораваръ т. е. святынею сильныхъ. Изнутри сего храма спускаются въ подземелье, подобное гробовымъ покоемъ Рипсимы и Гаяны, и тамъ гробница Св. Апостола Ананіи, одного изъ семидесяти, которому явившійся Господь, велѣлъ окрестить Савла, избранный имъ сосудъ. Какимъ образомъ могли явиться мощи сіи въ Эривани, не могъ я достовѣрно узнать; но священники той церкви говорили мнѣ, что онѣ подарены были еще великому Григорію. Правдоподобнѣе думать, что нѣкая часть ихъ досталась гораздо позже въ удѣлъ, кому либо изъ Католикосовъ или Царей Армянскихъ. Рядомъ съ гробницею Ананіи есть другая неизвѣстная, въ томъ же подземельи.

На слѣдующее утро поѣхалъ я въ знаменитую обитель Армянскую, изсѣченную въ скалахъ, за тридцать верстъ къ востоку отъ Эривани. Тамъ, съ незапамятныхъ временъ, хранилось Св. копіе, которое теперь въ Эчміадзинѣ; имя Кегартъ осталось обители отъ копія, и пещерное ея устройство было причиною другаго названія Ай-риванкъ. Дорога туда лежала, влѣво отъ большой Персидской, сперва по пустыннымъ хребтамъ до широкой долины Башкарни, гдѣ нѣкогда существовалъ знаменитый городъ Карни. Тамъ, на обрывѣ утесовъ, выстроилъ Царь Тиридатъ великолѣпный дворецъ, для любимой сестры своей Хосровидухтъ, и доселѣ еще видны его остатки, слыvuщіе въ народѣ трономъ Тиридата; но колоссальные обломки базальтовыхъ колоннъ, съ ихъ громадными подножіями изъ чернаго гранита, и съ рѣзными капителями Іоническаго ордена, свидѣтельствуютъ болѣе о храмѣ, во вкусѣ Греческомъ, нежели о палатахъ. Поразительна сія гранитная масса обломковъ, собранныхъ рукою времени въ одну груду,

на обрывъ скалъ, памятникомъ его собственнаго могущества надъ дѣлами рукъ человѣческихъ. Воображеніе народное, всегда поэтическое въ своихъ вымыслахъ, образовало изъ сихъ развалинъ одинъ исполинскій тронъ, на который посадило великую тѣнь любимаго Царя своего Тиридата. У его подножія кипитъ горный потокъ въ глубокомъ руслѣ; безчисленные ручьи стремятся, изъ подъ навѣса камней, для прохлажденія бывшей царственной усадьбы сестры Тиридатовой. Палаты ея ограждены были со стороны долины, крѣпкою стѣною, которой плиты еще уцѣлѣли, съ полуобрушенною аркою воротъ, освященныхъ знаменіемъ креста. Нѣсколько развалившихся церквей разбросаны по долинѣ, около нынѣшняго полутатарскаго, полуармянскаго селенія; и свидѣтельствуютъ о прежнемъ величіи Карни. Въ одной изъ нихъ погребенъ знаменитый писатель духовный Мастоцъ, оставившій по себѣ богатое собраніе церковныхъ пѣсней; это Дамаскинъ народа Армянскаго. Тутъ же былъ положенъ и могущественный князь Прошъ,

владѣвшій городомъ Карни, въ XIII вѣкѣ, когда уже четвертая династія Рупенидовъ, утвердила дальній престолъ своей въ Киликіи; онъ осыпалъ своими благодѣяніями обитель Кегарта.

Дорога къ ней идетъ вверхъ по ущелью, которое стѣсняется все болѣе и болѣе, доколѣ не упрется наконецъ въ неприступныя скалы, откуда бьетъ бурный потокъ Карни. Только восемь верстъ отъ селенія до монастыря; по окрестнымъ горамъ видны развалины церквей, но по мѣрѣ приближенія къ Кегарту, исчезаетъ всякое населеніе, и дикая природа вступаетъ въ полныя права свои, разставивъ повсюду неподвижныя грани утесовъ; одинъ изъ нихъ совершенно заслоняетъ монастырь, и служитъ какъ бы преддверіемъ сей каменистой пустыни, гдѣ во времена ея славы спасались нѣсколько сотъ отшельниковъ. Мы слышали уединенный колоколъ прежде нежели увидѣли зданіе, и этотъ мирный благовѣстъ отраденъ былъ въ столь дикомъ ущельи. Два только инока вышли къ намъ на встрѣчу, потому что больше ихъ не бы-

ло. Еще недавно пустою стояла древняя обитель, и обязана своимъ обновленіемъ усердію бывшаго правителемъ области Армянской, Князя Бебутова, но и доселѣ подвергается она разбоямъ окрестныхъ жителей. Два года тому назадъ ее ограбили Курды, и тѣже два инока, единственные стражи святилища, найдены были связанными въ оградѣ монастыря; такъ опасно ихъ положеніе.

Основаніе Кегарта относится къ глубокой древности, ко временамъ Св. Григорія, и весьма естественно, что такое дикое ущелье могло привлечь къ себѣ любителей безмолвія, въ самую цвѣтущую эпоху иночества. По крайней мѣрѣ достоверно то, что правнукъ просвѣтителя, Исаакъ великій, любилъ тамъ уединяться, и около сего времени, должно полагать, изсѣчены были нѣкоторыя пещерныя церкви. Непрístupность обители, посреди скалъ ее оградившихъ съ трехъ сторонъ, дѣлала изъ нея твердыню, въ которой спасались Католикосы и Владѣтели Армянскіе, отъ насилія намѣстниковъ Халифовъ; тамъ долго укры-

вался знаменитый по своей летописи, Католикосъ Іоаннъ VI, отъ жестокаго правителя Юсуфа. Безопасность мѣста вѣроятно побудила перенести въ Кегартъ священное копіе, когда сосѣдняя столица Двинъ, сдѣлалась жилищемъ Эмировъ, и опустѣлъ Эчміадзинъ, подвергавшійся безпрестаннымъ нападеніямъ. Сокровище сіе еще болѣе освятило монастырь, въ мнѣніи не только Армянъ, но и Магометанъ; народное преданіе рассказываетъ, что во время страшнаго нашествія Шахъ-Аббаса, когда, проникнувъ въ обитель, хотѣлъ онъ коснуться святыни копія, внезапный свѣтъ осіялъ все ущелье: оно наполнилось тѣмами Ангеловъ, и въ ту же минуту обратились назадъ лица Персіянъ. «Геръ-гечь!» (видѣлъ, бѣги), воскликнулъ смятенный Шахъ, и первый подалъ примѣръ бѣгства; съ тѣхъ поръ названіе Геръ-гечъ осталось обители, въ устахъ Татаръ, вмѣстѣ съ народною легендою.

Иноки ввели насъ сперва въ главную церковь Св. креста, не изсѣченную внутри угесовъ а пристроенную къ нимъ, уже въ

позднѣйшія времена. Устройство ея подобно всѣмъ храмамъ Армянскимъ XII и XIII вѣка : высокія арки подпираютъ куполь, алтарь возвышенъ, съ двумя ризницами по сторонамъ, молитвенныя келліи въ углахъ и никакихъ украшеній по стѣнамъ; иконы, совершенно новыя, писаны на холстѣ. На входныхъ дверяхъ, съ южной стороны, грубо изваяны голуби, между виноградныхъ лозъ, и два бодящихся тельца, символы чистоты и силы. Обширная трапеза, пристроенная къ церкви, великолѣпна рѣзбою своихъ карнизовъ и открытаго купола, который опирается на четырехъ столбахъ. Она также носитъ отпечатокъ среднихъ вѣковъ, и надпись на заднихъ вратахъ свидѣтельствуешь, что куполь храма былъ сооруженъ въ 1214 году, трудами братіи, при настоятельствѣ пустынника Василія, во время Атабека Захаріи, и сыновей его Шагинъ-Шаха и Авака. Съверною стѣною для сей трапезы служитъ самая скала, и въ ней изсѣчены другія церкви, изумляющія терпѣніемъ своихъ создателей.

Первая, во имя Св. Троицы, ближе къ западнымъ дверямъ трапезы, она почти круглая, со многими углубленіями въ стѣнахъ, и украшена арабесками. Узорные кресты изсѣчены на скалѣ, съ надписями, которыя называютъ жертвователей, прибѣгавшихъ подъ сѣнь сего храма, и вѣроятно тутъ же погребенныхъ ради своихъ даяній. Изъ подъ сѣверной скалы струится источникъ черной воды, горькой и непріятной на вкусъ; въ восточномъ углубленіи есть алтарь на коемъ уже не бываетъ службы. Рядомъ съ церковью Св. Троицы изсѣчена другая, во имя Виѳлеемской Божіей Матери, но алтарь ея несоразмѣрно малъ противъ самой церкви; она освѣщена сверху окнами пробитыми въ скалѣ; входъ въ нее изъ той же трапезы, и въ ней течетъ также горькая вода изъ подъ утеса. На этомъ утесѣ изсѣчены: воловья голова, которая держитъ кольцо, и къ нему два прикованные льва, а подъ ними орелъ несущій ягненокъ. На аркѣ алтаря Божіей Матери грубо изваяны двѣ райскія птицы, а на дверяхъ ведущихъ въ третью церковь Св. Григорія, Апостолы

Петръ и Павелъ. Сія послѣдняя всѣхъ выше и изящнѣе отдѣлкою; алтарь ея много поднять надъ помостомъ, и на немъ сохранилось кресло Епископское, высѣченное также изъ камня. Купель, необходимое условіе всѣхъ церквей Армянскихъ, выдолблена въ той же скалѣ, ибо только внутри храмовъ позволено совершать таинство крещенія у Армянъ. На возвышеніи алтаря, подлѣ каменнаго кресла, изваянъ высокій крестъ, съ двумя Ангелами по сторонамъ, изъ коихъ одинъ съ трубою, а другой съ мечемъ. Какого собственно времени всѣ три церкви, высѣченныя въ утесъ, неизвѣстно: но въ Виолеемской, которая служитъ преддверіемъ Григоріевой, сохранилась на южной стѣнѣ надпись:

«Въ правленіе благочестиваго, боголюбимаго властителя Грузинскаго Авака и Шагинъ-Шаха, и сына его Захаріи, я Прошъ, сынъ Васака, изъ Хохнава, купилъ отъ владѣтеля страны сей знаменитый сей Айри-ванкъ, вмѣстѣ съ горою и равниною, и всѣми постройками, какія были въ немъ, и выдолбилъ въ скалѣ домъ Божій, въ па-

мать мою, супруги и сына, и все вмѣстѣ съ ними, посвятилъ Св. копию.»

Годъ не выставленъ, но извѣстно, что князь Прошъ властвовалъ въ сихъ предѣлахъ, въ началѣ XIII вѣка, и можно предполагать, что онъ ископалъ въ скалѣ это Виолеемское преддверіе, и самую церковь Св. Григорія, и пристроилъ къ нимъ трапезу и соборный храмъ Св. креста; однако названіе Айри-ванкъ, употребленное въ подписи, свидѣтельствуешь о прежнихъ пещерныхъ церквахъ, и дѣйствительно до сорока тѣсныхъ келлій, съ малыми внутри ихъ алтарями, пробиты въ скалахъ. Сынъ князя Проша, Папахъ, выдолбилъ въ 1288 году, еще одну обширную погребальную церковь для своего рода, надъ тремя первыми; тамъ однако не видно алтаря. Куполь имѣлъ отверстіе сверху и опирается на четырехъ столбахъ, по образцу трапезной церкви. Тѣсная галлерея, украшенная крестами, служитъ входомъ въ сію каменную сокровищницу смерти, которая превосходитъ, дикимъ своимъ великолѣпіемъ, многія жилища людей, и напоминаетъ тщаніе

Фараоновъ Египетскихъ, о сохраненіи своего праха. Народное преданіе, которое любить оживлять самыя обители смерти, говоритъ что гораздо прежде князя Папахъ, два труженика, братъ и сестра, движимые благочестивымъ усердіемъ, начали изсѣкать, или что вѣроятнѣе обдѣлывать подземную храмину, въ которую спустились изъ верхняго отверстія, но уже не могли опять туда подняться. Они стали пробивать утесъ, чтобы найти себѣ боковой выходъ, но потерявъ направленіе, долбили гору, вмѣсто того чтобы обратиться къ внѣшней сторонѣ скалы. Горестно заснули узники, послѣ напрасныхъ трудовъ, ожидая голодной смерти, ибо уже истощились ихъ запасы, и вотъ ночью, невидимою рукою Ангела хранителя, труженическій молотъ ихъ перенесенъ былъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь устье подземной галлерей. Проснувшись они пробили себѣ узкое отверстіе, и могли опять выйти на Божій свѣтъ, но доселѣ показываютъ начатую ими работу въ скалѣ.

Надъ самою крышею соборной трапезы,

изсѣчены три малыя келліи съ алтарями, какихъ много разсѣяно по окрестнымъ утесамъ, а за оградою, у самаго входа, выдолблено въ отдѣльной скалѣ двухъ ярусное жилье, съ двумя церквами во имя Божіей Матери. Стѣнная живопись отчасти сохранилась, и еще видно вербное торжество Спасителя; надпись на стѣнѣ говоритъ, что въ 1256 году обновлена сія церковь Богородицы, но кѣмъ неизвѣстно; послѣднее раззореніе было при Лезгинахъ, менѣе ста лѣтъ тому назадъ. Мѣстное преданіе гласитъ, что въ этихъ келліяхъ первоначально спасался великій Григорій, но достовѣрнѣе можно предполагать, что здѣсь жилъ правнукъ его Католикосъ Исаакъ, ибо лѣтописи Армянскія упоминаютъ о его пребываніи въ обители. Напротивъ, черезъ потокъ Карни, видно еще жилье въ неприступной скалѣ, гдѣ защищался князь Прошъ отъ нападенія Сарациновъ. Бурно истекаетъ самый потокъ изъ сердца скалъ, нѣсколько выше монастыря, и разбиваясь по камнямъ, образуетъ весною великолѣпный водопадъ, въ глубокомъ ущельи. Мы толь-

ко могли подивиться дикости мѣста избраннаго иноками, но мнѣ говорили, что весною это ущелье обращается въ совершенный садъ, отъ множества душистыхъ кустовъ, разросшихся промежду скалъ, и малыя поляны, на берегу потока, благоухаютъ цвѣтами.

Такъ разнообразна своими красотами обильная природа и то, что намъ кажется мрачно въ ея осеннюю пору, какъ бы на склонѣ возраста человѣческаго, дышетъ опять райскою свѣжестью въ ея весенніе, для насъ невозвратные на землѣ дни. Когда мы окончили осмотръ храмовъ и пещеръ, уже солнце закатилось за горный горизонтъ и только послѣдніе лучи его, багровыми красками, сходили съ каменистыхъ вершинъ; картина была великолѣпна, особеннымъ величіемъ облеклась дикость пустыни; еще долго горѣлъ пурпурный гребень скалъ, огненною чертою рисуясь на темномъ небѣ востока, и вотъ встала другая очаровательница, луна, и серебряннымъ рогомъ своимъ одолѣла вечерніе розовые туманы. Ея томнымъ свѣтомъ внезапно поблѣднѣло ущелье,

какъ поблекшія лица его отшельниковъ, и дикая обитель представилась намъ въ болѣе собственномъ ей образѣ.

АРАРАТЪ.

Утромъ мы опять миновали селеніе Башкарни и долго слѣдовали по ущелію, къ долинь Аракса. Вся она почти заселена выходцами изъ Персіи и Турціи, ибо многія тысячи Армянскихъ семействъ устремились, по окончаніи войны, въ мирные предѣлы древняго своего отечества. Пріятно видѣть, отъ подошвы Алагеза до подножія Арарата, всю обширную равнину, гдѣ величаво течетъ Араксъ, обращенную

въ зеленые сады, которые орошаются его живительными водами, ибо безъ искусственныхъ протоковъ, ничего не можетъ расти, на пламенной почвѣ Арменіи. Еще недавно, одни только рѣдкіе аулы Татарскіе, кое-гдѣ разсѣяны были на пустотѣ равнины, на которой не смѣли селиться Христіане, изъ онасенія Курдовъ. Мы спустились къ селенію Двинъ, которое получило свое громкое имя отъ близъ лежащихъ развалинъ, и увидѣли въ полѣ обширный двухъ ярусный холмъ, окруженный рвами: это была древняя столица Арменіи. Развалины ея простираются нынѣ между трехъ селеній; изъ коихъ два, Арташиръ и Двинъ запечатлѣны сами историческими именами, а третье, Топра-кале, означаетъ земляную крѣпость или насыпь, въ которую теперь обратилась могущественная нѣкогда столица. Персидское названіе Двинъ, т. е. холмъ, совершенно соотвѣтствуетъ ея нынѣшнему состоянію, ибо одинъ только могильный курганъ гласитъ о минувшемъ величій цѣлаго царства; а нѣкогда судьба всей Арменіи зависѣла отъ сего холма!

Сынъ Тиридата, младшій Хосрой, перенесъ сюда столицу изъ Арташата, которому вредили болотныя испаренія Аракса, и съ тѣхъ поръ Двинъ, прозванный Востаномъ или Царьградомъ, посреди своей плодотворной равнины, сдѣлался сердцемъ Арменіи; чрезъ него текла вся богатая торговля Индіи съ Западомъ. Когда же въ V вѣкѣ пало, подъ игомъ Персовъ, царство Армянское, отсель поднялся витязь Варданъ Мамигонянинъ, съ горстью храбрыхъ, чтобы отразить полчища Издигерда и его Маговъ, которые усиливались ввести огнепоклонство. Варданъ перенесъ сюда столицу духовную изъ Вагаршапата, съ каѳедрою Католикосовъ, и они основались въ Двинъ, почти на пятьсотъ лѣтъ, до возвеличенія новой столицы Ани, уже при династіи Багратидовъ. Самое лѣтосчисленіе Армянъ, которому донынѣ они слѣдуютъ, воспріяло начало въ Двинъ; ибо Католикосъ Моисей, исправивъ въ 551 году ошибки календаря, велѣлъ, довольно странно, начинать новую эпоху не отъ Рождества Христова, а отъ созваннаго имъ собора; такимъ образомъ

Армяне отстаютъ, на 551 годъ, отъ всѣхъ Христіанскихъ лѣтосчисленій.

Тяжкія раззоренія претерпѣлъ царственный городъ, отъ завоевателей Арабскихъ, при самомъ разгарѣ ихъ вѣры. Приступомъ взятъ былъ Двинъ и разрушенъ почти до основанія; двѣнадцать тысячъ жителей пало на его пепелищѣ, сорокъ тысячъ уведено въ плѣнъ и надобно было имѣть всю ревность Нерсеса строителя, чтобы возстановить городъ изъ его развалинъ. Нѣсколько лѣтъ спустя бывшая столица Царей Армянскихъ сдѣлалась мѣстопробываніемъ намѣстниковъ Халифа и, укрѣпленная ими въ началѣ VIII вѣка, еще однажды процвѣла подъ ихъ владычествомъ; но она вскорѣ опять подпала игу завоевателей Сарацинскихъ. Еще ужаснѣе ихъ оружія, были для Двина землетрясенія проистекавшія отъ сосѣдства Арарата.

Въ исходѣ IX вѣка трехъмѣсячное, почти непрестанное колебаніе, сокрушило въ немъ храмы и палаты, и жертвою онаго сдѣлались до семидесяти тысячъ жителей. Съ тѣхъ поръ уже не возставалъ

Двинъ въ прежней красѣ своей, хотя еще до XII вѣка, продолжалъ быть правительственнымъ, по жительству въ немъ Эмировъ. Мало по малу совершенно стерся онъ съ лица земли, и кто найдетъ теперь на пустынномъ холмѣ, мѣсто великолѣпнаго собора Св. Григорія, который воздвигнутъ былъ витяземъ Вартаномъ, и палаты Католикоса Нерсеса, и слѣды бойницъ Эмира Абдалъ-Азиза? Не только зданій, нѣтъ даже и слѣдовъ ихъ!

Страшно стоять на развалинахъ, гдѣ до такой степени истребилось все человѣческое и время сгладило самые камни, оставивъ только черепки и прахъ! Здѣсь, болѣе нежели гдѣ-нибудь, чувствуется все наше ничтожество, особенно когда свободный взоръ, широко объемлетъ окрестныя вершины горъ, сихъ исполиновъ творенія. Одинъ Араратъ уже подавляетъ въ сердцѣ мелкое воспоминаніе частнаго разрушенія, вселенскимъ ужасомъ потопа. Сколько однако столицъ Армянскихъ, одна за другою, стерлись предъ лицомъ сего Арарата, въ одной области, искони носившей его имя

и нынѣ вдвинутой въ предѣлы наши? Двинъ, и подлѣ него, на другомъ холмѣ, Арташатъ, и на равнинѣ Вагаршапатъ, и еще двѣ столицы, приникшія къ нашей грани на берегахъ Арпачая, Ерованташатъ и Ани, чудная въ самыхъ обломкахъ. Можно причислить къ столицамъ Арменіи еще одинъ городъ, процвѣтшій уже во время ея паденія, Джульфъ на берегахъ Аракса, отъ которой осталось теперь исполинское кладбище. Все это сокрушилось постепенно у ногъ Арарата, на той равнинѣ, гдѣ еще сохранилась тамъ память перваго поселенія человѣческаго послѣ потопа, въ самомъ имени Нахичевани, съ мнимою или дѣйствительною могилою втораго родоначальника Ноя.

Гостепріимный кровъ ожидалъ насъ на эту ночь, въ домъ начальника участка Зангибасарскаго, который распоряжался, по сосѣдству двухъ столицъ Армянскихъ, вмѣсто ихъ бывшихъ державныхъ владѣтелей и Эмировъ: *sic transit gloria mundi!* Мнѣ сопутствовали нѣсколько служащихъ изъ Эривани, и въ числѣ ихъ Абовьянъ, ко-

торый соединялъ образованіе Дерптскаго университета съ мѣстными познаніями края: онъ былъ неутомимымъ спутникомъ Паррота и Абиха на Араратъ. Утромъ мы были уже опять на коняхъ, по направленію чудной горы сей, и быстрый Араксъ принялъ насъ въ свои завѣтныя воды. Не легкое дѣло отыскать бродъ Аракса, который безпрестанно измѣняетъ свое теченіе, и заставляетъ иногда путешественниковъ дорого платить за свою отвагу. Опытный казакъ указывалъ намъ путь по водамъ; мы слѣдовали за его длинною струею наискось рѣки, чтобы не быть увлеченными ея теченіемъ.

За нами нѣсколько семействъ Курдовъ, которые возвращались съ лѣтняго кочевья, стали переправлять стада свои; они брали себѣ на плеча молодыхъ ягнятъ, напоминая образъ благаго Пастыря, хотя увы! не принадлежатъ сами къ его избранному стаду. Не только въ этомъ, но и въ другихъ случаяхъ, я удивлялся отчетливости, съ какою Евангельскія притчи списывали природу. Привыкнувъ видѣть, у насъ въ

полъ, пастуха слѣдующаго за разсѣяннымъ стадомъ, я не понималъ Евангельскаго выраженія, которое такъ часто поражало слухъ мой: «и егда своя овцы ижденеть, предъ ними ходить, и овцы по немъ идутъ, яко слышать гласъ его; по чуждемъ же не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа.» (Іоан. X, 4, 5). Но посреди пастушеской жизни кочующихъ Курдовъ, разрѣшилась мнѣ сія притча, когда я увидѣлъ овецъ ихъ, одна за другою, слѣдующихъ по узкой тропѣ за своимъ пастыремъ, и дѣйствительно знающихъ его голосъ. Курды сіи, которые цѣлыми семействами переходили Араксъ, еще не совершенно возвращались на свои зимовья; но, спустившись съ высотъ Алагеза, временно останавливались на равнинѣ Аракса, потому что могли находить тамъ еще не много корма для скота. Переселеніе ихъ представляло живую картину патріархальнаго быта: жены и дѣти сидѣли въ корзинахъ на ослахъ; коровы и даже собаки были навьючены домашнимъ скарбомъ; подозрительно падали на пришельцевъ взо-

ры смуглыхъ пастуховъ. Время ихъ перекочеванія есть самое опасное для одинокихъ путниковъ, по частымъ разбоямъ, которые трудно остановить, потому что большая часть Курдовъ переходитъ за границу или передаетъ похищенное своимъ единоплеменникамъ, въ Персіи и Турціи, получая отъ нихъ взаимно тѣ же услуги.

Но между сими дикими скитальцами, есть одно племя, болѣе кроткое, по древнимъ воспоминаніямъ Христіанства; это Іезиды, встрѣчающіеся наиболѣе у подошвы Арарата, въ нашихъ предѣлахъ, хотя однако довольно въ маломъ числѣ, потому что при усмиреніи Курдовъ, нынѣшнимъ Визиремъ Порты, Решидъ-Пашею, на нихъ особенно, какъ на иновѣрцевъ, обращено было его оружіе. Ихъ называютъ въ простонародіи поклонниками діавола, Иблиситами, потому что они всегда отзываются о немъ съ осторожностью, говоря: «не надобно проклипать его; онъ можетъ покаяться, и его проститъ Богъ.» Къ какой собственно сектѣ Христіанской принадлежали Іезиды, нельзя достовѣрно дознать,

но нѣтъ сомнѣнія, что они были нѣкогда Христіанами, и будучи отвержены Церковью за ересь, одичали въ своемъ одиночествѣ, и утратили основные догматы; сохранилась однако, въ ихъ темныхъ преданіяхъ, нѣкоторая слабая тѣнь Христіанства. Такъ напримѣръ у нихъ есть двѣ степени священства, какъ бы пресвитеры и клирики (шейхи и пирь), для которыхъ существуетъ особенное посвященіе, съ общественными молитвами, и даже съ облаченіемъ, на подобіе черной ризы поверхъ хитона. Они служатъ свидѣтелями при бракахъ, хотя совершаютъ оныя, равно какъ обрѣзаніе и погребеніе, по обычаю Магометанскому, ибо все перемѣшано у Іезидовъ. Они забыли крещеніе, но еще помнятъ таинство пріобщенія, боятся уронить каплю вина на землю, когда пьютъ, потому что почитаютъ его священнымъ напиткомъ, и однажды въ годъ, въ великую Пятницу, ихъ духовные старшины молитвенно раздаютъ народному собранію хлѣбъ и вино, говоря: «тѣло Христово, кровь Христова.» По сему Іезиды не пи-

тають къ Христіанамъ той ненависти, какою исполнены къ нимъ фанатическіе Курды; напротивъ того, они уважають духовенство Армянское, принимаютъ отъ него благословеніе, посѣщаютъ иногда церкви и соблюдаютъ нѣкоторые посты на память святыхъ, особенно Георгія и Сергія. Вообще они гораздо мягче нравами и честиѣ Курдовъ, хотя не менѣе воинственны: вотъ каково благое вліяніе вѣры Христовой, даже и въ столь искаженномъ ея видѣ. Почитая Господа Іисуса Христа своимъ Пророкомъ, они называютъ его Свѣтомъ Божіимъ, явившимся отъ Дѣвы Маріи, но не имѣють яснаго понятія о искупленіи, и полагають, какъ Магометане, что Господь, позволивъ распять себя на крестъ, вознесся съ него на небо. Странное народное повѣрье сохранилось между ними, будто бы, во время распятія, одинъ изъ ихъ племени, желая облегчить Господа, похитилъ гвоздь изъ его ноги, и за то пріобрѣлъ для всего народа право похищать, но только безъ насилія. Всѣ сіи свѣдѣнія о Іезидахъ сообщены мнѣ были Абовь-

яновымъ, который самъ слышалъ ихъ отъ Армянскаго священника, долго жившаго между ними.

Приближаясь къ подошвѣ Арарата, мы переѣхали по мосту рѣчку Карасу, не широкую, но чрезвычайно глубокую, которая внезапно выходитъ изъ подъ земли, у подножія горы. Она дала поводъ естествоиспытателямъ думать, что изъ внутренности горы, скопились въ ней одной всѣ водяные ключи, ибо на поверхности Арарата нѣтъ почти нигдѣ источниковъ, хотя вершина его постоянно бываетъ покрыта снѣгомъ. По сему нѣкоторые приписывали самый обвалъ, истребившій селеніе Ахуры, не волканическому изверженію, а только прорыву воды, накопившейся въ пустотѣ горы; но безпрестанныя землетрясенія, которыя, начинаясь отъ Арарата, колеблютъ всю окрестность, свидѣлствуютъ объ огненной бурѣ, возмущающей сердце сего древняго свидѣтеля потопа, хотя и не открыто жерло его подобно Везувію. Съ казачьяго поста Аралыхъ, куда намъ должно было возвратиться для

почлега, мы взяли свѣжихъ лошадей и конвой, потому что граница наша, пролегающая между вершинами малаго и большаго Арарата, дѣлаетъ необходимою такую предосторожность. Проводникомъ служилъ для насъ самъ престарѣлый старшина Армянскаго селенія Ахуры, который только съ семью человѣками спасся изъ его страшнаго разрушенія. Оно случилось 20 Іюня 1840 года, въ шесть часовъ вечера, и пять тысячъ человѣкъ сдѣлались жертвами обвала. Я просилъ старца, рассказать мнѣ о своемъ бѣдствіи, и съ трудомъ сталъ онъ объясняться предо мною, какъ человѣкъ, который, по сильному выраженію Данта, въ одно время и плачетъ и говоритъ:

«Come colui che piange e dice»

«Насъ было до пяти сотъ семействъ въ Ахуры, мы жили счастливо и богато, въ одной моей семьѣ считалось двадцать двѣ души, братьевъ и сестеръ, сыновей и дочерей, и невѣстокъ и внуковъ!» и одинокій залился слезами. «Жена моя была на пастбищѣ на горѣ, и какъ бы предчувствуя бѣду, присылала дважды, въ тотъ

горькій день, звать меня къ себѣ; только вечеромъ могъ я собраться. Семилѣтній любимый внукъ мой, присталъ ко мнѣ: дѣдушка возьми меня съ собою, пожалуйста возьми. » голосъ старика опять замеръ. Ты взялъ его?—«Ахъ я его не взялъ!» и долго рыданія заглушали рѣчь, такъ что мнѣ совѣстно было спрашивать далѣе. Когда же успокоился, онъ самъ продолжалъ: «вы увидите мѣсто селенія; оно лежало въ малой ложбинѣ, какъ бы въ ущельи и посрединѣ текъ ручей; дома стояли по скату оврага. Солнце уже спускалось къ горѣ, и казалось все ясно; но только ступилъ я на край оврага, вдругъ что то страшно завывало въ горѣ, и вихремъ дунуло изъ нея вдоль ущелья, такъ что, въ одно мгновеніе, день сдѣлался ночью, и я безъ памяти упалъ на землю. Не знаю сколько я пролежалъ, казалось мало, но тутъ ушла вся моя жизнь. Я всталъ, перекрестился: будто ясно, а ничего не вижу; все есть а селенія нѣтъ, припоминаю гдѣ я? сады видны, а селенія нѣтъ, и монастыря нѣтъ; вся долина за-

сыпана камнемъ и землею, я опять упалъ и не хотѣлъ болѣе вставать; что мнѣ одному было жить на свѣтъ? Солнце стало садиться; тутъ я вспомнилъ, что у меня есть жена, и что она меня къ себѣ звала; хочу итти, вижу идутъ три женщины блѣдныя и говорятъ, что онѣ только что хотѣли спуститься въ селеніе, какъ ихъ опрокинула буря, а кто шелъ впереди тотъ обрушился; и стада не хотѣли итти въ долину, но пастухи силою вогнали и все пропало. Мы стали плакать, да что въ слезахъ; страшно было! Я пошелъ въ гору къ женѣ; она встрѣтила меня, какъ будто ничего не случилось, слышала страшную бурю, но бури бывають въ горахъ, и громъ гремитъ и молніи разятъ; она только видѣла, что я какъ мертвый, а того не знала, что изъ всей ея семьи одинъ лишь я живой! Когда услышала не вѣрила, когда же повѣрила, едва не умерла сама. Ночь мы прорыдали, утромъ пришли Курды и отняли послѣднее мое стадо; если можешь, возврати мнѣ это стадо; я просилъ многихъ и нѣтъ успѣха! . . . вѣдь у меня боль-

ше ничего не осталось, а я былъ богатъ и старшиною, у насъ было двадцать двѣ души! и жена моя умерла съ горя».

Горько опять зарыдалъ старикъ. «Кто же еще спасся?» спросилъ я. «Изъ бывшихъ въ селеніи только семь душъ: я, да четыре женщины, да два мальчика. Одинъ изъ нихъ, двѣнадцати лѣтъ, былъ полузасыпанъ землею на краю оврага. Курды, узнавъ о нашемъ бѣдствіи, какъ волки нахлынули на другой же день, и отрыли мальчика, но и они сжалились и отвели его въ ближнее селеніе; онъ и теперь живъ. Тѣже изъ Курдовъ, которые пришли раскапывать церковь, чтобы ее ограбить, сами погибли подъ ея развалинами, потому что буря возобновлялась въ продолженіи нѣсколькихъ дней, хотя не столь ужасно, но камни не преставали летать, а каковы эти камни, вы увидите по дорогѣ; они были больше заваленныхъ ими домовъ.» Я спросилъ старика: гдѣ онъ теперь живетъ? и онъ отвѣчалъ: «когда постепенно собрались жители Ахуры, бывшіе въ полѣ, или у стада, или на промыслѣ,

мы хотѣли раскопать наше пепелище, чтобы опять на немъ поселиться; но не возможно было разрыть этой груды камней, да и къ тому же изсякъ единственный источникъ, который, проходя черезъ селеніе, орошалъ наши сады; а сады были лучшіе во всей окрестности, и теперь еще коегдѣ обгорѣлые торчатъ изъ земли: тутъ и огонь и вода все соединилось чтобы истребить насъ. Чудотворный источникъ Св. Іакова, изъ котораго разносили воду по всей Арменіи, для истребленія саранчи, чуть чуть каплетъ теперь подъ скалою, а монастыря его нѣтъ и слѣдовъ. Что намъ было дѣлать безъ воды? Мы поселились недалеко, у самой подошвы горы, въ новомъ Ахуры, но уже стараго не воротишь! Да и насъ не болѣе ста человекъ, а тамъ было пять тысячъ: такъ покаралъ насъ Господь, за грѣхи наши!»

Селеніе, которое такъ горько оплакивалъ осиротѣвшій старикъ, лежало на сѣверной покатости Арарата, и подъ новымъ, искаженнымъ названіемъ Ахуры, таило древнее Арх-ури, которое свидѣтельство-

вало о давности поселенія. Арх-ури значитъ собственно по Армянски: «насадилъ виноградъ», и незапамятное преданіе указываетъ на мѣсто сіе, славившееся своими виноградниками, какъ на то, гдѣ дѣйствительно праотецъ Ной насадилъ первую лозу.—Гора Масисъ, одна изъ Араратскихъ, наименованныхъ въ книгѣ Бытія, искони ознаменована была памятью ковчега, и это не какое либо частное преданіе Армянское, но общее всего Востока, освященное Св. отцами Церкви. Современникъ паденія Іерусалима, Іосифъ Флавій, въ книгѣ своей о древностяхъ Іудейскихъ, ссылается на болѣе древняго писателя Халдейскаго, Вироса жившаго за много вѣковъ до Р.Х., который говоритъ, что около горъ Кордуанскихъ или Курдскихъ, въ Арменіи, еще существуетъ часть ковчега; жители отрываютъ отъ него смолу, и дѣлаютъ изъ нее амулеты, почитаемыя завѣтными, противъ волхвованія. Писатель церковный Евсевій, говоря о ковчегѣ, указываетъ на тѣже мѣста Арменіи, а Св. Епифаній Кипрскій прямо говоритъ, въ книгѣ о ересьяхъ (противъ

Назареевъ, ересь XVІІ. кн. 1.) что остатки Ноева ковчега доселѣ показываются въ горахъ Курдовъ.

И такъ не должно казаться страннымъ, если Св. Іаковъ Низивійскій, почти современникъ ученыхъ Евсевія и Епифанія, движимый благочестіемъ, ходилъ нарочно въ область Араратскую и подымался на Масисъ, чтобы тамъ видѣть остатки ковчега. И что дивнаго, если кто изъ Ангеловъ, посылаемыхъ Богомъ для служенія человѣкамъ, съ недоступныхъ вершинъ Арарата, дѣйствительно принесъ ему желанное дерево? Быть можетъ, Ангелъ принесъ его, и во свидѣтельство будущимъ невѣрующимъ родамъ, дабы не сомнѣвались въ истинѣ, не только потопа, о которомъ гласитъ всемірное преданіе, но и спасительнаго ковчега, который, по словамъ Апостола, былъ образомъ Церкви. На томъ мѣстѣ, гдѣ Св. исповѣдникъ, имѣлъ свое чудное видѣніе, основана была обитель во имя его, Католикосомъ Армянскимъ Анастасіемъ, въ началѣ VII вѣка, ибо онъ самъ былъ родомъ изъ селенія Арх-ури; вѣроятно онъ же

соорудилъ тамъ и церковь, которая, какъ мнѣ говорили, напоминала зодчествомъ своимъ церковь одновременную Св. Рипсимы, что близъ Эчміадзина. Теперь уже нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ церкви и монастыря, указываютъ только ихъ мѣсто.

Можно считать около двадцати верстъ отъ Аралыха до Ахуры, и на разстояніи пятнадцати отъ бывшаго селенія, вся покатость горы усѣяна волканическими камнями. Нѣкоторые изъ нихъ уже разсыпались на куски, но другіе еще стоятъ исполинскими массаами, возбуждая невольное удивленіе: какимъ образомъ внутренность горы могла извергнуть или оторвать отъ ребръ своихъ такіа громады, чтобы бросить ихъ за пятнадцать верстъ! Каковы же были порывы этой страшной бури, столь далеко разметавшей свои каменные перуны? Эти камни служатъ теперь, по выраженію псалма, прибѣжищемъ зайцамъ, ибо ихъ нѣсколько поднялось изъ за утесовъ и за ними понеслись всадники наши, по скату Арарата. Немного выше, показались одинокія деревья, какъ бы опаленныя и за-

сыпанныя землею, остатки тѣхъ богатыхъ садовъ, которыми славились Ахуры. Мѣсто это служило лѣтнимъ пребываніемъ, для Сардаря и жителей Эривани, и складочнымъ, для заграничной торговли съ пашалыкомъ Баязидскимъ и ханствомъ Макинскимъ, а иногда и таило въ себѣ награбленную Курдами добычу, и быть можетъ за сіе нечистое, не безъ крови добываемое стяжаніе, подверглось Божію гнѣву. Мы подъѣхали съ лѣвой стороны, по глыбамъ камней къ оврагу, въ которомъ лежало и погребено селеніе, и по трудной тропѣ спустились въ его средину, гдѣ еще сохранилась лужайка съ абрикосовыми деревьями, которыя пощадила буря. Тутъ протекалъ нѣкогда ручей, скудный лѣтомъ, но обильный зимними снѣгами: за грудами скалъ видѣнъ слѣдъ его, гдѣ теперь струится дождевая вода. Съ большимъ трудомъ поднялись мы, по скаламъ, къ тому мѣсту, гдѣ стояла нѣкогда обитель Св. Іакова, и уже не могли идти далѣе къ его источнику, отстоявшему еще за версту, ибо каждый шагъ дорого намъ стоилъ, по остріямъ осыпавшихся камней.

Еще видна высокая площадка монастырская, на правой сторонѣ оврага, но уже нельзя распознать гдѣ была церковь, гдѣ ограда. Старшина указывалъ ихъ по догадкѣ, и я помолился о погибшихъ на развалинахъ, надъ мѣстомъ видѣнія Іакова. Говорятъ, что послѣдній Архимандритъ обители, старецъ почтенный, чрезвычайно скорбѣлъ о преждевременной потерѣ своего племянника, и безпрестанно приходилъ плакать надъ могилою юноши, не предвидя своей бѣдственной кончины. Ахъ! какъ часто мы сами скорбимъ, въ слѣпотѣ своей, о тяжкихъ разлукахъ, называемыхъ вѣчными, когда бы надобно было благодарить Бога, за благовременное предохраненіе взятыхъ имъ, въ лоно свое, изъ сей горькой юдоли плача. Отъ монастыря мы опять спустились въ селеніе, къ церкви, которую можно узнать по изваяннымъ на камняхъ крестамъ. Курды унесли мало по малу всю утварь, равно какъ и все что только могли найти, въ разрытыхъ ими домахъ. Тутъ же, подлѣ церкви, старшина со слезами показалъ намъ

мѣсто своего дома, и поклонился до земли семейному праху. За годъ предъ тѣмъ мнѣ случилось видѣть Помпею, занесенную пепломъ Везувія; но здѣсь другую Помпею, Араратскую, указывалъ мнѣ одинъ изъ ея жителей, и не вѣрилось, что только шесть лѣтъ а не столѣтія, протекли надъ нею, какъ надъ первою, и что еще живое существо можетъ такъ ужасно водить, по могиламъ всего своего семейства. И что еще страшнѣе: буря истребившая живыхъ, пощадила мертвыхъ; цѣлое кладбище, расположенное на краю оврага, въ нѣсколькихъ только шагахъ отъ церкви, уцѣлѣло съ своими надписями и крестами. Такимъ образомъ древніе мертвецы имѣютъ каждый свою отдѣльную могилу, а новые всѣ только одну.

Съ горькимъ чувствомъ возвращался я изъ Ахуры; солнце уже спустилось за высокую вершину большаго Арарата, покрытую снѣгомъ, и ярко озарило предъ нами всю необозримую равнину Аракса и противулежащія горы Алагеза. Бѣлѣла дальняя Эривань на скалахъ Занги, и будто бы ви-

днѣлась обитель Эчміадзинская; но не земля, а небо, поразило меня своимъ зрѣлищемъ, въ сію вечернюю торжественную минуту. По глубоко синему небу, какимъ оно бываетъ только на югѣ, перекинулась свѣтлая полоса, въ видѣ радуги, отъ самой вершины Арарата до противоположныхъ горъ. Это было отраженіе одного солнечнаго луча на снѣжной главѣ исполина, и оно странно распространилось чрезъ все небо, на подобіе млечнаго пути; мнѣ же напомнило ту завѣтную радугу, которая впервые утѣшила обновленный міръ послѣ потопа, когда воспріята была Богомъ благодарственная жертва праотца Ноя. Сія небесная дуга сопровождала намъ до самаго ночлега, доколѣ не воцарилось въ небѣ серебристое свѣтило ночи и не зажглись мириады звѣздъ, которыя такъ поэтически назвалъ одинъ изъ Св. Отцевъ, мозаикою неба.

ХОРВИРАБЪ И АРТАШАТЪ.

Съ разсвѣтомъ мы поднялись; сопровождавшіе насъ всадники, изъ Армянъ и Татаръ, затѣяли скачку на широкихъ лугахъ, омываемыхъ Араксомъ; ловкія ихъ движенія, нарядная одежда и быстрота коней пріятны были для глазъ. Мы ѣхали по направленію утесовъ Арташата, которые возвышались какъ островъ посреди равнины, на другомъ берегу рѣки, и опять переправились мы въ бродъ черезъ ея глубокія воды. Не далеко отъ древней столицы Армянской, надобно было еще переѣхать малый лиманъ Аракса, который образуетъ

болотистое озеро съ западной стороны города. Это было любимое мѣсто ловли, Царей Арсакидовъ; здѣсь нечестивый Анакъ умертвилъ Царя Хосроя, и самъ былъ убитъ его оруженосцами, когда хотѣлъ спастись бѣгствомъ черезъ Араксъ, и въ виду сего мѣста, какъ бы для возмездія за вину отца, святой сынъ его Григорій четырнадцать лѣтъ томился во рву Арташата.

Артаксерксъ I, изъ рода Царей Парѣянскихъ, основалъ сію столицу по совѣту врага Римлянъ, Аннибала, искавшаго у него пріюта. Артаксерксъ II ее украсилъ, и собралъ въ ней всѣ кумиры своего царства, устроивъ тамъ и капище огня. Когда же знаменитый полководецъ Римскій Корвулонъ, овладѣлъ твердышею Аннибала, онъ назвалъ ее Нероніею въ честь Императора. Много раззореній испытала столица Арменіи, послѣ того какъ отложилась она отъ новой династіи Сассанидовъ Персидскихъ. Побѣдитель отступника Юліана, Сапуръ раззорилъ до основанія городъ, недавно обновленный великимъ Тиридатомъ, и увелъ въ плѣнъ до пятидесяти тысячъ

его жителей. Быть можетъ это раззореніе, не менѣе вреднаго климата, побудило Хосроя младшаго, сына Тиридатова, перенести столицу свою въ Двинъ, нѣсколько отдаленный отъ Аракса. Полчища Издигерда, сына Сапорова, вторично опустошили Арташатъ, и нужно было все усердіе великаго исповѣдника Вартана, князя Мамигонскаго, чтобы возстановить падшую столицу; онъ спасъ отечество свое и вѣру отъ тяжкаго гоненія Персовъ. Здѣсь соединился и соборъ Епископовъ Армянскихъ, вмѣстѣ съ Католикосомъ Іосифомъ, чтобы мужественно исповѣдать Христа предъ Царемъ огнепоклонниковъ, сперва на хартіи, а потомъ на дѣлѣ, мученическою смертію. Нерсесъ III, прозванный строителемъ, обновилъ, сто лѣтъ спустя, нѣкоторые изъ опустѣвшихъ храмовъ бывшей столицы, которая мало по малу исчезала, и сдѣлалась загороднымъ селомъ Патріаршимъ. Но и оно было отнято у нихъ Эмирами Сарацинскими, когда намѣстники Халифовъ водворились въ сосѣднемъ Двинѣ. Такова горькая участь Арташата, на разва-

линахъ коего уцѣлѣла теперь одна обитель Хорвирабская.

Она явилась намъ на гребнѣ утесовъ, окруженная еще довольно крѣпкою оградой. Пѣшкомъ поднялись мы, по крутой стезѣ къ узкой двери, которая служила единственнымъ входомъ, ибо по бѣдственнымъ обстоятельствамъ края, монастырь былъ часто опустошаемъ, и только со времени владычества Русскаго опять заселился; но по обыкновенной скудости братіи, въ монастыряхъ Армянскихъ, ее представителемъ здѣсь былъ одинъ Архимандритъ, и тотъ отлучился въ ближнее селеніе Давалу. Мы послали за нимъ коннаго эсала, а между тѣмъ сторожъ монастырскій отперъ намъ церковь Св. Григорія, собственно Хорвирабъ, или глубокую яму, гдѣ онъ такъ долго томился; ключи отъ другой церкви унесъ съ собою Архимандритъ, потому что въ ней была ризница. Обѣ обновлены послѣ долгаго запустѣнія, въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія, благочестивымъ настоятелемъ ихъ Давидомъ, могила коего при входѣ въ церковь

Хорвираба. Она была сооружена, надъ самою ямою Св. Григорія, въ память его страданій, сестрою Царя Тиридата, и послѣ двукратнаго раззоренія Персидскаго, возстановлена славнымъ вождемъ Арменіи Ваганомъ, княземъ Мамигонскимъ, въ послѣдствіи же Католикосомъ Нерсесомъ строителемъ, который избралъ ее мѣстомъ своего упокоенія. Рядомъ съ нимъ, внутри церкви, гробъ пустытника Вартана, много уважаемаго за святость жизни. Стѣны храма совершенно обнажены, иконы алтаря новы и убоги, но подъ нимъ скрывается сокровище: та глубокая яма, въ которой четырнадцать лѣтъ страдалъ Велико-мученикъ.

Сквозь тѣсное отверстіе можно спуститься, по двадцати восьми ступенямъ деревянной отвѣсной лѣстницы, на дно священной ямы; она была засыпана до половины, для удобства богослуженія. Что же было во дни Св. Григорія, который наслѣдовалъ ее послѣ львовъ и тигровъ, посланныхъ въ амфитеатры Римскіе, и раздѣлялъ ее съ ядовитыми гадами? Ее об-

ложили въ послѣдствіи тесанымъ камнемъ, внутри и снаружи, потому что однимъ краемъ она касалась обрыва утесовъ. Малый престолъ вставленъ въ ея восточномъ углубленіи и подъ нимъ положена часть мощей Св. Григорія, однимъ изъ его славныхъ потомковъ, Григоріемъ Магистромъ; другая часть находится, какъ говорятъ, подъ камнемъ, на коемъ видны еще слѣды колѣнъ исповѣдника: такъ неотступно молился онъ о спасеніи своего народа, доколѣ не исполнилась его молитва. Страданія его изображены надъ алтаремъ, и нигдѣ не производятъ они болѣе впечатлѣнія, какъ въ этой могильной ямѣ, свидѣтельствующей его томленія и прославленія. Еще видно то слуховое окно надъ алтаремъ, въ которое благочестивая старица бросала ему пищу. Выходъ изъ ямы еще труднѣе чѣмъ спускъ, потому что устье ея такъ тѣсно, что въ иномъ мѣстѣ нельзя даже согнуть ноги и перенести ее выше на другую ступень; но трудъ вознаграждается утѣшительнымъ созерцаніемъ мѣста страдалческихъ подвиговъ великаго просвѣтителя Арменіи.

Соборный храмъ, посреди двора монастырскаго, основанъ Нерсесомъ строителемъ во имя успенія, тамъ гдѣ по мѣстному преданію, Апостолы Өаддей и Варѳоломей, поставили нѣкогда первую церковь въ честь Богоматери, ибо она сама имъ здѣсь явилась и благословила мѣсто, отколь долженъ былъ возсіять свѣтъ вѣры во всю Арменію. Нѣсколько крестовъ, съ благочестивыми надписями, изсѣчены на внѣшнихъ стѣнахъ, а на алтарной изваянъ Св. Григорій спящій въ ямѣ, подъ сѣнью Господа и трехъ Ангеловъ, которые не допускаютъ до него ползущей змѣи. Ожидая Архимандрита мы вышли изъ монастырской ограды, и кругомъ ея, по обрыву скалъ, поднялись на вершину утеса, на которомъ стоялъ нѣкогда вышгородъ Артаксата, и гдѣ еще видны слѣды зданій. Три утеса, сросшіеся въ своихъ основаніяхъ, составляли собственно городъ, и около него ясно обозначается черта крѣпостнаго вала съ угловыми башнями. Предмѣстіе выдавалось къ востоку и было также обнесено стѣнами. Сѣверная часть города,

менѣе защищенная природою, болѣе была укрѣплена; съ запада прилегало болотистое озеро, доходившее до Аракса, и протокъ рѣки проникалъ въ низменную часть города. Здѣсь можно подивиться съ какою воинскою опытностію, избралъ это мѣсто Аннибалъ, для крѣпости и столицы, отовсюду огражденной: ибо если съ востока нѣтъ природной защиты, подъ самымъ городомъ, то на разстояніи десяти верстъ смыкались горы: Шарурское, или такъ называемое волчье ущелье, могло остановить въ своихъ тѣснинахъ полчища враговъ, и вмѣстѣ съ Араксомъ прикрыть всю долину Араратскую. Кромѣ проточной воды были внутри Арташата цистерны, изъ коихъ одна, весьма глубокая, о пятидесяти ступеняхъ, совершенно въ Римскомъ вкусѣ, еще сохранилась у подошвы обители Хорвирабской. На одномъ изъ утесовъ, недалеко отъ ограды, два грубо изсѣченные креста, слывуть въ народѣ крестами ночлега, ибо знаменуютъ то мѣсто, гдѣ оба Апостола, сошедшись, послѣ многотруднаго странствія, провели на мо-

литвѣ ночь, и разошлись опять для мученическихъ подвиговъ. Какъ драгоценны такія народныя преданія, и какъ расположено сердце принимать ихъ съ любовью къ памяти ближайшихъ свидѣтелей Христовыхъ !

Возвратившись въ обитель, въ ожиданіи настоятеля, я сѣлъ у воротъ на обрывѣ утеса, и полный созерцаній минувшаго, долго смотрѣлъ къ востоку, на развивавшуюся предо мною картину. День былъ солнечный, жаркій; вся обширная равнина Араратская сіяла въ полной красѣ своей, устѣянная селами Армянскими и Татарскими. Широко кипѣлъ Араксъ по каменистому руслу, безпрестанно измѣняющій свое теченіе, и вѣрный только подножію исполина, который стережетъ его со временъ потопа. Надъ нимъ, двуглавый Араратъ, посѣдѣвшій снѣгами, смотритъ какъ бы въ иной міръ допотопный. Въ эту минуту его опоясало яркое облако, отдѣливъ бѣлыя вершины отъ темнаго основанія, какъ и самъ онъ принадлежитъ двумъ эпохамъ и двумъ

поколѣніямъ челоуѣчества. Съ лѣвой стороны тянулась отрасль Даръ-Алагеза, съ красною горою впереди хребта, и снѣжными вершинами Гокчи позади его на горизонтѣ. Отдѣльные утесы Даваду, подобно Арташатскимъ, брошены были пустыннымъ островомъ на равнину, и далѣе ихъ сходились горы въ ущеліе Шарурское, насквозь котораго есть тѣсный проходъ къ Нахичевани, первому населенію Ноя и его гробу. Позади меня возвышались стѣны обители Хорвирабской, на мѣстѣ древней столицы Артаксерксовъ, основанной геніемъ врага Римлянъ: и что же? яма мученика Григорія оказалась прочнѣе твердынь Аннибаловыхъ! Не болѣе года какъ я былъ въ Римѣ, и видѣлъ тамъ гробницу его соперника Сципіона: и вотъ уже я подъ сѣнію Арарата, на развалинахъ Артаксата, имъ укрѣпленнаго, быть можетъ съ тайною мыслію, чтобы воздвигнуть хотя одно мощное царство на Востокъ, противъ вседосягавшей руки Римлянъ, которая, и въ глубинѣ Азіи, гнала его изъ области въ область! И вмѣстѣ съ памятью Анниба-

ла, противоборствовавшего здѣсь всемірной державѣ языческаго Рима, тутъ же и колыбель Христіанства Арменіи, во рву Св. Григорія, и второе начало человѣчества въ лицѣ Ноя, исшедшаго изъ своего чуднаго ковчега, на пустынную вершину Арарата. Какое смѣшеніе воспоминаній, объемлющихъ всѣ вѣка и предѣлы міра! Преисполненный думъ, я въ нихъ терялся, забывая настоящее: все было пусто и тихо кругомъ; слышны были только пронзительный крикъ журавлей, стаею поднявшихся съ озера Арташатскаго, а внизу, у подошвы утеса, томное пѣніе нѣсколькихъ погребателей, хоронившихъ въ сію лѣтописную землю, одного изъ своихъ присныхъ на сосѣднемъ кладбищѣ. Облако пыли давно уже несло по долинѣ отъ Давалу, скоро раздался топотъ копытъ подъ самымъ утесомъ Хорвираба: — это былъ настоятель. Но пріѣздъ его мало принесъ намъ пользы, потому что и безъ него мы уже все видѣли, а внутри соборной церкви, перестроенной со временъ Католикоса Нерсеса, не представлялось ничего замѣчатель-

наго. Все въ ней было ново, исключая быть можетъ одной купели, устроенной въ стѣнѣ, по обычаю Армянскому, съ изваяннымъ сверху Херувимомъ. Отблагодаривъ настоятеля мы поѣхали обратно, въ то же селеніе Камарлу, гдѣ ожидалъ насъ ночлегъ. Хорвирабъ и Арташатъ были крайнею точкою моего путешествія въ южной части Арменіи.

Мнѣ хотѣлось проникнуть сквозь Шарурское ущелье, чтобы видѣть Нахичеванъ и Джульфу, и поклониться гробу Ноеву, или по крайней мѣрѣ мѣсту его погребенія. Какъ я слышалъ, оно находится внѣ города, подъ сводомъ засыпаннымъ сверху землею, который изнутри поддерживанъ однимъ столбомъ и освѣщенъ нѣсколькими лампадами, убогимъ приношеніемъ всѣхъ исповѣданій и племенъ, чествующихъ своего родоначальника. Недавно общество Армянъ Нахичеванскихъ предложило Патріарху выстроить, на свое иждивеніе, церковь на могилѣ Ноя, съ тѣмъ однако же, чтобы не измѣнилось нынѣшнее устройство гробоваго свода. Неизвѣстно

до какой степени справедливо преданіе о могилѣ праотца, но во всякомъ случаѣ оно освящено давностью и согласіемъ разноплеменныхъ поклонниковъ. Гробъ жены Ноевой, Маранда, показываютъ въ предѣлахъ Персидскихъ, за Араксомъ. Но отъ Хорвираба до Нахичевани мнѣ оставалось еще около ста пятидесяти верстъ; я не рѣшился предпринять дальняго пути, потому что спѣшилъ въ Эчміадзинъ, на праздникъ муроваренія, и хотѣлъ еще прежде осмотрѣть нѣсколько окрестныхъ обителей.

По дорогѣ въ Эривань остановился я для слушанія литургіи, въ селеніи Айсоровъ или Халдеевъ, которые въ 1838 году перешли въ наши предѣлы, въ числѣ четырехъ сотъ душъ, изъ Персидской области Урміи. Съ ними былъ полный церковный причтъ, священникъ, діаконъ и чтець; всѣ они, оставивъ заблужденіе Несторіево, приняли Православіе, и съ помощію правительства устроили себѣ малую церковь въ селеніи Кайсохоръ, за двадцать верстъ отъ Эривани. Греческій Архимандритъ при-

шедшій изъ Турціи, съ другими православными поселенцами, послѣ блестящихъ походовъ Князя Паскевича, данъ былъ наставникомъ новообращеннымъ. Онъ перевелъ для нихъ богослуженіе, сперва на Татарскій, а потомъ и на Халдейскій, съ помощью причетника, который довольно образованъ, потому что объѣхалъ почти всю Европу и жилъ долго въ Римѣ. Недавно присоединились къ нимъ тридцать новыхъ семействъ изъ Урміи, откуда охотно отпускаетъ ихъ Несторіанскій Епископъ въ наши предѣлы; они привели съ собою еще одного священника, гораздо болѣе образованнаго нежели первый, потому что онъ имѣлъ сношенія съ миссіонерами Англійскими въ Сиріи. Трудно однако одолѣть невѣжество прежняго клира и самаго народа, и пріучать ихъ къ обрядамъ православнымъ; прежде они имѣли три свои литургіи, много различествующія отъ нашихъ, которыя носятъ имена: Несторія, Θεодора, вѣроятно Мопсуестскаго, и Аддея или Апостоловъ.

Церковь сооружена во имя Св. Кири-

ка и Улиты, коихъ мощи положены подъ престоломъ; литургія произносилась на Греческомъ, Халдейскомъ и Славянскомъ языкахъ; но если пріятно было слышать соединеніе сихъ трехъ языковъ, столь разнообразныхъ, во славу Господа собравшаго всѣхъ во едино, не утѣшительно было видѣть, какъ мало еще успѣха сдѣлали Айсоры на пути православія, ибо священникъ и діаконъ часто ошибались, и народъ не оказывалъ большаго вниманія къ службѣ, ему почти незнакомой. Къ тому же и благосостояніе новыхъ пришельцевъ еще не упрочено, такъ какъ они не получили до сей поры земель, для надлежащей осѣлости. Но когда со временемъ все придетъ въ благоустроенное положеніе, особенно при новомъ священникѣ, тогда и сіи новые сыны Православной Церкви не уступятъ въ усердіи старшимъ своимъ братіямъ.

ОКРЕСТНОСТИ ЭЧМІАДЗИНА.

Не болѣе одного дня оставался я въ Эривани, чтобы только не лишиться воскресной службы, и возвратился въ Эчміадзинъ. Еще оставалось нѣсколько дней до праздника Армянскаго, и мнѣ хотѣлось видѣть замѣчательныя окрестности. Патріархъ предложилъ мнѣ посѣтить, за двадцать верстъ, родину его, селеніе Апитаракъ, около котораго есть много опустѣвшихъ храмовъ. Дорога шла трезъ знаменитое въ лѣтописяхъ Армянскихъ мѣстопребываніе Князей Мамигонскихъ, Ушаганъ. Тамъ жилъ и погребенъ великій освободитель

своей родины, Ваганъ, достойный преемникъ исповѣдника, Князя Вартана, который положилъ кости свои за отечество, чтобы избавить его отъ огнепоклонства. Ваганъ создалъ тутъ церковь и похоронилъ въ ней священные останки великаго Месроба, который изобрѣлъ буквы Армянскія и преложилъ все Св. Писаніе съ Греческаго на родной языкъ. Погребальная церковь Месроба, обнесенная башнями и оградой, доселѣ высится на скалахъ Абарани; бурно кипитъ потокъ, подъ аркою смѣло наброшеннаго моста. Съ благоговѣніемъ вошелъ я во внутренность полуразрушеннаго храма, исполненнаго памятью двухъ величайшихъ благодѣтелей своего отечества. Западная часть сводовъ уже обвалилась и достроена кирпичемъ, но еще крѣпки середина и куполь, опирающійся на высокихъ столбахъ; стѣны совершенно обнажены и новый иконостасъ не утѣшителенъ для взоровъ, но подъ его помостомъ гробница блаженнаго Месроба. Я спустился пятью ступенями въ подземелье, освѣщенное лампадами.

Пятое столѣтіе, ознаменованное столькими бѣдствіями, для народа Армянскаго, и паденіемъ его царства съ пресѣченіемъ рода Арсакидовъ, было однако высшею эпохою его славы воинской и церковной. Тогда великіе потомки просвѣтителя Григорія, Католикосы Нерсесъ и Исаакъ, управляли царствомъ, посреди безначалія князей и малодушія послѣднихъ Арсакидовъ; тогда Католикось Іосифъ, съ пресвитеромъ Леонтіемъ и его дружиною, запечатлѣли кровію вѣру свою въ Персіи, а два славныхъ вождя Мамигонскихъ, Вартанъ и Ваганъ, свергли иго Персовъ; въ то же время, образовались цѣлыя обители Студитовъ, т. е. ученыхъ иноковъ, которые занимались переводами Св. Отцевъ, и возникли, изъ учениковъ Исаака, посланныхъ имъ для образованія въ Грецію, знаменитые писатели: Моисей Хорренскій, Елиссей и Мамврій, но какъ яркое свѣтило возсіялъ между ними блаженный Месробъ. Первые годы юношескаго возраста провелъ онъ при великомъ Нерсесѣ, и послѣ смерти его удалился въ пустыню, гдѣ

изнурялъ тѣло свое подвигами поста. Сынъ великаго отца, Исаакъ, вступивъ на кафедру, вызвалъ изъ уединенія Месроба, и воспользовался его духовнымъ образованіемъ, для просвѣщенія своего народа. Давно уже чувствовали необходимость буквъ, собственно Армянскихъ, ибо до тѣхъ поръ употреблялись Греческія и Сирскія, не выражавшія достаточно всѣхъ звуковъ чуждаго имъ языка. Услышавъ, что въ Сиріи, нѣкто Епископъ Даніилъ, изобрѣлъ новыя буквы, Месробъ хотѣлъ примѣнить ихъ къ своему нарѣчію, но нашелъ неудовлетворительными. Святитель Исаакъ послалъ его къ знаменитымъ риторамъ Греческимъ, въ Самось и Эфесь, но и тамъ не обрѣлъ онъ желаемого; то чего искалъ внезапно раскрылось внутри его собственнаго сердца, когда однажды, въ ночномъ видѣніи, напечатлѣлись въ немъ очерки первыхъ буквъ алфавита Армянскаго; проснувшись онъ составилъ полную грамоту. Не своему только народу оказалъ Месробъ сію важную услугу, но тѣмъ же обязаны ему и Грузины.

Когда вполнѣ образовалась грамота

??

Армянская, Католикосъ послалъ его въ Царьградъ, съ письмами къ Императору Аркадію и Патріарху Аттику, чтобы они содѣйствовали ему своимъ покровительствомъ, для предложенія Св. писанія, съ Греческаго на Армянскій, и Месробъ съ учениками своими совершилъ сіе великое дѣло, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Не смотря на смутную эпоху пятидесятилѣтняго святительства Исаака, который безпрестанно принужденъ былъ переходить изъ Персидской Арменіи въ Греческую, оба они, сильною рукою, двинули просвѣщеніе своего края, и сему времени принадлежатъ почти всѣ лучшія творенія словесности Армянской. Когда же скончался престарѣлый Католикосъ, съ которымъ пресѣклась мужеская отрасль Св. Григорія, Месробъ заступилъ его мѣсто, и не будучи самъ Католикосомъ, полгода управлялъ дѣлами церковными до своей блаженной кончины. Князь Мамиконскій Ваганъ, бывшій въ теченіи сорока лѣтъ правителемъ освобожденной имъ Арменіи, испросилъ себѣ, у сонма Епи-

скоповъ, тѣло усопшаго Месроба. Съ чрезвычайными почестями перенесъ онъ священные его останки, изъ Эчміадзина въ свое родовое помѣстье Ушаганъ, соорудилъ надъ ними величественный храмъ Богоматери, и самъ ради смиренія, велѣлъ погребсти себя, въ одной изъ башень ограды: тамъ и доселѣ прахъ его.

Недалеко отъ селенія уже начинаются сады Аштаракскіе, вдоль рѣки Абарани, самые знаменитые во всей окрестности; но всѣ ручьи ихъ орошающіе обратились, отъ непрестаннаго дождя, въ одинъ шумящій потокъ, который стремился намъ на встрѣчу, по тѣснымъ улицамъ между садовъ. Необходимость заставила отложить до другаго дня дальнѣйшее путешествіе, и остаться на ночь въ Аштаракѣ. Тутъ была нѣкогда крѣпость и видны остатки башень на самомъ обрывѣ скалъ, гдѣ теперь жилище Патріаршее надъ рѣкой. Ученый Епископъ Іоаннесъ Шехатуновъ, описавшій всѣ древности Араратской области, ожидалъ меня въ сосѣдней обители Мугни, Св. Георгія; но усылавъ что я остал-

ся въ Аштаракъ, поспѣшилъ ко мнѣ на встрѣчу, и я провелъ вечеръ въ полезной для меня бесѣдѣ. Утромъ прояснилась погода; мы поспѣшили, мимо Мугни, прямо къ развалинамъ древняго монастыря Сергіева, близъ Татарскаго селенія Уша, за восемь верстъ отъ Аштарака. Онъ былъ основанъ блаженнымъ Месробомъ, который перенесъ туда изъ Персіи останки глубоко уважаемаго въ Арменіи мученика, воеводы Саркиса.

Монастырь сей выстроенъ на скатъ горы, у подошвы Алагеза, и запустѣлъ только со времени нашествія Шахъ-Аббаса, которое оставило гибельные слѣды по всему краю, но еще доселѣ его развалины свидѣтельствуютъ о прежнемъ величїи. Зданія должно отнести къ двумъ различнымъ эпохамъ: обширная церковь, съ обвалившимся куполомъ, принадлежитъ XIII вѣку, ибо она во вкусъ Армянскихъ зданій сего времени. Красота зодчества состоитъ въ громадности камней и въ высотѣ аркъ, крестообразно пересѣкающихъ другъ друга; низкіе столбы, прислоненные къ стѣнамъ

поддерживаютъ арки; изъ готическаго окна открывается очаровательный видъ на дальнюю окрестность, къ Аштараку и горамъ Алагеза. Рѣзные кресты и многочисленные надписи, о бывшихъ пожертвованіяхъ, украшаютъ стѣны; одна изъ нихъ, надъ дверями, свидѣтельствуешь что въ 1220 году, Князь Іоаннъ Курдъ пристроилъ сію церковь къ прежней, когда ее обрушило землетрясеніе.

Но древняя церковь Месроба, V вѣка, достойна особеннаго вниманія, хотя она совершенно въ развалинахъ; отъ нее уцѣлѣла только алтарная стѣна, съ полусводомъ горняго мѣста; подобной я не встрѣчалъ въ Арменіи, и даже полагалъ сперва, что она была нѣкогда Греческою, потому что стѣнная живопись напоминаетъ наши православные соборы. Влахернская Божія Матерь написана съ Ангелами въ полукуполѣ; по ниже двѣнадцать соборно возсѣдающихъ Апостоловъ, съ стоящимъ позади cadaго Ангеломъ; еще ниже, въ малыхъ углубленіяхъ, изображены восемь стоящихъ Святителей, въ облаченіяхъ Греческихъ, съ евангеліемъ въ рукахъ; изъ числа ихъ мож-

но разобрать только по Гречески имя одного Папы Сильвестра, прочія стерлись; на боковыхъ дверяхъ, со стороны новаго храма, сохранилась еще икона Влахернская, съ предстоящими ей Ангелами. Ничто не можетъ столько доказывать древняго чиноположенія Греческаго въ церквахъ Армянскихъ, какъ сія живописная развалина, ибо тутъ устройство алтаря, и облаченія Святителейъ православныя. Въ послѣдствіи я слышалъ, что много такихъ церквей, еще не давно существовало въ Арменіи. Что касается до иконостасовъ и облаченій, мнѣ говорили: будто въ Нахичевани на Дону, куда переселились изъ Крыма давніе выходцы Армянскіе, бѣжавшіе отъ раззоренія Ани, сохранилось много ризъ, совершенно Греческаго покроя; самая завѣсъ, доселѣ виситъ тамъ на аркѣ бывшихъ царскихъ дверей, ибо иконостасъ болѣе выдвинутъ впередъ, и потому священнодѣйствіе можетъ совершаться какъ бы въ алтарѣ.

Куполъ древней церкви Сергіевой обрушился отъ землетрясенія, въ 1827 году, и камнями завалилъ гробницу мученика, ко-

торая находилась съ лѣвой стороны. Имя сего многоуважаемаго Святаго церкви Армянской служитъ камнемъ преткновенія между Греками и Армянами, по нелѣпой легендѣ, которая возникла уже довольно поздно, отъ взаимной ненависти обоихъ народовъ, ибо Сергій жилъ гораздо прежде раздѣленія. По чети-минеи Армянской онъ былъ славнымъ воеводою Императора Константія, сына великаго Константина; когда же возстановилось язычество, при отступникѣ Іуліанѣ, роздалъ имущество свое бѣднымъ и, съ юнымъ сыномъ Мартиріемъ, бѣжалъ въ Арменію. Царь Арташиръ принялъ его съ честью, но уstraшенный походомъ Іуліана, совѣтовалъ Сергію удалиться изъ его предѣловъ, къ болѣе могущественному Сапору. Властитель Персіи обрадовался пришествію столь славнаго вождя, и съ помощію его разбилъ полчища Іуліана. Сергій, воинствуя въ рядахъ огнепоклонниковъ, возгорѣлся ревностію обратить ихъ къ истинному свѣту; по его сильному слову, многія тысячи крестились во имя Господа Іисуса. Съ гнѣвомъ

услышалъ о томъ ненавистникъ имени Христова, Сапоръ, но опасаясь вліянія Сергіева на дружины, послалъ къ нему юнаго сына его Мартирія, пригласить ко двору воеводу. Мартирій на пути взятъ былъ въ плѣнъ, и чудесно освобожденъ молитвами отца: потому и пишется всегда вмѣстѣ съ нимъ на конѣ, въ отроческомъ образѣ. Тяжкія мученія ожидали, вмѣсто почести, ревностнаго исповѣдника Христова, при дворѣ огнепоклонника, и онъ, вмѣстѣ съ сыномъ, кровію своею запечатлѣлъ вѣру во Христа. Тѣло его, преданное землѣ въ городъ Аміантъ, перенесено было сто лѣтъ спустя, блаженнымъ Месробомъ въ Арменію, и съ тѣхъ поръ воевода Сергій, наравнѣ съ великомученикомъ Георгіемъ, сдѣлался предметомъ особеннаго уваженія Армянъ, и пишется на боковыхъ дверяхъ алтаря, напротивъ Георгія. Память его совершается въ субботу недѣли Мытаря и Фарисея, которая у насъ бываетъ сплошною, т. е. безъ всякаго поста, какъ бы нѣкоторое облегченіе ради предстоящихъ подвиговъ великаго. У Армянъ же напротивъ не-

дѣля сія вся постная, потому ли что они почитаютъ ее преддверіемъ чотыредесятницы, или какъ нѣкоторые объясняютъ, въ память первоначальнаго поста, возложеннаго просвѣтителемъ Григоріемъ на весь народъ, когда приготавлиалъ его къ Св. крещенію. Но по странной, ни чѣмъ не изъяснимой выдумкѣ, изъ Армянскаго слова арачивуръ т: е: предшествующій, которымъ называется у нихъ этотъ постъ, Греки произвели слово Арцивуръ, и увѣряютъ будто такъ называлась собака одного лже-монаха Сергія, который волхвованіями устрашалъ всю страну, и былъ особенно извѣстенъ по сему спутнику. Когда же однажды его разтерзали другія собаки, Сергій наложилъ постъ на всѣхъ окрестныхъ жителей, и этотъ постъ будто бы принять былъ Церковью Армянскою.

По моему мнѣнію непростительно изобрѣтать такія сказки, и повторять ихъ безотчетно, въ теченіе столькихъ вѣковъ; а между тѣмъ раздражается ими цѣлый народъ, безъ всякой пользы, ибо можно ли допустить, чтобы увѣровавшіе въ спаситель-

ное имя Христово, если бы даже въ чемъ и погрѣшили, до того забылись, что учредили постъ въ память собаки, предъ великою чотыредесятницею, которую они одинаково съ нами содержатъ, ради сорокодневнаго подвига общаго нашего Искупителя? Можно правильнѣе укорить Армянъ за то, что произвольно измѣнили нѣкоторые посты: такъ на примѣръ они сократили, и довольно странно, постъ Рождественскій, хотя сами называютъ его пятидесятницею: одну недѣлю постятся, другую разгавливаются, и такъ продолжаютъ до самаго Богоявленія; Успенскій постъ состоитъ у нихъ изъ одной только недѣли, вмѣсто двухъ. Армяне еще соблюдаютъ чотыре пятидневные поста, называемые по временамъ года, въ подраженіе Римскимъ: весенній тотчасъ послѣ Пятидесятницы, когда у насъ Церковь празднуетъ восемь дней сошествіе Св. Духа; лѣтній недѣлю спустя, въ честь самаго просвѣтителя Григорія, обрѣтеніе мощей коего празднуется въ субботу; осенній или Георгіевскій установленъ на память великомученика и обрѣтенія креста Св. Рип-

симы; зимнимъ постомъ называютъ первые пять дней Рождественскаго; отъ Пасхи же и до Вознесенія не держатъ поста, даже въ среды и пятки. Должно однако отдать справедливость Армянамъ, что они строго соблюдаютъ посты, не позволяя себѣ употребленія рыбы, хотя впрочемъ ихъ монашествующіе разрѣшаютъ въ обыкновенные дни на мясо.

Нѣсколько выше развалинъ Сергіевыхъ видѣнъ на Алагезѣ, другой монастырь Благовѣщенія, оставленный со временъ Шахъ-Аббаса; но мы не рѣшились подыматься на гору, и чрезъ селеніе Карпи, нѣкогда богатѣйшее во всей окрестности, а теперь раззоренное, направились къ знаменитой обители Предтечи, Охана-ванкъ. Она опустѣла только недавно, со временъ Царя Грузинскаго Ираклія, когда онъ, подступивъ къ Эривани, увелъ съ собою жителей сихъ мѣстъ, для поселенія ихъ въ Грузіи. Нынѣшній Патріархъ еще помнитъ монастырь населеннымъ, и что туда на разрѣшеніе не разъ посылали изъ Эчміадзина, затруднительные вопросы церковные.

Обширная ограда съ башнями, и величественная церковь Предтечи, уцѣлѣвшая кромѣ купола, свидѣтельствуешь о прежнемъ величїи. Начало обители относятъ къ великому Григорію и доселѣ совершается богослуженіе въ малой церкви Провѣтителя, къ которой въ послѣдствїи была пристроена новая. Тамъ положилъ онъ часть мощей Предтечи, принесенныхъ имъ изъ Кесарїи, и меня увѣряли что доселѣ сохраняются они или подъ престоломъ, или подъ гробовой плитою, съ правой стороны церкви. Мнѣ кажется однако, что эта могила кого либо изъ знаменитыхъ настоятелей сего монастыря, въ которомъ, по описанїямъ Армянскимъ, хранился нѣкогда самый убрусъ Господа.

Главная церковь во имя Предтечи, построена была не ранѣе XIII вѣка, Княземъ Армянскимъ Ваче, изъ рода Пахлавуни. Она совершенно во вкусъ зданій сего вѣка, и замѣчательна высотой сводовъ изъ тесаннаго камня. Предъ церковью обширная трапеза, на четырехъ низкихъ столбахъ, съ арабесками по окраинѣ ея

купола, который прозраченъ, подобно Эч-
міадзинскимъ, и легко держится на двѣ-
надцати колоннахъ. Спаситель, посреди
мудрыхъ и юродивыхъ дѣвъ, грубо изва-
янъ надъ дверями, и кресты съ надпися-
ми изсѣчены на стѣнахъ. Показываютъ
обломки одного каменнаго креста, съ изо-
браженіемъ Спасителя, и говорятъ что
этотъ крестъ былъ мѣрою роста Святите-
ля Григорія. Должно полагать, что причи-
ною основанія обители во имя Предтечи,
была самая мѣстность, на дикомъ обрывѣ
пустынной Абарани, ибо подъ всею цер-
ковью простирается обширная пещера; она
напоминаетъ Палестинское жилище вели-
каго проповѣдника покаянія, и тамъ ви-
дѣнъ еще тайный подземный спускъ къ
самой рѣкѣ. Жители увѣряютъ, будто от-
сюда перенесены были мощи Св. Георгія,
въ новую обитель Мугни, оттого что, при
стеченіи богомольцевъ, часто обрывался
въ рѣку народъ, по тѣснотѣ мѣста, но
это не правдоподобно. Вся окрестность бо-
гата была прежде обителями; въ виду Ио-
анновой, нѣсколько выше по Абарани, вид-

на Сіонская, устроенная тѣмъ же Княземъ Ваче, и еще далѣе въ горахъ находятся развалины Сагмоса-ванкъ, или псаломной обители, куда удалялся на лѣто Св. Григорій, особенно любившій пустынные мѣста сіи.

Что касается до монастыря Св. Георгія или Мугни, (ибо слово сіе, не знаю почему, всегда выражаетъ церковь Великомученика), я не нашелъ въ ней ничего замѣчательнаго. Не ранѣе XVII вѣка построена обитель и приписана къ Эчміадзину. Зданіе весьма обыкновенно: въ ризницѣ показываютъ часть мощей Св. Георгія, въ серебрянной рукѣ благословляющей, по обычаю Армянскому, черепъ Евангелиста Матѳея, и частицу животворящаго креста. Въ придѣлѣ съ лѣвой стороны есть гробовая плита, подъ которою, говорятъ, покоилось все тѣло Великомученика, принесенное изъ Никомидіи великимъ Нерсесомъ; но географъ Армянскій Вартанъ свидѣтельствуешь только о черепѣ святаго. Мѣстное преданіе утверждаетъ, будто бы за двѣсти лѣтъ предъ симъ, одинъ изъ Царей Грузіи вы-

просилъ себѣ мощи Св. Георгія въ Тифлисъ, только для исцѣленія болящаго сына, и далъ за нихъ аманатами первыхъ бояръ своихъ; но такъ какъ не исцѣлился сынъ его, Царь не хотѣлъ болѣе возвратить мощей и положилъ ихъ въ Бочармскую обитель; оттуда перенесли ихъ, вмѣстѣ съ иконою святаго, въ соборъ Алавердскій, гдѣ и до нынѣ находятся. Однако Мугни не перестаетъ быть мѣстомъ осенняго стеченія богомольцевъ, не только Армянъ, но даже и Татаръ, которые, въ продолженіи семи недѣль, всякую субботу собираются въ обитель, для праздника Св. Георгія. Мы возвратились, въ Аштаракъ, мимо опустѣвшихъ зданій женскаго монастыря Кизильванкъ, или Краснаго, которымъ нѣкогда славилось это селеніе, бывшее городомъ во время славы Князей Мамигонскихъ.

Съ терасы Патріаршаго дома, гдѣ была прежде крѣпость Аштарака, долго любовался я живописнымъ ущельемъ, изъ котораго стремится шумный потокъ Абарани, подъ три арки древняго моста. Солнце яркими лучами отражалось въ скачущихъ

волнахъ, и на лоснящихся камняхъ, и на пожелтѣвшихъ листьяхъ деревъ. Золотыми столбами подымались тополи по утесамъ и плакучія ивы склонялись къ шумящему потоку. Во глубинѣ ущелья, отъ самаго моста, еще живописнѣе представилась таже картина, вся проникнутая солнцемъ и отътененная сумракомъ старыхъ башенъ на вершинѣ скалъ. Отъ Абарани поднялись мы, утесистою тропою, на голыя высоты, устланныя мѣлкимъ камнемъ и кочующими стадами, до самой равнины Эчміадзинской. Намъ открылось поприще славы Русской, на тѣхъ же поляхъ, гдѣ за тринадцать вѣковъ предъ тѣмъ, могущественный воевода Мамигонскій Ваганъ, разбилъ полчища Лезгинскія.

Здѣсь, въ 1827 году, храбрый Генералъ Красовскій, съ четырьмя тысячами войска, поспѣшая на помощь къ Эчміадзину, выдержалъ весь напоръ шестидесяти-тысячной арміи Персидской, подъ личнымъ предводительствомъ Аббаса-Мирзы, и побѣдителемъ вышелъ изъ неровнаго боя. Онъ имѣлъ неосторожность ночевать подлѣ

Аштарака, вмѣсто того чтобы продолжать ночью походъ свой къ монастырю, и дорого заплатилъ за свою ошибку. Войска Персидскія преградили ему дорогу; въ самый жаркій день, 8-го Августа, войны наши должны были сражаться съ томительною жаждою и съ непріятелемъ, которому безпрестанно подвозили воду на верблюдахъ. Аббасъ-Мирза, стоявшій въ садахъ Аштарака, перешелъ Абаранъ, по Ушаганскому мосту, и ударилъ съ тылу на наши обозы, которые прикрывала малая горсть храбрыхъ. Отважный воевода Персидскій, Джафаръ-Кули-Ханъ, оспаривалъ спереди каждый шагъ на безводной пустынѣ, и устроилъ батарею на курганъ, который господствовалъ надъ всею окрестностью: здѣсь былъ самый жаркій бой, и однако ни что не могло удержать мужества Русскихъ. Съ паденіемъ Хана началось замѣшательство въ его рядахъ. Еще немного, и полки наши увидѣли передъ собою Эчміадзинъ, хотя въ дали, но тѣмъ не менѣе оживилось ихъ сердце, до самой равнины они уже не дрались, а только пре-

слѣдовали непріятеля, отбиваясь въ то же время съ тыла и отъ Аббасъ-Мирзы; но тяжкій уронъ ожидалъ побѣдителей у самой цѣли. Около садовъ Эчміадзинскихъ Персіяне нарочно пустили, къ изнуреннымъ войскамъ нашимъ, живительную струю воды, которою поливались поля; солдаты бросились толпою къ канавѣ, и въ это время нахлынули Персіяне: нѣсколько сотъ нашихъ погибло надъ самой канавою; жаждущіе, прикинувъ устами къ текущей струѣ, не приподымали даже головы, когда надъ нею занесена была шашка Персидская, и головы катились въ воду. Здѣсь нужно было все хладнокровіе Генерала Красовскаго, чтобы возстановить бой. Съ терасы Эчміадзинскаго собора, Архіепископъ Нерсесъ увидѣлъ бѣдствіе Русскихъ войскъ, и выслалъ имъ на помощь слабый гарнизонъ. Персіяне бѣжали и болѣе не возвращались въ наши предѣлы.

Остатокъ героевъ торжественно вступилъ въ ограду; ихъ приняли какъ освободителей первопрестольной обители Армянской. Лице военачальника было такъ

спокойно, рассказывает доселѣ свидѣтель событія, Патріархъ Нерсесъ, что казалось онъ возвращался съ пріятной прогулки. Утѣшительно слышать рассказъ сей, послѣ двадцати лѣтъ, изъ устъ столь знаменитаго очевидца. Высокій обелискъ сооруженъ былъ на полѣ битвы, Патріархомъ Ефремомъ, въ память падшихъ воиновъ, за три версты отъ обители, надъ тою бѣдственной канавою, которая была причиною ихъ мученической кончины; ежегодно, 8 Августа, совершается туда крестный ходъ Армянскаго духовенства, для поминовенія избіенныхъ во брани православныхъ воиновъ. Гдѣ же ты, самъ воевода храбрыхъ, память коего столь священна для народа Армянскаго? Преждевременная кончина застигла тебя, не на ратномъ полѣ, но въ мирномъ жилищѣ, въ Кіевѣ, подъ обломками обвалившагося дома. Вотъ гдѣ иногда встрѣчаетъ нечаянная смерть воиновъ, смѣло ей смотрѣвшихъ въ глаза, тамъ гдѣ она царствуетъ между трупами! Миръ праху твоему добрый воинъ Христовъ Аѳанасій! Ты покоишься у входа въ дальнія пещеры

отшельниковъ Печерскихъ, часто поминаемый любимыми тебя въ Кіевѣ, и твой престарѣлый участникъ въ освобожденіи Эчміадзина, уже въ санѣ Патріарха, приходилъ также молиться на твою могилу.

День склонялся къ вечеру, когда мы стали спускаться въ равнину Эчміадзинскую; солнце было закрыто облаками, и черная туча подвигалась отъ Арарата; сверкали молніи, глухіе раскаты грома страшнымъ эхомъ раздавались по горамъ. Намъ открылись, въ одно мгновеніе, три славныя нѣкогда столицы Армянскія, на необъятной равнинѣ: ближе всѣхъ Вагаршапатъ, теперь убогое селеніе вокругъ престольной обители, съ разсѣянными около церквами, Гаяны, Рипсимы и Шогакатъ; на лѣво, у подножія Арарата, въ чуть видной дали, двойной утесъ обозначалъ древній Артаксатъ, основанный Аннибаломъ; вправо, на самомъ горизонтѣ, подъ горою Кульпе, возвышался остроконечный холмъ Армавира, бывшаго нѣкогда сердцемъ языческой Арменіи, какъ Эчміадзинъ сдѣлался сердцемъ Христіанской.

Кое гдѣ, на равнинѣ мелькалъ вѣющійся Араксъ, не разлучный со всѣми славными и горькими событіями народа Армянскаго, какъ и древній блюститель ковчега Араратъ. Предъ нами, у самаго начала равнины, какъ призракъ, стоялъ обелискъ Русскихъ воиновъ. Уже начиналась буря и капалъ крупный дождь. Мнѣ сопутствовали два Армянскихъ Епископа; мы остановились подлѣ обелиска и совершили безмолвную молитву на память усопшихъ. Гостепріимная обитель, за которую они пали, укрыла насъ отъ непогоды; старецъ Нерсесъ досказалъ мнѣ видѣнное мною, живымъ языкомъ сердца.

ТОРЖЕСТВО МУРОВАРЕНІЯ.

Я опять возвратился къ уединенному образу жизни Эчміадзинской, и проводилъ большую часть времени въ разговорахъ съ Патріархомъ. Поучительна бываетъ всегда бесѣда старцевъ, прошедшихъ сквозь долгое поприще жизни; тѣмъ занимательнѣе она, когда престарѣлый труженикъ шелъ по вершинамъ а не по удолю сего поприща, и свѣтлымъ умомъ съ высока наблюдалъ мимотекущія событія. Многое рассказалъ мнѣ Нерсесъ, о частныхъ случаяхъ своей дѣятельной жизни, и о тѣхъ переворотахъ, гражданскихъ и церковныхъ,

которыхъ былъ свидѣтелемъ, сообщилъ и о нѣкоторыхъ подвигахъ, истинно мученискихъ, которые вѣдаетъ одинъ только небесный раздаятель вѣнцевъ. Всего болѣе тронуло меня происшествіе, случившееся при глазахъ Нерсеса, когда онъ былъ еще Архимандритомъ въ Смирнѣ: одинъ дервишъ, тридцать лѣтъ скитавшійся по улицамъ города, въ послѣдніе три года постоянно просилъ у всѣхъ Христіанъ, вмѣсто милостыни, только молитвъ. Когда же наконецъ созрѣло благочестивое желаніе его сердца, онъ явился въ судилище Магометанское, и явно исповѣдалъ себя Христіаниномъ. По приговору судей, съ воплями повлекла его раздраженная чернь, на мѣсто казни. Нерсесъ, увидѣвъ съ терасы своего дома необыкновенное движеніе, спросилъ проходящихъ и услышалъ о чудномъ обращеніи дервиша. Греки, свидѣтели мученической кончины, собирали кровь его въ платки и нѣкоторые едва не сдѣлались сами жертвою ярости народной: они извлекли однако изъ моря брошенное тѣло страдальца, и тайно отправили его въ Венецію.

Я спрашивалъ Патріарха: какимъ образомъ, находясь безпрестанно между Персіанами и Турками, не только избѣжалъ онъ ихъ мести, за свою преданность Россіи, но даже пріобрѣлъ ихъ довѣренность? — «Они вѣрили моему слову, отвѣчалъ Нерсесь, потому что между Азіатцами первая добродѣтель есть твердое исполненіе даннаго обѣщанія. Къ тому же Персіане имѣли всегда уваженіе къ святынь Эчміадзинской, а я пользовался особеннымъ расположеніемъ Аббаса-Мирзы. Дважды посѣщалъ онъ обитель, во время моего управленія, и всегда благоговѣйно въ ней обращался; ему понравились двѣ иконы Богоматери, принесенныя изъ Персіи Патріархомъ Симеономъ, и онъ хотѣлъ взять ихъ съ собою; но я сказалъ, что нельзя оставить безъ украшенія алтарь, и Аббасъ-Мирза удовольствовался одною, которую хранилъ у себя съ большею честію. Когда же, по смерти Патріарха Даніила, и въ отсутствіи избраннаго нами Ефрема, Давидъ, бывшій прежде Патріархомъ, возобновилъ свои козни, и меня позвали въ станъ Персидскій,

подъ Хорвирабъ, я смѣло ему воспротивился предъ лицомъ Аббасъ-Мирзы. Давидъ имѣлъ на своей сторонѣ Сардаря Эриванскаго и семь Хановъ, но я сталъ между ними и спросилъ Царевича Персидскаго: какое участіе могутъ имѣть Ханы въ избраніи Патріарха чуждой имъ вѣры? развѣ сами хотятъ принять ее? — Справедливо ли имъ вступаться въ дѣло столь святое для насъ, тѣмъ болѣе что уже имѣемъ законнаго Патріарха? Если же кто либо изъ Хановъ, или самъ Давидъ, имѣетъ что либо противъ меня, пусть теперь же обвиняетъ въ лице, и никто изъ нихъ не раскрылъ противъ меня уста. Тогда Аббасъ-Мирза не только принялъ меня благосклонно, но по моей просьбѣ двѣ недѣли остался подъ монастыремъ Хорвирабскимъ, ожидать прибытія новаго Патріарха Ефрема, который ѣхалъ изъ Россіи.»

Во свидѣтельство уваженія Персовъ къ Католикосамъ Армянскимъ, Патріархъ приводилъ мнѣ примѣръ Шахъ-Надира, который требовалъ, чтобы Католикосъ Авраамъ опоясалъ его мечемъ, по примѣру Султановъ

Турецкихъ , возводимыхъ такимъ образомъ на царство. Однажды Шахъ пригласилъ его къ столу и замѣтивъ, что старецъ ничего не ѣстъ по причинѣ поста, велѣлъ немедленно приготовить другую пищу, и съ тѣхъ поръ всегда наблюдался этотъ порядокъ для его гостя. Когда же, послѣ смиреннаго Авраама, взошелъ на каѳедру горделивый Лазарь, чрезвычайно любившій пышность, не умѣлъ онъ заслужить расположенія Шаха. Однажды владѣтель Персіи, встрѣтивъ цѣлый рядъ навьюченныхъ лошаковъ, подъ роскошными попонами, спросилъ какому Сардарю принадлежитъ караванъ? Когдаже услышалъ что Патріарху, прогнѣвался, и велѣлъ взять въ казну всѣ вьюки, говоря: «не таковъ былъ добрый отецъ нашъ Авраамъ.»

Мнѣ любопытно было знать: какимъ образомъ исчезли всѣ богатства, которыми славилась Эчміадзинская обитель, довольно убогая нынѣ? Патріархъ сказалъ: «лучшимъ временемъ для Эчміадзина было минувшее столѣтіе, когда послѣ нашествія

Шахъ-Аббаса, опять возстановилось благоденствіе. Помню, при Патріархахъ Симеонъ и Лукъ, богатство наше, церковное и хозяйственное; мы имѣли цѣлыя стада верблюдовъ и табуны конскіе, а теперь нѣтъ почти лошадей на дворъ Патріаршемъ. Раззореніе началось въ послѣдніе годы Патріарха Луки, когда Ага-Магометъ-Ханъ Персидскій воевалъ съ Царемъ Иракліемъ. Патріархъ, думая лучше сохранить сокровища церковныя, раздѣлилъ ихъ на четыре части; двѣ отправилъ къ дружественнымъ Пашамъ Карса и Баязида, въ предѣлы Турецкіе, одну въ Тифлисъ, гдѣ надѣялся крѣпко на защиту Ираклія, и одну утаилъ въ Эчміадзинъ, приготавлиаясь къ нашествію Персидскому. Но расчеты человѣческой мудрости оказались совершенно невѣрными, и вопреки всѣмъ ожиданіямъ, только та часть спаслась, которая хранилась въ Эчміадзинъ; ибо Ага-Магаметъ-Ханъ, миновавъ монастырь, почти до основанія раззорилъ Тифлисъ, а мнимые союзники удержали у себя ввѣренное имъ добро. Послѣ кончины Патріарха, когда начались искательства

Давида Тифлискаго, для пріобрѣтенія ка-
едръ, много израсходовалъ онъ, дабы
преклонить на свою сторону Сардаря Эри-
ванскаго и, услышавъ о приближеніи Рус-
скаго отряда, приготовилъ нѣсколько выю-
ковъ съ сокровищами церковными; Давидъ
надѣялся бѣжать съ ними въ Эривань, но
спасся только одинъ, а выюки его были за-
хвачены и исчезли. Въ это смутное время,
когда не было почти никакого управленія
въ обители, расхищена была ея драгоцѣн-
ная библіотека, потому что каждый бралъ
изъ нее что хотѣлъ, и лучшія книги про-
давались за безцѣнокъ.»

Я пожелалъ видѣть остатки сей библі-
отеки, и дѣйствительно нашелъ ее въ
жалкомъ состояніи. Она имѣетъ теперь не
болѣе семи сотъ книгъ, печатныхъ и руко-
писныхъ, наиболѣе Армянскихъ, которыя
расположены въ трехъ небольшихъ поко-
яхъ, поверху жилья Патріаршаго. Что каса-
ется до иностранныхъ, то никто не мо-
жетъ разобрать ихъ, по незнанію, духов-
ными лицами Армянскими, какого-либо

языка кромѣ собственнаго. Богословскія и историческія сочиненія, съ истолкованіемъ Св. Отцевъ Греческихъ и Армянскихъ, составляютъ главное отдѣленіе въ этой библіотекѣ, и многое можно бы извлечь изъ нихъ, какъ для исторіи народа, такъ и для догматовъ, но кто займется симъ ученымъ дѣломъ? Между рукописями я не нашелъ слишкомъ древнихъ, восходящихъ далѣе XII вѣка, и это понятно, ибо только, въ половинѣ XIV вѣка, катедра Католикосовъ перешла опять изъ Циса въ опустѣвшій Эчміадзинъ, и вѣроятно библіотека начала собираться съ того времени. Самое древнее Евангеліе, VII вѣка, по Армянскимъ сказаніямъ, увезено было однимъ изъ Католикосовъ въ Испагань, и теперь Нерсесъ требуетъ оное обратно. Но я тамъ нашелъ три пергаментныя рукописи: творенія Нерсеса благодатнаго, и сношенія его съ Императоромъ Греческимъ Мануиломъ, для соединенія Церквей, писанныя менѣе ста лѣтъ послѣ его смерти, т. е. въ XIII вѣкѣ. Тамъ же и вѣрный списокъ, хотя не подлинный,

собора бывшаго въ Румъ-кале при его премникъ Григоріѣ IV, въ 1177 году, ради общенія съ Церковью Православною.

Наступилъ наконецъ вечеръ субботній, предъ торжествомъ мѣросвященія, которое на сей разъ совпадало у Армянъ съ другимъ праздникомъ, обрѣтенія креста Царицею Еленою. Торжественная вечерня была началомъ воскреснаго служенія; все духовенство, въ облаченіи, встрѣтило Патріарха у дверей его дома, съ рипидами, кадилами и свѣчами. Онъ вышелъ въ короткой лиловой мантии, съ посохомъ въ рукѣ; старшій изъ Архіепископовъ облекъ его въ багряную мантию, поверхъ лиловой; діаконы понесли предъ нимъ покрывало, особенное отличіе Патріаршаго сана у Армянъ, знаменующее по ихъ толкованіямъ то, которое лежало на главѣ Моисея. Изъ исторіи видно, что такое покрывало, вмѣстѣ съ посохомъ, прислано было отъ Папы Иннокентія II, въ 1141 году, Католикосу Григорію III; но я никакъ не могъ понять настоящаго значенія сей утвари, которой нѣтъ ни на Западѣ, ни на

Востокъ. Сами Армяне употребляютъ ее только при помазаніи своихъ Католиковъ, осѣняя ихъ, въ ту минуту, покрываломъ. Здѣсь, въ первый разъ, увидѣлъ я и діаконовъ въ митрахъ, что мнѣ показалось весьма страннымъ, потому что это головное украшеніе, какъ знаменіе власти, принадлежитъ Епископамъ и только по снисхожденію, дозволяется Архимандритамъ, но во всякомъ случаѣ несвойственно низшимъ служителямъ Церкви. Что касается до свѣщниковъ, то вмѣсто нашихъ трикирій и дикирій, которые символически знаменуютъ Св. Троицу и двоякую природу Богочеловѣка, у Армянъ они возжены четырьмя свѣчами, безъ всякаго таинственного смысла.

Шествіе Патріарха, отъ своихъ покоевъ до собора, подъ сѣнію балдахина, въ сопровожденіи всего духовенства, при звукѣ колоколовъ, было весьма торжественно, и краткая вечерня, совершавшаяся въ храмѣ, посреди общаго безмолвія, произвела на меня впечатлѣніе благоговѣйное; но за то послѣдующія служенія, утрення

и самая литургія, были весьма тягостны для сердца, отъ безчинія народнаго. Незная ни языка, ни богослуженія Армянскаго, я не могъ слѣдовать за ходомъ службы, и только изрѣдка ловилъ нѣкоторые гимны и молитвы, сходные съ нашими, которые въ послѣдствіи мнѣ объяснили. Такимъ образомъ за вечернею, послѣ чтенія первыхъ псалмовъ и краткой эктении, предъ алтаремъ Единороднаго, весь ликъ возгласилъ умиленную пѣснь: «Свѣте тихій, святыя славы,» которая, по своей глубокой древности, перешла изъ Іерусалима во всѣ народы; пѣты были и вечерніе стихи псалмовъ: «Господи воззвахъ къ тебѣ, услыши мя, и да исправится молитва моя.» Патріархъ облачился въ фелонь съ митрою, а хоръ воспѣлъ протяжно трисвятую пѣснь, и послѣ нѣсколькихъ стихиръ, въ честь креста, служеніе окончилось чтеніемъ евангелія, которое самъ Нерсесъ принесъ съ главнаго престола на середину церкви.

Нѣсколько часовъ спустя начались отходныя ко сну молитвы, съ повечеріемъ

и полунощницею, отдѣльно отъ утренни; ибо старецъ, не надѣясь на свои силы, предоставилъ себѣ краткій отдыхъ между долгими служеніями. Часа въ четыре до разсвѣта началась утренняя; съ трудомъ можно было проникнуть въ церковь, въ которой народъ занималъ только третью часть, ибо служба совершалась предъ алтаремъ Единороднаго, на серединѣ. Отъ говора и шума нельзя было слышать ни одного слова; служилъ же самъ Патріархъ, потому что по чиноположенію церкви Армянской, всякій Епископъ долженъ совершать утренню какъ простой священникъ, ежели готовится къ обѣднѣ; но Патріарху прислуживали Епископы, какъ діаконы, то облачая его, то подавая различную утварь. И то и другое не сходно съ православнымъ чиномъ, гдѣ такъ строго опредѣлена должность каждаго, и Епископъ не вступаетъ въ обязанности іерейскія, а только на литію и полчелей исходитъ изъ алтаря, на середину церкви, съ своимъ клиромъ; кольми паче, не только Епископы, но даже и пресвитеры, не

исполняютъ и предъ лицомъ Патріарха, ни какихъ служебныхъ дѣйствій, представленныхъ однимъ діаконамъ, какъ служителямъ по самому значенію ихъ сана.

Утомительно было бы объяснять весь порядокъ полунощной и утренней службы, во многомъ сходной съ нашею и наполненной безпрестаннымъ чтеніемъ псалмовъ. Скажу только вкратцѣ, что никогда не читаютъ болѣе двухъ или трехъ псалмовъ одинъ за другимъ; псалтырь у Армянъ раздѣлена иначе на каѳизмы нежели у насъ, и вмѣсто двадцати считаютъ ихъ только восемь. То что у насъ называется канонѣмъ и положено во второй половинѣ утренни, бываетъ у нихъ въ концѣ полунощницы; на утренни же поются большею частью трипѣснцы, составленные изъ пѣсней трехъ отроковъ Вавилонскихъ, и гимны Нерсеса благодатнаго; вечернія молитвы его чрезвычайно умиленны, и во всѣхъ его твореніяхъ проявляется высокая душа его.

Патріархъ, стоявшій во все время служенія, противъ алтаря Единороднаго, или

подлѣ своей кафедры, трижды облачался для чтенія евангелія: въ первый разъ на концѣ полунощницы, чтобы послѣ канона въ честь креста, возгласить о страстяхъ Господнихъ; вторично посреди утренни, на полгелеѣ, который совершенно напоминаетъ нашъ, выходомъ священнослужителей на средину церкви, для чтенія воскреснаго евангелія, и пѣніемъ хвалебныхъ псалмовъ. Память усопшихъ совершается всегда на воскресной утренни, и ради сего читается евангеліе, которое на этотъ разъ было замѣнено крестнымъ за полунощницею, по случаю праздника, если только не ошибаюсь. Величаніе Богоматери (т. е. пѣснь ея: величитъ душа моя Господа) предшествуетъ полгелею, который называется у Армянъ чиномъ мѣроносицъ, вѣроятно по случаю пѣнія воскресныхъ тропарей, упоминающихъ о ихъ пришествіи ко гробу, и вскорѣ послѣ того начинается, посреди церкви, торжественное пѣніе: «слава въ вышнихъ Богу.» Предъ самымъ окончаніемъ утренни, Патріархъ читалъ въ третій разъ евангеліе, о женѣ помазавшей мѣ-

ромъ ноги Іисусовы, по случаю наступившаго торжества муроваренія.

Возвращеніе Патріарха въ его покои совершилось безъ особеннаго торжества, равно какъ и выходъ его къ обѣдни, хотя встрѣчало опять все духовенство; но толпа народная была столь велика, что самъ онъ едва могъ пройти въ церковь. Вся чернь собралась изъ окрестностей Эривани, и не было принято никакихъ мѣръ для водворенія порядка. Покамѣсть Патріархъ облачался въ одной ризницѣ, а двѣнадцать Епископовъ приготавливались къ служенію съ нимъ, въ другой, волненіе народа дошло до высочайшей степени; всѣ стремились черезъ перегородки къ главному алтарю, чтобы ближе быть къ Св. мѹру. Армяне полагаютъ, что оно чуднымъ образомъ варится само собою. Серебряный котелъ, подъ парчевымъ покровомъ, поставленъ былъ на возвышеніи алтаря, и уже за шесть недѣль прежде въ немъ приготовлено было мѹро, но только не освящено; каждый день, очередной священникъ долженъ былъ прочесть надъ нимъ все евангеліе. Торжество муроваренія, со-

вершающееся довольно рѣдко, почитается самымъ главнымъ въ Церкви Армянской, такъ какъ Св. муро разсылагается повсюду, изъ одного лишь Эчміадзина, и можетъ быть освящено только Католикосомъ, а потому служить союзомъ единства для всей церкви Армянской. Молва о чудѣ привлекаетъ богомольцевъ со всѣхъ сторонъ Арменіи; но на сей разъ позднее время года и недавно бывшее торжество, по случаю посвященія Нерсеса, удержали почетныхъ посѣтителей отъ вторичнаго прихода. Замѣчательно однако, что Церковь Армянская исполненная такого благоговѣнія къ Св. мурѣ, опустила, въ смутную эпоху своихъ гражданскихъ переворотовъ, другое спасительное помазаніе елеемъ болящихъ, хотя оно считается въ числѣ семи таинствъ, равномѣрно на Западѣ какъ и на Востокѣ.

Патріархъ приступилъ къ служенію литургіи на главномъ алтарѣ, совершенно по тому же чину какъ я видѣлъ священнодѣйствіе Епископа или Архимандрита, но съ тою разницею, что по сторонамъ его

безгласно стояли облаченные Епископы, вмѣстѣ съ прочимъ клиромъ. Для совершенія проскомидіи, ходилъ онъ къ алтарю первомученика Стефана, въ сѣверное отдѣленіе храма, гдѣ приготовлена была святыня мощей. Во время Херувимской пѣсни, все духовенство пошло съ хоругвями и рипидами за Св. дарами, къ алтарю Стефанову, и въ качествѣ діакона понесъ ихъ Епископъ Іоаннесъ Шехатуновъ, на главный престолъ, кругомъ всей церкви. Вслѣдъ за нимъ прочіе Епископы несли честные крестъ и копіе и мощи съ ароматами, которыми должно было совершиться освященіе мѣра. Шествіе было торжественно, не смотря на вопли народа; величественно и самое освященіе, но отъ шума нельзя было слышать ни одного слова, не смотря на то что я находился подлѣ алтаря. На срединѣ его возвышенія, передъ серебрянымъ котломъ стоялъ Патріархъ, и съ глубокимъ благоговѣніемъ читалъ молитвы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на бурю народную, кипѣвшую у подножія алтаря; по сторонамъ его двѣнадцать

Епископовъ держали въ рукахъ святыню, которую постепенно ему подавали, и все пространство алтаря было наполнено клиромъ, въ богатыхъ ризахъ.

Вмѣстѣ съ молитвами освященія, три евангелія, Матѳея, Луки и Іоанна, читались надъ предуготовленнымъ мѣромъ, (какъ мнѣ въ послѣдствіи объяснялъ Патріархъ), всѣ три о женѣ помазавшей мѣромъ ноги Іисусовы; читали также два посланія Іоанновы, о духовномъ помазаніи, и рѣчь Петрову изъ книги дѣяній, о помазаніи Христа на спасеніе міра, и нѣсколько паремій, изъ пророчествъ Исаи и Захаріи, изъ пѣсней Соломона и изъ книгъ Исхода и Бытія, о помазаніи Первосвященника Аарона и о голубицѣ Ноевой, принесшей сличную вѣтвь. Между каждымъ чтеніемъ возглашались антифоны, и Епископы вслѣдъ за Патріархомъ, одинъ за другимъ, читали продолжительныя молитвы. Самъ онъ произнесъ послѣднюю, въ которой приглашалъ всѣхъ единодушно испросить сошествіе Духа Святаго на предлежавшее мѣро. Потомъ Патріархъ влилъ

въ него благовонные соки травъ, масти и ароматы, съ драгоценнымъ масломъ и остаткомъ прежняго освященнаго мѹра, и осынилъ крестообразно сей новый благовонный составъ, животворящимъ крестомъ и копіемъ, и десницами святыхъ, Апостола Ѳаддея и просвѣтителя Григорія, сына его Аристагеса и Іакова Низивійскаго. Это самая торжественная минута, ибо здѣсь ожидаютъ совершенія чуда: кипѣнія мѹра внутри котла; шумъ и вопли умножились до чрезвычайности, такъ что многіе падали, отъ нахлынувшей толпы. Окончательная эктенія діакона и молитва Патріарха надъ Св. мѹромъ, заключены были чтеніемъ евангелія отъ Марка, о посланіи Господомъ своихъ учениковъ, съ властью исцѣлять болящихъ, при помазаніи ихъ елеемъ.

Послѣ освященія мѹра задернулась завѣса, потому что утомленный Патріархъ хотѣлъ нѣсколько отдохнуть и перемѣнить облаченіе. Литургія продолжалась обыкновеннымъ порядкомъ, отъ возгласа: «цѣлуйте другъ друга цѣлованіемъ мира.» Между тѣмъ народъ началъ прикладываться къ серебрян-

ному котлу, въ которомъ находилось священное муро, и всѣ съ благоговѣніемъ осязали его теплоту. Почти нельзя было стоять подлѣ алтаря, отъ натиска толпы; съ трудомъ могъ выйти самъ Патріархъ по окончаніи литургіи, уже безъ всякаго церемоніяла. Гостепріимная трапеза, для всего духовенства и почетныхъ посѣтителей, ожидала насъ въ его восточныхъ покояхъ и, не смотря на свое утомленіе, радушный старецъ привѣтливо председательствовалъ за нею.

На другой день я долженъ былъ оставить Эчміадзинъ, но мнѣ хотѣлось сохранить въ памяти моей впечатлѣніе его исторической равнины и окрестныхъ горъ. Я взошелъ на плоскую крышу Патріаршаго дома, чтобы насладиться оттолъ сею величественною панорамою. Это было при закатѣ солнца; оно спускалось за дальній хребетъ горъ Араратскихъ, и ярко озарило двуглавое чело исполина, отъ котораго начиналась горная цѣпь. Пурпурнымъ свѣтомъ исполнилась опять вся равнина, какъ въ первый вечеръ моего пріѣзда, будто

что-то багровое плавало въ воздухѣ, и такимъ румянцемъ горѣли всѣ окрестныя вершины. Казалось, въ первый вечеръ обновленнаго міра, когда вышелъ праотецъ нашъ изъ своего потопнаго дома, не могло отраднѣе представиться ему лице земли, согрѣтой лучами всеоживляющаго солнца: такъ всё кипѣло жизнью и свѣтомъ вокругъ! Я просилъ взошедшаго со мною Епископа Іоаннеса, назвать мнѣ окрестныя горы и радостно изумился ихъ лѣтописнымъ именамъ: Кегамъ и Арамъ и Араилъ къ востоку, запечатлѣны именами первыхъ родоначальниковъ племени Гайканскаго, и между ними Семирамида оставила также свое громкое имя одной изъ горъ, въ память войны Ассиріянъ съ отринувшимъ ихъ Царицу вождемъ Араиломъ. Но вотъ и новѣйшія варварскія названія заступили мѣсто библейскихъ. Тупая вершина Алагеза подымается напротивъ остроконечнаго Аларата, ограждая съ сѣвера его равнину, и отъ него бѣжитъ къ полдню низменная отрасль Даръ-Алагеза, доколѣ не сливается на небосклонѣ съ пустынею Аракса.

Два темныхъ утеса этой цѣпи указываютъ мѣсто Кегарта, обители копія: холмъ Артаксата къ полудню, а къ сѣверу холмъ Армавира, означаютъ дальнія грани сей лѣтописной равнины, гдѣ протекла, подобно Араксу, двадцати-вѣковая слава царства Армянскаго, и оставила по себѣ одну только духовную столицу Св. Григорія, Эчміадзинъ. Отъ Ноя до Артаксерксовъ и Хосроевъ, отъ Просвѣтителя Григорія, до нынѣшняго Патріарха Нерсеса, какое необъятное поприще для глубокихъ думъ, начинающееся волнами потопа, и непрестанно растущее, въ неизсякаемомъ потокѣ временъ и событій!

Трогательно для меня было прощаніе съ Эчміадзиномъ, по тому вниманію, которое не преставалъ мнѣ оказывать почтенный старецъ до послѣдней минуты моего отъѣзда. Мимоходомъ зашелъ я въ открытый соборъ, чтобы помолиться у алтаря Единороднаго, и цѣлью моей молитвы было присоединеніе Церкви Армянской къ Вселенскому союзу. Епископы, со мною бывшіе въ храмъ, конечно не подозрѣвали, что въ сію

минуту я о нихъ молился, хотя и они проводили меня съ любовію до воротъ обители. Множество собравшагося народа, по случаю торжества муроваренія, наполняло площадь Вагаршапата; воспоминаніе Эчміадзина оставило пріятное впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ.

О НЕСОГЛАСІИ АРМЯНСКОЙ ЦЕРКВИ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ.

Ознакомившись такимъ образомъ, съ верховною іерархіею, святынею и богослуженіемъ Армянской Церкви, что могу сказать о ея отдѣленіи отъ Церкви Православ-

ной, въ которомъ она находится уже столько вѣковъ? — Надобно только вздохнуть, о произвольномъ недоразумѣніи, и вспомнить слова одного изъ величайшихъ, ея свѣтильниковъ, Нерсеса Архіепископа Ламбронскаго: «Изъ за чего мы раздѣляемся? если разсмотримъ дѣло безпристрастно, то не имѣемъ никакого основанія противиться великой Церкви Греческой. Мы говоримъ: Христосъ есть Богъ и человекъ; они же: Христосъ имѣетъ двѣ природы; разность въ словахъ, а не въ самомъ дѣлѣ. Праздники и обряды возникли отъ любви: по сему неприлично, ради соблюденія своихъ праздниковъ, уничтожить любовь, для коихъ они были учреждены. Церковь Греческая есть источникъ и начало Христіанской вѣры, отъ которой Армяне заимствовали все что имѣютъ, и она это сохранила неизмѣнно, допуская улучшеніе только во славу Божію. И такъ примемъ предложенныя намъ условія съ любовію, какъ завѣты предшественниковъ нашихъ, а не какъ принесенныя намъ отъ чужихъ». Такъ говорилъ, въ исходѣ XII вѣка, просвѣщен-

ный мужъ предъ соборомъ Епископовъ Армянскихъ, соединившихся для мира церковнаго по зову Католикоса.

Но не такъ судили первые нарушители мира въ V вѣкѣ, и не всегда такъ разсуждаютъ донынѣ тѣ, которымъ бы надлежало внимать Ламбронскому проповѣднику. Нѣтъ, болѣе памятно имъ жестокое слово Католикоса Моисея, который отвѣчалъ, на миролюбивый зовъ Императора Маврикія, въ VI столѣтіи: «того не будетъ, чтобы я перешелъ когда либо рѣку Азотъ, и вкусилъ бы евхаристію, совершаемую на квасномъ хлѣбѣ, и пилъ бы отъ чаши растворенной водою!» Какъ далека эта рѣчь, отъ проникнутой Христовою любовью рѣчи Нерсеса, хотя она болѣе простительна была въ то время, нежели теперь.

Тогда, по смутнымъ обстоятельствамъ гражданскимъ, не могли участвовать Армяне на соборѣ Халкидонскомъ, ибо рушилось ихъ царство подъ оружіемъ Хосроевъ и Персидское иго тяготѣло надъ одною половиною нѣкогда цвѣтущей державы. Должно съ безпристрастіемъ ска-

затѣ, что и Греческіе Императоры, обладавшіе западною половиною Арменіи, не искали пріобрѣсти любви своихъ подданныхъ, часто являясь между ними съ огнемъ и мечемъ. Когда же опять возстановилось царство Армянское, подѣ скипетромъ Багратидовъ, Греки были виною его паденія, захвативъ новую столицу Ани и послѣдняго Царя Качика. Гораздо прежде сего печальнаго событія, еще около времени Халкидонскаго собора, энотиконъ или согласительная грамота Императора Зинона, отвергавшаго соборъ сей, и указъ его преемника Анастасія, который запрещалъ даже говорить о немъ, чтобы прекратить волненіе возникшее на Востокъ, могли служить извиненіемъ для Армянъ, особенно когда ближайшіе къ нимъ Епископы Сирійскіе возставали противъ собора. Это побудило Католикоса Армянскаго Бабкена, въ 491 году, на частномъ соборѣ Эчміадзинскомъ, глухо отринуть Халкидонскій, не вникая въ его догматическія опредѣленія. Камнемъ преткновенія для Армянъ служило то, что въ Халкидонѣ не обратили

вниманія на три такъ называемыя статьи или сочиненія, собственныхъ или сосѣднихъ къ нимъ Епископовъ, Θεодора Мопсуестскаго, Иваса Едесскаго и Θεодорита Кирскаго, которые у нихъ были оглашены за приверженцевъ ереси Несторіевой. Симъ обстоятельствомъ воспользовались люди недоброжелательные и внушили Армянамъ, будто бы Вселенскій соборъ, осуждая ересь Евтихія, впалъ въ противоположную ересь Несторія. Евтихій сливалъ въ лицъ Господа Іисуса Христа, Божество его и человечество въ одну природу, такъ что отъ сего ученія подвергалось страданію самое Божество; а Несторій напротивъ того признавалъ въ Искупителѣ двѣ природы, Божескую и человеческую, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлялъ его на два отдѣльныя лица, полагая что послѣ рожденія отъ Пречистой Дѣвы, соединилось Божество съ человечествомъ. Церковь же Православная отвергая ту и другую хулу, учитъ, что еще въ дѣвственной утробѣ пречистой своей Матери, Слово стало плотію, по изреченію Евангелиста, и родился отъ нея совершен-

ный Богъ и совершенный человекъ, въ одномъ лицѣ своемъ соединяющій двѣ природы, божественную и человѣческую. Не-совершенство языка Армянскаго, не имѣющаго утонченности Греческаго для выраженій богословскихъ, не мало препятствовало къ разъясненію истины, ибо нельзя было отличить на ономъ опредѣлительно: слово ипостась, т. е. лице, отъ слова естество или природа. Такимъ образомъ когда Греки говорили, что въ Господѣ Иисусѣ Христѣ двѣ природы, Армяне принимали это за два лица, и сами на оборотъ, желая выразить въ немъ одно лице, выражали одно естество, къ соблазну Грековъ. Но какъ никогда не бываетъ безвреднымъ отсѣченіе вѣтвей отъ корня ихъ возрадившаго, такъ и отпаденіе Церкви Армянской отъ Вселенскаго союза съ Церквями Царьграда, Кесаріи и Іерусалима, отколъ заимствовала свое просвѣщеніе духовное, отозвалось въ послѣдствіи для нее погрѣшностями. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ разрыва, приняла она отъ Петра Фулона или Гнафея (бѣлильника),

неправильно вторгшагося на патріаршую кафедру Антіохіи, неправильное славословіе. Церковь Армянская отнесла къ единому лицу Господа Іисуса трисвятую пѣснь: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный,» которую вся Церковь воспѣваетъ въ честь Святыя Троицы; и хотя, при такомъ изъясненіи, слова: «распныйся за ны,» и другія, прибавляемыя ею къ сей пѣсни, не заключаютъ собственно ереси, ибо и Господь намъ есть Богъ, святой, крѣпкій, и безсмертный: однако такое отклоненіе Армянъ отъ вселенскаго согласія, возбудило противъ нихъ нареканіе въ ереси Евтихіевой, приписывающей страданіе Божеству. Апостоль же внушаетъ намъ добровольно отказываться отъ предметовъ, соблазняющихъ братій нашихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ свои особые посты, праздники и обряды, невольно возникли отъ долгаго отчужденія Церкви Армянской, сиротливо забытой на Востокъ, среди воинскихъ бурь, и малое въ началѣ отдѣленіе умножилось до такой степени, что народное имя Армянъ сдѣлалось выраженіемъ особаго исповѣданія и

предметомъ нареканій, часто неправильныхъ.

Надобно сказать правду, Греки не щадили Армянъ и распространяли о нихъ многія нелѣпости, какъ напримѣръ: сказку о постѣ Арцывура, почитая ихъ зараженными всякою ересью. Не менѣе вражды питали къ нимъ и Армяне, не примѣчая, что уже не столько догматы вѣры, сколько самая ихъ народность, легко смѣшиваемая съ религіею на Востокѣ, у народовъ лишенныхъ самобытности, положила между ними рѣзкую и по несчастію враждебную черту. Упорно отвергали они соборъ Халкидонскій, отнюдь не вникая въ его догматы и, какъ бы позорнымъ именемъ, клеймили прозваніемъ Халдиконца тѣхъ изъ благонамѣренныхъ своихъ Епископовъ, которые яснѣе видѣли истину. Это тѣмъ болѣе непростительно, что послѣ пятого Вселенскаго собора, уже не было имъ причины чуждаться общенія съ Церковью Православною: ибо при великомъ Императорѣ Іустиніанѣ, сто лѣтъ послѣ собора Халкидонскаго, торжественно осуждены были

три сомнительныя для нихъ статьи. Что же касается до шестаго и седьмаго Вселенскихъ соборовъ, то ихъ опредѣленія согласны были съ догматами Армянской Церкви, о двухъ воляхъ Божественной и человѣческой, въ одномъ лицѣ Господа, Иисуса и о чествованіи святыхъ иконъ.

Случалось однако по временамъ, что она находилась въ союзѣ съ Православною, потому что Императоры Греческіе неоднократно старались о возстановленіи мира; но естли благонамѣренныя изъ Католиковъ, принимали общеніе, то народъ, возбуждаемый фанатиками, при малѣйшей возможности, опять отторгался отъ союза. Мало дѣйствовалъ благой примѣръ соседней Церкви Грузинской, которая твердо держалась единства съ Православною; Католикосъ ея Киріонъ, въ 580 году, торжественно провозгласилъ соборъ Халкидонскій, вопреки проклятіямъ Католикоса Армянскаго Аврамія, на его Двинскомъ соборѣ, и Католикоса Моисея, упорно отвергавшаго миролюбивыя приглашенія Императора Маврікія. Однако, въ XII вѣкѣ,

Нерсесъ Ламбронскій указывалъ своимъ единовѣрцамъ на благодатный примѣръ Церкви Грузинской, которая процвѣтала, сохранивъ союзъ свой съ Царьградомъ, когда напротивъ того осиротѣвшая Церковь Армянская держалась на слабой вѣткѣ, и волновалась всякимъ вѣтромъ бурь воинскихъ и церковныхъ.

Первый примѣръ желаннаго мира съ Православіемъ подалъ мудрый Католикосъ Эздра, въ началѣ VII вѣка, когда пришелъ на соборъ въ Θεодосіополь, нынѣшній Эрзерумъ, по зову Императора Ираклія, который воевалъ противъ Хосроя Персидскаго. Не силою оружія убѣдился Эздра, но требовалъ отъ Императора изложенія вѣры и, увѣрившись въ догматахъ Православія, принялъ исповѣданіе Халкидонское. Съ тѣхъ поръ многія тысячи Армянъ, жившихъ въ предѣлахъ Греческой Арменіи, приняли обряды Православной Церкви, праздники и посты, и евхаристію стали совершать на квасномъ хлѣбѣ, съ чашею вина раствореннаго водою. Остатки сихъ православныхъ Армянъ доселѣ существуютъ

въ Анатоліи, около города Севасты или Сиваса, въ числѣ двѣнадцати селеній, и они извѣстны подѣ именемъ Хайхорумъ, которое составилось изъ производнаго слова Гайко-Румъ т. е. Армяно-Грековъ. Но благочестивый Эзра подвергся ненависти, будучи обвиняемъ въ пристрастіи къ Грекамъ, и тоже испыталъ одинъ изъ величайшихъ его преемниковъ, Нерсесъ строитель, за то что сообщился на литургіи съ внукомъ Ираклія, Императоромъ Константіемъ. Онъ принужденъ былъ даже оставить свою кафедру, отъ безпорядковъ гражданскихъ, и ею овладѣлъ жесточайшій противникъ Православія, Іоаннъ Маназгердскій. Сей Іоаннъ созвалъ, не въ столичномъ Двинѣ, но въ маломъ городѣ своемъ Маназгердѣ, нѣсколько Епископовъ и, въ самыхъ непріязненныхъ выраженіяхъ, предалъ анаѹемъ соборы Халкидонскій и Эрзерумскій.

Не такъ поступилъ кроткій преемникъ Нерсеса, Іоаннъ Философъ, который однако держался преданія отечественной Церкви. Онъ соединилъ новый соборъ въ Дви-

нѣ, возстановилъ порядокъ церковный и даже обряды собственно Армянскіе, не согласные съ Греческими, но не коснулся собора Халкидонскаго, ибо самъ былъ воспитанъ при святомъ отшельникѣ Θεодорѣ Трихинѣ; когда же начала водворяться въ Арменіи ересь Фантастиковъ, учениковъ Іуліана Галикарнасскаго, который почиталъ воплощеніе Христово за призракъ, Іоаннъ написалъ противъ нихъ сильное возраженіе, въ коемъ признавалъ рѣшительно двѣ природы во Христѣ. Такъ сильно было однако предубѣжденіе Армянъ, что одинъ изъ ихъ извѣстныхъ писателей, Вартанъ, называетъ неправославными весь рядъ Католикосовъ отъ Эздры до сего Іоанна, за союзъ ихъ съ Греками, чѣмъ собственно доказываетъ ихъ Православіе. Ошибочно смѣшиваетъ онъ дѣянія жестокаго Іоанна Маназгердскаго съ дѣяніями Іоанна Философа, называя его возстановителемъ правъ и догматовъ своей Церкви и врагомъ Халкидонцевъ. Не должно смѣшивать его и съ другимъ Католикосомъ Іоанномъ, равно именитымъ но неблагопріят-

нымъ Церкви Православной, который жилъ сто лѣтъ спустя, и болѣе извѣстенъ подъ именемъ Историка, по современной лѣтописи имъ составленной. На шестомъ и на седьмомъ Вселенскихъ соборахъ присутствовали, по сознанію самихъ Армянъ, нѣкоторые изъ ихъ Епископовъ, слѣдственно не имѣютъ они причины, не признавать Вселенскаго ихъ достоинства.

Патріархъ Фотій старался возстановить нарушенное единство, чрезъ посланнаго въ Ани, Архіепископа Никейскаго Іоанна, и нашелъ себѣ сотрудника въ Католикосѣ Захаріи, хотя сильно было противудѣйствіе Епископовъ Армянскихъ. Іоаннъ принужденъ былъ разъяснять догматы Халкидонскаго собора и они приняты были съ такою оговоркою: «если кто полагаетъ ихъ противурѣчащими Апостольскимъ преданіямъ, и по какому либо потворству не отвергаетъ, тотъ самъ отверженъ; если же напротивъ кто знаетъ, что Халкидонскій и послѣдующіе за нимъ соборы, согласны съ правилами трехъ первыхъ, но дерзаетъ клеветать на нихъ или прокли-

нать, тотъ самъ себя проклиняетъ.» Но это не прямое соглашеніе, не произвело ни какого союза и, сто лѣтъ спустя, иной ревнитель Православія, изъ Католикосовъ Армянскихъ, Ваганъ, былъ лишенъ кафедры, по суду своихъ Епископовъ, за приверженность къ догматамъ Греческимъ. Впрочемъ такое враждебное чувство Армянъ противъ Грековъ понятно въ ту эпоху, потому что вскорѣ послѣдовало паденіе царства Багратидовъ, подъ мечемъ Императора Константина Мономаха.

Замѣчательное явленіе въ Церкви Армянской!—Великій просвѣтитель Григорій заимствуетъ отъ Грековъ просвѣщеніе духовное, и доколѣ благочестивый родъ его держитъ кормило святительское, паства его соблюдаетъ союзъ Православія; послѣдній Католикосъ изъ его племени, Исаакъ великій, посланіемъ своимъ обличалъ три статьи, не осужденныя на соборъ Халкидонскомъ, и онъ отвергнуты на пятомъ Вселенскомъ соборѣ. Вотъ лучшее свидѣтельство, что четвертый соборъ не долженъ былъ служить камнемъ преткновенія для

Армянъ, естли бы они лучше вникли въ сущность дѣла. Послѣ Исаака великаго, въ теченіе шести сотъ лѣтъ, разнородные Католикосы восходятъ на кафедру Св. Григорія, и кромѣ нѣкоторыхъ именитыхъ изъ ихъ числа, они въ разрывѣ съ Церковью Православною.

Григорій Магистръ, изъ царственнаго дома Паглавуни, которому принадлежалъ и Св. Григорій, получаетъ въ управленіе отъ Кесарей Месопотамію и благопріятствуетъ Православію. Племянникъ его, Католикосъ Григорій мучениколюбецъ, такъ прозванный, потому что собиралъ житія и кости мучениковъ, восходитъ опять въ XI вѣкѣ на кафедру святаго своего предка и управляетъ ею въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Мнѣніе его о двухъ природахъ во Христѣ Іисусѣ, было столь православно, что онъ собственноручно скрѣпилъ свидѣтельство о томъ же, въ книгѣ Іоанна Философа, съ осужденіемъ противъ мудрствующихъ иначе. Племянникъ его, также Католикосъ Григорій, вступаетъ въ сношеніе съ Императоромъ Мануиломъ о мирѣ церковномъ. Братъ Григорія Нерсесъ

благодатный продолжает сіи сношенія, и тройнымъ изложеніемъ вѣры старается оправдать себя предъ Церковью Православной, употребляя правильныя выраженія о двухъ природахъ. Нѣкоторые изъ Армянъ упрекаютъ его въ честолюбіи, будто бы желалъ онъ патріаршества; но хотя ни онъ, ни его предшественники и послѣдователи, не носили собственно сего титула, усвоеннаго Патріархамъ Греческимъ, развѣ достоинство Католикоса, т. е. главы отдѣльной Церкви, не поставляло его на равнѣ съ ними? Современники лучше оправдали благія намѣренія Нерсеса, усвоивъ ему имя благодатнаго и причисливъ къ лику святыхъ. Преждевременная смерть не позволила ему довершить начатаго: но его племянники, Католикось Григорій младшій и Нерсесь Архіепископъ Ламбронскій, довершили подвиги мира на соборахъ Тарса и Румъ-Кла, не смотря на сопротивление многихъ изъ числа своихъ вельможъ. Тамъ послѣдовало разрѣшеніе недоумѣній и тридцать три Епископа, Великой и Малой Арменіи, единодушно подписали со-

гласіе подъ актомъ соборнымъ, соединявшимъ Церковь Армянскую съ Православною. Смерть Императора Мануила воспрепятствовала довершенію желаннаго союза, ибо за нею послѣдовали безпорядки въ имперіи и взятіе столицы крестоносцами. Но что же послѣ? — еще одинъ, изъ рода Паглавуни, возсѣлъ на каѳедру Св. Григорія, а за нимъ слѣдовали опять разнородные Католикосы, и Церковь Армянская, отклонясь отъ Православія и частію отъ собственныхъ преданій, начала одно время сближаться съ Латинскою, подъ вліяніемъ крестоносцевъ; она даже измѣнила самое облаченіе и устройство своихъ храмовъ въ угожденіе Риму.

Тогда явился еще одинъ ревнитель Православія въ великой Арменіи, Захарія изъ рода Аргутинскихъ, знаменитый воевода или Спасаларъ Царицы Тамари, правитель столичныхъ нѣкогда городовъ Ани и Лори, братъ коего Іоаннъ принадлежалъ къ Церкви Православной. Захарія, чувствуя безпорядки собственной Церкви и тягость раздѣленія, при безпрестанныхъ своихъ

сношеніяхъ съ народомъ Грузинскимъ, писалъ о томъ въ Цисъ къ Царю Армянскому Леону и Католикосу Іоанну VІІ. Онъ просилъ, чтобы ему позволено было, подобно Грузинамъ, имѣть во время похода богослуженіе въ шатръ, и чтобы оно всегда совершалось съ приличнымъ благолѣпіемъ, при содѣйствіи діаконовъ, которые почти совсѣмъ были уничтожены въ Церкви Армянской. Захарія просилъ еще, что бы тамъ, гдѣ Армяне находились вмѣстѣ съ Греками и Грузинами, имъ позволено было въ тоже время совершать праздники успенія и воздвиженія.

Царь и Католикосъ соборно опредѣлили: богослуженіе всегда совершать торжественно а не скрытно или тайно, по искаженному истолкованію слова таинство, и чтобы на литургіи не только воспоминать живыхъ, но и усопшихъ, ибо начало вкрадываться заблужденіе, о бесполезности молитвы за упокой. Разрѣшено также было воеводѣ праздновать успеніе и воздвиженіе вмѣстѣ съ Греками, имѣть при себѣ священнослуженіе въ шатръ,

подтверждено иконопочитаніе и строгое наблюденіе, чтобы не посвящался никто на высшія степени церковныя, мимо низшихъ, а монашествующіе безвыходно пребывали бы въ обителяхъ. Дѣянія сего собора показываютъ въ какомъ упадкѣ находился тогда порядокъ церковный въ Арменіи.

Воевода Захарія, не смотря на опредѣленія собора Цисскаго, не рѣшился однако принять ихъ безъ, утвержденія собственныхъ Епископовъ, ибо тогда съверная или великая Арменія находилась подъ владычествомъ Царей Грузинскихъ, и составляла какъ бы особенную область церковную. Въ Лори созваны были верховные Епископы древнихъ столицъ Ани и Двина, Карса и Албаніи, съ предстоятелями славныхъ обителей Ахпата и Санагина. Это было въ 1205 году; большая часть отцевъ Армянскихъ изъявили согласіе на опредѣленія своего Католикоса, но суровый родственникъ воеводы, Григорій Татевскій, настоятель Ахпата и Санагина, съ нѣкоторыми другими, отвергли соборъ и разошлись по своимъ мѣстамъ, стараясь по-

всюду возбуждать себѣ приверженцевъ. Захарія, несмотря на ихъ сопротивленіе, исполнилъ рѣшеніе соборное, и велѣлъ, въ своемъ присутствіи, совершить первую торжественную литургію. Онъ хотѣлъ водворить новыя правила и въ обителяхъ Ахпата и Санагина; но Григорій вооружился противъ него не только словомъ но и мечемъ, и отразилъ отъ своихъ монастырей посланныхъ воеводою; потомъ же, въ свою очередь, принужденъ былъ бѣжать и удалился въ Карабахъ, въ славную обитель Татевскую, давшую ему свое имя. Оттолъ не преставалъ онъ возставать противъ всякаго сближенія Католиковъ съ Православіемъ, проклиная соборъ Халкидонскій; его творенія и пѣсни церковныя доселѣ ходятъ между Армянами, возбуждая въ нихъ не доброжелательство къ Православію, хотя впрочемъ это не есть мнѣніе всей ихъ Церкви, представляемой Католикомъ и соборомъ, но выражаетъ только заносчивость одного лица, которое вышло изъ повиновенія Церкви, по смутнымъ обстоятельствамъ времени.

Сношенія Императора Греческаго Ма-

нуила, о мирѣ церковномъ, съ благонамѣренными Католикосами, Нерсесомъ и Григоріемъ, достойны особеннаго вниманія. Они изда ны были въ свѣтъ, на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, въ книгѣ о древнихъ писателяхъ (*Veterorum scriptorum*), и теперь дополнены новыми актами, которые издалъ въ Римѣ Кардиналъ Анжело Маіо; въ нынѣшнемъ году явились, въ Русскомъ переводѣ, съ Армянскаго подлинника, нѣкоторые изъ сихъ любопытныхъ актовъ, вмѣстѣ съ окружнымъ посланіемъ Нерсеса благодатнаго; но весьма жаль, что при этомъ опущены самые переговоры философа Греческаго Θεορίана съ Католикосомъ, объясняющіе весь ходъ дѣла.

Зять Императора Алексій, обозрѣвая области Армянскія вступилъ въ прѣніе, съ братомъ Католикоса Григорія, Нерсесомъ, и просилъ его отвѣчать письменно на нѣкоторые вопросы, касавшіеся догматовъ: о двухъ природахъ во Христѣ, Трисвятой пѣсни, о празднованіи Рождества вмѣстѣ съ Богоявленіемъ, опрѣснокахъ и винѣ, не растворенномъ водою при евхаристіи, и о

постахъ Церкви Армянской, разнствующихъ съ православными. Нерсесь, благоразуміемъ своихъ отвѣтовъ, возбудилъ въ Императорѣ желаніе вступить въ ближайшее сношеніе съ Церковью Армянскою, чтобы возстановить согласіе. Онъ писалъ о томъ Католикосу Григорію, въ 1160 году, но уже письмо его застало на кафедрѣ Нерсеса благодатнаго, и онъ вторично написалъ о тѣхъ же предметахъ къ Мануилу, въ выраженіяхъ еще болѣе согласныхъ съ Православіемъ. Говоря о догматѣ воплощенія, такъ отзывался Католикосъ: «единое существо и единое лице, изъ двухъ естествъ, въ единомъ Іисусѣ Христѣ, соединены несліянно и неизреченно.» Справедливѣе не могла бы выразиться и самая Церковь Православная, хотя въ другихъ мѣстахъ случалось Нерсесу, употреблять и свойственныя Армянамъ изреченія, о единой природѣ, по сбивчивому ихъ понятію о ипостаси и ествѣ. Сіе вторичное изложеніе вѣры, еще болѣе возбудило ревность благочестиваго Императора и онъ послалъ, для личныхъ съ нимъ совѣщаній о вѣрѣ, ученаго инока

Θеоріана, прозваннаго философомъ, которому далъ въ спутники, вѣроятно для языка, Армянскаго монаха Іоанна Утмана, изъ монастыря Македонскаго.

Обращая вниманіе только на главные предметы, служившіе виною раздора, Θеоріанъ избралъ, въ основаніе своихъ бесѣдъ, самое посланіе Нерсеса, и началъ съ догмата о двухъ природахъ, отвергаемаго Армянами. Будучи глубоко проникнутъ чтеніемъ Св. Отцевъ, Θеоріанъ приводилъ во свидѣтельство Католикосу изреченія самыхъ великихъ учителей Церкви, и зная, что главною опорою противникамъ служатъ слова Св. Кирилла Александрійскаго: «единая природа Слова воплощеннаго», старался убѣдить, что это ни сколько не выражаетъ понятія Армянскаго, о единой природѣ во Христѣ, а напротивъ сходно съ изреченіемъ евангельскимъ: «Слово плоть бысть»: то есть что Божественная природа приняла человѣческую и воплотилась; по сему не сказано: «Христосъ, но Слово плоть бысть,» и въ сихъ краткихъ словахъ ясно выражено лице Богочеловѣка. Θео-

ріанъ старался доказать Католикосу, что нѣтъ никакого отношенія между православнымъ догматомъ Халкидонскимъ, о двухъ природахъ во Христѣ, и еретическимъ ученіемъ Несторія, раздѣлявшаго на двое единое лице Господа; но Нерсесъ крѣпко держался словъ Кирилла: «единая природа Слова воплотившаяся.» Онъ говорилъ, что такъ какъ во времена сего святаго, не было никакой ереси противоположной сему ученію, то и не было ему ни какой причины употребить такое выраженіе, если бы внутренно не былъ убѣжденъ въ его истинѣ. Тогда Феоріанъ доказалъ ему, изъ тѣхъ же книгъ отеческихъ, что въ этомъ случаѣ Св. Кириллъ основывался на словахъ Св. Аѳанасія великаго, который употребилъ ихъ противъ ереси Арія, такъ какъ сей отличалъ Слово Божіе, внутреннее, несозданное, принадлежащее существу Божію, отъ Слова созданнаго, какимъ почиталъ онъ Іисуса Христа. По сему Св. Аѳанасій, отвергая такое различіе говорилъ опредѣлительно, что онъ признаетъ: «единую природу Слова воплотившуюся». Это

такъ сильно подѣйствовало на Католикоса Нерсеса, что онъ сказалъ: «теперь я успокоился касательно сихъ словъ, потому что увидѣлъ первоначальную ихъ причину, которая доселѣ мнѣ была сокрыта». Когда же пришелъ къ нему Сирскій Епископъ и упрекалъ въ согласіи съ Греками, Нерсесъ прямо отвѣчалъ, что не покорился бы во-лѣ Патріарха или Императора, если бы самъ не убѣдился въ истинѣ, и потому не можетъ противиться ученію Отцевъ. О если бы теперь, смиренное сознаніе Нерсеса благодатнаго, нашло себѣ подражаніе въ его единовѣрцахъ, ради мира церков-го!

Чтобы совершенно уничтожить всякое недоумѣніе, Θεоріанъ предложилъ сличить догматы Халкидонскаго собора съ ученіемъ Отцевъ, особенно Св. Кирилла, болѣе уважаемаго Армянами, и нельзя было най-ти въ его выраженіяхъ, ни одной черты не сходной съ исповѣданіемъ Халкидон-скимъ. Нерсесъ благодатный опять ска-залъ Θεоріану: «я ничего не нахожу въ семъ опредѣленіи противнаго православною

вѣръ, и удивляюсь, почему наши предше-
ственники такъ безотчетно оное порицали.
Думаю однако, что такъ какъ сей святой
соборъ вооружился противъ многихъ ере-
сей, то врагъ спасенія будучи пораженъ
имъ въ самое сердце, воздвигъ противъ
него столь многихъ враговъ». Если ис-
креннія и благочестивыя слова сіи, кото-
рыя можетъ быть не находятся въ руко-
писяхъ Армянскихъ, но взяты однако изъ
современныхъ актовъ Феоріана, покажутся
для иныхъ сомнительными, то пусть они
прочтутъ, опять у себя, изложеніе вѣры
Нерсеса, который прямо исповѣдывалъ во
Христѣ: «двѣ природы въ одномъ суще-
ствѣ или ипостаси, то есть лицѣ Господ-
немъ»; а если такъ вѣровалъ Нерсесъ, то
остается только сожалѣть о долгомъ и на-
прасномъ разрывѣ.

Когда такимъ образомъ разрѣшено бы-
ло главное недоумѣніе, не много труда сто-
ило Феоріану, разрѣшить вопросъ, и о двухъ
воляхъ, необходимо истекающихъ отъ двухъ
природъ, Божественной и человѣческой;
этотъ догматъ не встрѣтилъ сопротивленія,

какъ потому что нѣкоторые Армянскіе Епископы присутствовали на шестомъ Вселенскомъ соборѣ его утвердившемъ, такъ и отъ того что предубѣжденіе падало только на одинъ Халкидонскій. Не такъ легко было согласить Католикоса, исключить изъ Трисвятой пѣсни, неправильное прибавленіе: «распныйся за ны». Нерсесъ оправдывалъ сей обычай, тѣмъ что Армянская Церковь относитъ пѣснь сію, не ко всей Троицѣ, а только къ лицу Сына, и потому прибавленіе не заключаетъ въ себѣ никакой ереси; Θεορίανъ представлялъ ему напротивъ примѣры отеческіе и обычай всей Церкви Вселенской. Однако Нерсесъ, не сказавъ ничего рѣшительнаго, предложилъ перейти къ другому предмету; въ послѣдствіи же писалъ къ Католикосу Іаковитовъ, излагая ему требованія Императора: «перемѣнить нѣкоторые обряды и признать двѣ природы для насъ удобно, но отказаться отъ прибавленія къ Трисвятой пѣсни мы не можемъ». Видя, съ какою искренностію я привожу слова Нерсеса, равно благопріятныя и неблагопріятныя Церкви Православной, Армяне

не могутъ упрекнутьъ меня въ пристрастіи. Причина же, по которой Нерсесъ затруднялся отложить сіе прибавленіе, весьма понятна: догматъ о двухъ природахъ былъ недоступенъ большей части народа; напротивъ того Трисвятая пѣснь, которую такъ торжественно воспѣваютъ Армяне на литургіи, была въ устахъ у каждого, и потому обычай сей слишкомъ глубоко пустилъ свои корни. Однако Нерсесъ, въ первомъ посланіи къ Императору писалъ: «что если бы существовало согласіе между обѣими сторонами, то и это бы можно было устроить съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, то есть, чтобы въ первый разъ пѣніе Трисвятаго относилось къ Богу Отцу, во второй къ Сыну, а въ третій къ Духу Святому».

Праздники Рождества и Богоявленія, совершаемые у Армянъ въ одинъ день, по древнему преданію, были также предметомъ разсужденія. Католикосъ ссылался на давность обычая и старался доказать, изъ словъ Евангелиста Луки, разчисленіе дней. Θεоріанъ указывалъ на разность мѣсяцевъ

лунныхъ и солнечныхъ, измѣняющихъ самыя дни, и основывался на рѣчи Златоуста, который выводилъ расчетъ дней, отъ переписи народной бывшей во время Августа, и говоритъ что въ Римѣ, откуда произошелъ сей обычай, можно справиться по актамъ, о днѣ рожденія Господа. Нерсесъ памятуя, что и въ празднованіи Пасхи, жители Азіи, не смотря на давность своего обычая, принуждены были уступить общему порядку Церкви Вселенской, охотно соглашался уступить въ этомъ предметъ, лишь бы только согласились въ другихъ важнѣйшихъ.

Обращено было вниманіе и на то, изъ чего составлялось въ Арменіи святое мѣро, ибо тамъ, по недостатку въ маслѣ, употреблялся елей изъ сочевицы. Странно почему не было разсуждаемо о томъ, что Армяне не растворяли вина водою при Евхаристіи и служили на опреснокахъ, хотя Нерсесъ касался довольно пространно сихъ предметовъ въ своемъ посланіи. Однако и тамъ выражался онъ весьма миролюбиво: «Господь требуетъ отъ

насъ правую вѣру и непорочныя дѣла, а не то чтобы мы, на квасномъ или безквасномъ хлѣбѣ, совершали таинство; то же скажемъ и о винѣ: съ водою ли совершаютъ или безъ воды, ни тѣмъ, ни другимъ не умножается похвала, но напротивъ прославляются тѣ, которые приносятъ дары Богу съ чистымъ сердцемъ». Когда происходили сіи бесѣды, случай подалъ поводъ къ новому вопросу: Армянскіе священники начали совершать обѣдню, по своему обычаю внѣ церкви. Католикосъ старался объяснить Θεоріану, что по ихъ преданію одна только литургія можетъ совершаться внутри церкви, а народъ всегда долженъ находиться внѣ оной, ради благоговѣнія къ святому мѣсту и сознанія своей грѣховности; но Θεоріанъ доказалъ ему, изъ словъ отеческихъ, что стояніе внѣ церкви почиталось степенью наказанія; Католикосъ отвѣчалъ, что и это отступленіе легко исправить. По окончаніи бесѣды Нерсесъ сказалъ трогательную рѣчь Θεоріану, въ которой нельзя усомниться, по той отчетливости

съ какою записалъ онъ каждое слово, и потому что рѣчь Католикоса совершенно соотвѣтствовала благодатному духу его посланія къ Императору: «Христіанская душа ваша, писалъ онъ Мануилу, желала чтобы совершилось соединеніе Церкви и, въ еди-нодушїи чадъ ея, прославлялась Святая Троица, вмѣсто существовавшей до нынѣ взаимной хулы святой вѣры и преданій. Мы же, съ своей стороны, столько готовы участвовать въ этомъ дѣлѣ, что не только обращаясь въ живыхъ, но даже изъ гроба, если бы это было возможно, явились подобно Лазарю, по призванію вашему, на богоугодное дѣло. (Слова сіи находятся въ подлинникѣ Армянскомъ). Опасаюсь однако, что въ настоящее время, усердной моей готовности представится значительное затрудненіе, и я долженъ бояться, чтобы островъ нашъ, окруженный солеными водами невѣрія, не былъ поглощенъ различными волнами крамолъ, какія могутъ подняться; но мы вѣримъ милости Божіей, ибо въ васъ возбуждена ревность предковъ вашихъ, великихъ Константина и Θεодосія, которые

не столько заботились о временномъ своемъ царствѣ, сколько о твердости вѣры. Болѣе шести сотъ лѣтъ, какъ раздѣлились члены Христовы; теперь нужно употребить много духовныхъ врачеваній любви, чтобы смягчить ожесточеніе, и это послѣдуетъ, если вы внушите вашему духовенству и народу, отложить о насъ враждебный образъ мыслей, всякія укоризны и хулы; но прежде всего издайте повелѣніе, чтобы во всѣхъ церквахъ имперіи вашей, принесено было молебствіе Господу Богу, о благомъ окончаніи благаго дѣла, какъ и мы предписали сіе всѣмъ церквамъ нашимъ, да изречетъ Господь, послѣ столь долговременной распри, милостивое довольно.»

Такъ писалъ Католикось Государю, и столь же умирительно говорилъ Феоріану: «Я бы самъ желалъ быть анаѣмою ради моей братіи, по словамъ Апостола Павла, ибо добрый пастырь долженъ положить душу свою за овцы своя, чтобы когда либо сказать дерзновенно на судъ: се азъ и дѣти яже ми даде Богъ. Я уже писалъ къ Епископамъ моимъ, чтобы собрались на

совѣщаніе и предложу имъ всѣ тѣ свидѣ-
тельства, на которыхъ думаютъ утверж-
даться, и тѣ какія ты мнѣ представилъ.
Самъ я съ начала буду дѣйствовать въ
пользу моихъ, потомъ мало по малу усту-
пать истинѣ и открывать заблужденія, и
надѣюсь что овцы мои гласа моего по-
слушаютъ. Если же и не всѣ соберутся,
то я, вмѣстѣ съ единомышленными, от-
правлю въ царствующій градъ повѣрен-
ныхъ для соединенія съ Церковью Право-
славною.» Потомъ, удаливъ всѣхъ, со сле-
зами заклиналъ онъ Θεоріана: убѣдить Им-
ператора, дабы повелѣлъ Патріарху, въ
полномъ облаченіи и съ крестомъ въ ру-
кахъ, возгласить съ амвона соборной церк-
ви, умиротворительныя молитвы, о спасе-
ніи Армянъ, не только живыхъ но и усоп-
шихъ, дабы пало средостѣніе вражды и
уничтожилось столько проклятій, скопив-
шихся въ теченіе многихъ вѣковъ.» При
прощаніи Католикосъ вручилъ два письма
къ Императору, одно тайное, въ которомъ
прямо высказывалъ свое искреннее желаніе
соединиться съ Церковью Православною, и

то, что онъ принимаетъ Халкидонскій соборъ, наравнѣ съ тремя первыми; но въ открытомъ письмѣ, Нерсесъ старался только смягчить черты различія въ вѣрѣ и обрядахъ, между Греками и Армянами, и даже защищалъ нѣкоторыя свои мнѣнія и обычаи. Онъ писалъ, что доселѣ ихъ болѣе раздѣляло недоумѣніе, нежели дѣйствительная разность: ибо Армяне, заключа по словамъ нѣкоторыхъ обитателей Чернаго моря, называвшихъ себя Греками, почитали всѣхъ Грековъ единомышленниками Несторія, а Греки, судя по словамъ не добрыхъ выходцевъ изъ Арменіи, клеветавшихъ на свое отечество, принимали ихъ всѣхъ за единомышленниковъ Евтихія. Въ изложеніи же догмата, о двухъ природахъ, избѣгалъ определенности выраженій, вѣроятно чтобы согласоваться съ тѣмъ, какъ онъ хотѣлъ потомъ дѣйствовать на соборѣ, изъ опасенія крамолъ; исповѣдывалъ однако и двѣ природы, основываясь на свидѣтельствѣ святыхъ Отцевъ, но иногда старался удержать исповѣданіе единой, будто бы по словамъ Св. Кирил-

шельника, одного изъ тринадцати Сирскихъ Отцевъ, но память его въ большемъ уваженіи у народа, по той нерукотворенной иконѣ Спасовой, которую онъ принесъ съ собою изъ Сиріи. Преданіе говоритъ, что она чудно отпечатлѣлась, отъ прикосновенія къ священному подлиннику Эдесскому, и для нея стекались въ обитель многочисленные богомольцы, до временъ завоевателя Тамерлана. Испуганный его нашествіемъ, настоятель Марткобскій, Епископъ Георгій, заклалъ чудотворную икону въ стѣну и унесъ съ собою тайну о ней въ могилу, ибо самъ былъ убитъ въ разоренной обители; всѣ поиски остались тщетными. Послѣ Тамерлана возстановилась опять обитель, хотя и не въ прежнемъ великолѣпіи; но въ половинѣ минувшаго столѣтія ворвались въ нее Лезгины и умертвили всю братію; съ тѣхъ поръ она опустѣла; землетрясеніе въ 1827 году довершило бѣдствіе, паденіемъ купола надъ гробомъ отшельника. Однако не прекратилось усердіе народное къ святому мѣсту, и постоянно, въ день успенія Богоматери, бывшій

храмовымъ, и въ слѣдующій за нимъ праздникъ нерукотвореннаго Образа, граждане Тифлисскіе, равно Грузины и Армяне, толпами идутъ на пустынную гору святаго Антонія и многіе получаютъ исцѣленіе. Весьма недавно одинъ разслабленный, пролежавъ нѣсколько дней при гробѣ Святаго, возвратился съ обновленными силами. Это побудило Экзарха, съ помощію нѣкоторыхъ благодѣтелей, приступить къ возстановленію обители. Священный долгъ сей какъ бы лежалъ на Архипастырѣ Грузин, съ тѣхъ поръ какъ самый списокъ съ древней иконы, принесенной Антоніемъ, поставленъ былъ въ придѣлъ кафедральнаго собора Сіонскаго.

Не болѣе пяти верстъ отъ селенія Марткоби, куда перенесена была кафедра послѣднихъ Епископовъ Руставскихъ, до развалинъ пустыннаго монастыря на вершинѣ горы, поросшей лѣсомъ; нельзя иначе туда подняться какъ верхомъ. Мѣсто сіе должно быть очаровательно лѣтомъ, отъ роскошной зелени; но уже листья опали при нашемъ посѣщеніи, и густой туманъ, об-

ложившій горы, лишилъ насъ прекрасныхъ видовъ, какъ бы для того, чтобы устремить все вниманіе къ самому святилищу. Приближаясь къ монастырю, еще отъ насъ закрытому горою, мы внезапно обрадованы были звукомъ малаго колокола, который только наканунъ повѣсили надъ остатками бывшихъ воротъ. Вся обитель, обширная нѣкогда, предстала намъ изъ тумана, на сей разъ, оживленная толпою народа, который собрался изъ окрестныхъ селеній, при вѣсти о пришествіи Экзарха. Архимандритъ Марткобскій съ сосѣдними священниками, въ полномъ облаченіи, встрѣтили своего пастыря, у входа въ развалины, и трогательно было видѣть, посреди обломковъ, церковное шествіе. Многіе прослезились, вспомнивъ древнюю славу обители, когда опять слышали священные гимны, почти сто лѣтъ не оглашавшіе своды храма, которые съ тѣхъ поръ успѣли обрушиться. Экзархъ, взойдя въ церковь, сталъ на колѣни подлѣ гроба Св. Антонія и, послѣ умильного молебна нерукотворенному Образу и Преподобному, надѣлъ

на себя эпитрахиль одного изъ священниковъ и самъ прочелъ молитвы на обновленіе храма.

Въ числѣ молившихся были Греческіе каменщики изъ Трапезонда, которые немедленно должны были приступить къ работѣ, и по усердію три первые дня трудились безъ платы. Крестьяне сосѣднихъ селеній, принадлежавшихъ нѣкогда обителямъ, вызвались возить даромъ лѣсъ и кирпичъ на крутую гору для строенія. Плодомъ такого общаго усердія было то, что уже въ нынѣшнемъ году, на праздникъ успенія, освящена была придѣльная церковь во имя Св. Антонія, въ обширной трапезѣ, прилегающей къ собору. Такъ дѣйствительна была первая молитва о обновленіи святилища! Гробовая плита отшельника, покрытая на сей разъ парчевою пеленою, возвышалась подъ открытымъ небомъ, хотя и внутри церкви, лишенной купола, по лѣвую сторону иконостаса, низкаго и каменнаго, съ котораго уже стерлись его фрески. Онъ уцѣлѣли въ олтарѣ, особенно на лѣвой стѣнѣ, менѣе подвер-

гавшейся сырости; можно было разобрать на горнемъ мѣстѣ лики Богоматери, Апостоловъ и Святителей, между коими яснѣе видны Василій великій и Златоустъ. На стѣнахъ собора сохранились только Пророки Исаія и Авдій, Св. Екатерина и два царскіе лика, Вахтанга Гургъ-аслана и Давида возобновителя, изъ коихъ одинъ основалъ, а другой обновилъ храмъ Марткобскій; тутъ же, на западной стѣнѣ, написанъ нерукотворенный образъ Спаса, поддерживаемый Ангелами, и около него выломаны камни, ибо здѣсь искали иноки утаенную икону.

Замѣчательно, что надъ нѣкоторыми иконами были надписи Русскія, потому вѣроятно, что они были писаны Русскими художниками, присланными вмѣстѣ съ іереями, отъ Царя Θεодора Іоанновича, Царю Кахетинскому Александру, при посольствѣ Князя Звѣнигородскаго, въ 1586 году, ибо благочестивый Самодержецъ Русскій, заботился о возстановленіи благолѣпія церковнаго въ землѣ единовѣрной, пострадавшей отъ Персовъ.

Однако большая часть уцѣлѣвшихъ фресковъ должна подвергнуться разрушенію, при перестройкѣ храма, отъ сильныхъ трещинъ въ старыхъ стѣнахъ. Съ южной стороны церковь виситъ надъ пропастью, но туманъ наполнялъ ее, такъ что мы, казалось, стояли въ облакахъ, а въ ясную погоду оттолъ можно видѣть церковь Св. Давида, на горѣ Тифлисской. Обширная ограда, съ остатками болѣе нежели пятидесяти келлій, свидѣтельствуешь о прежнемъ населеніи обители. За версту отъ нея, у подошвы горы, уцѣлѣла въ лѣсу церковь рождества Богоматери, сооруженная въ началѣ XVI вѣка, Епископомъ Руставскимъ Иларіономъ, а за версту отъ монастыря, на вершинѣ горы, существуетъ уединенный столбъ, на коемъ спасался великій подвижникъ, по примѣру Сирійскаго столпника Симеона.

Если одинъ завоеватель Востока раззорилъ обитель, то другой, покоритель Индіи и Персіи, воздалъ ей должную почесть. Шахъ-Надиръ, зная, что при всѣхъ нападеніяхъ на Грузію, Марткоби служило мѣ-

стомъ собранія ратниковъ, для защиты отечества, и что тамъ хранилась даже ихъ воинская хоругвь, пожелалъ видѣть пустынную обитель; это было только за десять лѣтъ до ея конечнаго разоренія Лезгинами, при настоятельствѣ старца Зинона, который пережилъ разрушеніе. Шахъ велѣлъ поставить шатеръ свой, у входа въ обитель, и совершилъ тамъ полуденную молитву; Цари Теймуразъ и Ираклій поздравили его съ исполненіемъ благочестиваго намѣренія. Почтенный видъ престарѣлаго настоятеля произвелъ сильное впечатлѣніе на Шаха; онъ посадилъ его и самъ погрузился въ глубокое молчаніе; ему представили и ту славную хоругвь, которая столько разъ вѣяла предъ полками храбрыхъ. Надиръ могъ спокойно на нее смотрѣть, ибо самъ способствовалъ Грузинамъ, изгнать Турковъ изъ ихъ предѣловъ. Надъ гробомъ преподобнаго Антонія спросилъ онъ: какой Царь положенъ въ храмъ? «не Царь, а отшельникъ», сказалъ ему Ираклій. — «Чье же знамя?» спросилъ Шахъ. «Во имя Святаго ополчался народъ, отвѣчалъ Ираклій, и

нынѣ знамя сіе осѣнило побѣдные полки Ирана, союзные Иверіи». Шахъ Надиръ, обратясь къ своимъ намѣстникамъ, тогда же повелѣлъ имъ уважать вѣру воинственнаго народа, никогда не колебавшуюся посреди потрясенія царства, и пожертвовалъ обители 200 тумановъ или червонцевъ Персидскихъ и двѣсти восточныхъ драгоцѣнныхъ камней, для украшенія иконъ и гроба Преподобнаго. — Какъ назидательна такая побѣда отшельника надъ завоевателемъ и вольная ему дань, собиравшаго въ Индіи дань съ великаго Могола! — Поздно вечеромъ возвратились мы въ селеніе Марткоби и на другой день въ Тифлисъ.

ТИФЛИСЪ.

Я уже ознакомился отчасти съ городомъ, въ первые дни моего пріѣзда, и хотя онъ заключаетъ въ себѣ немного замѣчательныхъ древностей, старался однако не оставить ихъ безъ вниманія. Тифлисъ, почти совершенно истребленный пожаромъ въ последнее нашествіе Персидское Аги-Магометъ Хана, много измѣнился со времени владычества Русскаго. Собственно старый городъ, заключавшійся внутри стѣнъ, которыхъ теперь уже нѣтъ, обитаемъ только старожилami, издавна имѣвшими тамъ свои дома, и оживленъ большимъ база-

ромъ, съ караванъ-сараями въ совершенно восточномъ вкусъ. Европейцу, проходящему по тѣснымъ изгибамъ сего базара, или подъ темными сводами караванъ-сарая, и еще не сроднившемуся съ Азіею, изумительно видѣть всю жизнь народную наружи: всякій ремесленникъ, въ открытой лавкѣ, занимается спокойно своимъ ремесломъ, не обращая вниманія на мимотекущую толпу и на караваны верблюдовъ и лошаковъ, вьюками своими задѣвающихъ за его лавку. Теплыя ванны минеральныхъ водъ, на краю стараго города, составляютъ одно изъ достоинствъ Тифлиса, и дали ему даже свое имя, ибо Тифлисъ значитъ теплый. Внѣ стараго города, тамъ, гдѣ были прежде виноградники царскіе и Кашветское кладбище Св. Георгія, новый городъ ежедневно украшается зданіями въ Европейскомъ вкусъ, съ болѣе правильными улицами. Домъ Князя Намѣстника, стоявшій долго одинокимъ на краю новаго населенія, теперь уже посреди Европейскаго Тифлиса; надъ нимъ живописно поднимаются, между садовъ, строенія по горѣ

Св. Давида и отъ него все болѣе и болѣе расширяется городъ къ заставѣ и рѣкѣ; площадь Эриванская служитъ центромъ.

Царь Георгій не узналъ бы теперь дворца своего, на берегу Куры, гдѣ болѣзненно провелъ три года своего царствованія, потому что прежній дворецъ его предковъ, внутри стараго города, представлялъ тогда одно печальное пепелище. Домъ послѣдняго Царя обращенъ теперь въ благоустроенное жилище начальника артиллеріи, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли палаты древнихъ Царей до Ираклія, выстроенъ надъ самой рѣкою домъ гражданскаго губернатора. Это одно изъ лучшихъ мѣстъ города, потому что оно освѣжается водою и постояннымъ теченіемъ воздуха, по руслу рѣки. По совершенной простотѣ и даже убожеству княжескихъ жилищъ въ Тифлисѣ и вообще въ Грузіи, нельзя судить о бывшихъ палатахъ царскихъ, которыя украсились въ теченіе многихъ столѣтій, хотя иногда и были раззоряемы. Магомеданскій Царь Ростомъ, особенно великолѣпный въ своихъ зданіяхъ, который об-

новилъ городскія стѣны послѣ нашествія Шаха-Аббаса, украсилъ съ восточною роскошью и дворецъ своихъ предковъ. Намъ сохранилось описаніе его пріемной залы, въ книгѣ одного западнаго путешественника, Шардена, который торговалъ въ Персіи драгоцѣнными камнями и приведенъ былъ монахами Капуцинскими ко двору Вахтанга Шахъ-Наваза, преемника Ростомова.

«Дворецъ царскій, говоритъ онъ, конечно одно изъ лучшихъ украшеній Тифлиса; его обширныя залы обращены къ рѣкѣ и пространный садъ, ихъ окружаетъ. Тамъ есть особенное отдѣленіе для птицъ всякаго рода, и лучшее собраніе соколовъ; передъ дворцомъ, на четырехугольной площади, можетъ помѣститься до тысячи лошадей; она окружена лавками и примыкаетъ къ длинному базару напротивъ дворцовыхъ воротъ. Съ вершины сего базара весьма великолѣпный видъ на площадь и на лицевую сторону палатъ. Пріемная зала простирается на 18 сажень въ длину и на 7 въ ширину, и совершенно открыта, какъ галлерея, со стороны рѣки. Потолокъ ея,

убранный какъ бы мозаикою, опирается на множество тонкихъ позлащенныхъ столбовъ, отъ 6 до 7 сажень высоты, и весь помостъ устланъ богатыми коврами. Три малые камина согрѣвали залу, въ которой Шахъ-Навазъ принялъ путешественника, по ходатайству миссіонеровъ.» Замѣчательно, что говоритъ онъ о своихъ единовѣрцахъ, вслѣдъ за описаніемъ дворца.

«Не болѣе тринадцати лѣтъ, какъ ихъ послали изъ Рима, (а онъ пишетъ въ 1640 году) подъ именемъ врачей, что было причиною хорошаго ихъ приѣма. Они поселились въ Тифлисѣ и Гори. Шахъ-Навазъ, Магометанскій Царь, далъ имъ дома въ обоихъ городахъ, съ полною свободою отправлять свое богослуженіе. Они принесли ему письма отъ Папы и пропаганды, съ богатыми дарами, ему, Царицѣ, Католикосу и первостепеннымъ вельможамъ, что повторяютъ каждые два года. Нѣсколько разъ уже хотѣли ихъ выгнать, за обращеніе въ свою вѣру; но они умѣли сдѣлать себя необходимыми, такъ какъ въ Грузіи вовсе нѣтъ врачей и хирурговъ. Папа позволилъ

имъ пріобрѣтать деньги за лѣченіе, для своего содержанія, и имъ платятъ обыкновенно мукою, виномъ, скотомъ и молодыми невольниками; они же продаютъ то, что имъ не нужно. Сверхъ того они получили и другія разрѣшенія, духовныя и свѣтскія, какъ напримѣръ: служить обѣдню безъ причетника, во всякомъ мѣстѣ и во всякой одеждѣ; разрѣшать всякіе грѣхи, одѣваться какъ заблагоразсудятъ, содержать лошадей и прислугу; имѣть невольниковъ, заниматься куплею и давать деньги въ ростъ: однимъ словомъ, они пользуются столь обширными преимуществами, что дѣйствительно никто изъ самыхъ привилегированныхъ сановниковъ Церкви не можетъ съ ними въ этомъ сравниться. (Не должно забывать, что Шарденъ говоритъ здѣсь, о самомъ строгомъ ордено Капуциновъ, которые въ Римѣ ходятъ босыми). Не смотря однако на всѣ сіи хитрости и послабленія, они мало имѣютъ успѣха между Грузинами, ибо кромѣ своего невѣжества, народъ сей такъ упоренъ, что почитаетъ постъ главнымъ дѣломъ въ религіи и не

признаетъ Капуциновъ за Христіанъ, по разности ихъ поста, такъ что они сами принуждены соблюдать посты Грузинъ и сдѣлались, по внѣшности, какъ бы ихъ единовѣрцами. (Такимъ образомъ путешественникъ, думая укорить Грузинъ, воздаетъ имъ невольную похвалу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обличаетъ, какія средства позволялъ себѣ употреблять Римъ, для своихъ совращеній).

«Сперва собиралось много народа въ церковь Капуцинскую въ Тифлисъ, ибо онъ былъ привлеченъ новостію богослуженія и малымъ хоромъ, составленнымъ изъ пяти голосовъ и двухъ инструментовъ; теперь же туда приходятъ не болѣе пяти или шести бѣдныхъ, получающихъ отъ церкви содержаніе. Иноки учредили школу, но и въ ней не болѣе осьми мальчиковъ и то бѣдныхъ, тоторые туда приходятъ менѣе для ученія, нежели для хлѣба, по сознанію самихъ добрыхъ отцевъ. Они мнѣ часто говорили, что содержатъ свои миссіи, не ради какой либо значительной пользы, но для чести Римской Церкви, которая, по

словамъ ихъ, не была бы Католическою, если бы не имѣла своихъ служителей во всѣхъ частяхъ населеннаго міра». — Что сказать о такого рода миссіяхъ, столь безпристрастно описанныхъ? Мы обратимся опять къ палатамъ.

Дворецъ Вахтанговъ и Иракліевъ заключалъ въ себѣ до трехсотъ покоевъ, имѣлъ въ своей оградѣ четыре церкви и по несчастію одну мечеть, устроенную Ростомомъ, по невольному исламизму Царей, до Теймураза отца Иракліева. Еще видно на площади мѣсто, гдѣ стояла главная придворная церковь Св. Георгія, куда соби-рался весь дворъ въ торжественные дни. Другая малая, также во имя Великому-ченика, доселѣ существуетъ и служила придворною, при послѣднемъ Царѣ. Въ ней замѣчательна по своей древности и окладу икона Св. Георгія. Церковь была основана, въ 1710 году, Царевичемъ Симономъ, братомъ законодателя Вахтанга, и при ней обиталъ, въ сосѣднемъ домѣ, старшій сынъ послѣдняго Царя Давидъ. Старый дворецъ простирался, со всѣми своими службами, до

самаго подворья Католикосовъ, у Анчисхатскаго собора, гдѣ они временно помѣщались, ибо настоящее ихъ жилище было въ первопрестольномъ Мцхетѣ. Католикосъ Доментій первый тутъ поселился, въ началѣ минувшаго вѣка, подлѣ дворца Князей Багратионовъ-Мухранскихъ, родственниковъ царскихъ, и по его примѣру тамъ обитали послѣдніе Католикосы Николай и два Антонія.

Особенно замѣчательно между ними лице старшаго Антонія или великаго, какъ онъ слыветъ въ народѣ, сына Магометанскаго Царя Іессея. Онъ былъ ревнитель просвѣщенія духовнаго и ему обязана Церковь Грузинская собраніемъ житій ея святыхъ и сочиненіемъ многихъ каноновъ, вмѣсто утраченныхъ въ бѣдственную эпоху раззореній Персидскихъ. Но частыя его сношенія съ миссіонерами, отъ которыхъ научился языку Латинскому и старался заимствовать просвѣщеніе, возбудило противъ него подозрѣніе духовенства. Царь Теймуразъ воспользовался сею молвою, чтобы удалить непріязненнаго ему Католикоса, изъ

династіи Карталинской, и поставилъ на его мѣсто благочестиваго старца Іосифа, который однако не хотѣлъ принять на себя титула верховнаго пастыря Грузіи. Антоній удалился въ Россію, и оправдавшись предъ Св. Синодомъ въ нареканіяхъ, противъ него возникшихъ, получилъ въ управленіе епархію Владимірскую; тамъ еще болѣе пріобрѣлъ познаній духовныхъ, но уже безукоризненныхъ для своего православія. Царь Ираклій, по смерти отца, вызвалъ опять Антонія и возвратилъ ему кафедру, ибо онъ всегда оставался съ нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ. Рассказываютъ, что смиренный пастырь, желая убѣдить въ своемъ православіи паству и духовника, его подозрѣвавшаго, при первомъ торжественномъ служеніи, въ присутствіи его и самаго Царя, произнесъ громогласно символъ вѣры, на великомъ выходѣ, съ дискомъ въ рукахъ. Потомъ, подошедши къ непреклонному духовнику, во свидѣтельство своей правоты, сталъ предъ нимъ на колѣни и всенародно умолялъ, оставить неправильное подозрѣніе и дать ему цѣлова-

ніе мира; но упорный старикъ ни слова не отвѣчалъ владыкѣ и даже отвернулся отъ него. Тогда Антоній, дѣйствуя уже какъ Католикосъ, самъ запретилъ ему священнослуженіе и удалилъ его изъ Тифлиса; родъ сего священника почитается неблагословеннымъ и доселѣ.

Соборъ Анчисхатскій, у котораго находилось подворье, празднуетъ рождеству Богоматери, и былъ сооруженъ въ VII вѣкѣ, при Царѣ Адарнасіѣ, Католикосомъ Вавилою, послѣ котораго на долго прекратился рядъ Первосвятителей Грузіи. Онъ называется Анчисхатскимъ, отъ древняго города Анчи, въ области Ахалцихской, гдѣ во времена иконоборства сокрытъ былъ образъ Спасовъ, нерукотворенный по преданіямъ Грузинскимъ, привезенный изъ Греціи. Послѣ завоеванія области Атабековъ Турками, Католикосы озаботились перенести святыню сію въ Тифлисъ. По мнѣнію благочестивыхъ, священная икона, чуднымъ образомъ, отпечатлѣлась на дскѣ, какъ и Марткобская, отъ прикосновенія къ подлиннику; но ликъ больше обыкновеннаго

образа человѣческаго и много пострадалъ отъ времени, такъ что не ясны черты. Серебряный окладъ, съ драгоцѣнными привѣсками, весьма древній; Грузинская надпись на иконѣ служитъ для нея историческимъ объясненіемъ:

«Благослови Боже Католикоса-Патріарха Доментія, обновившаго сей нерукотворенный образъ. Онъ сперва принесенъ изъ Эдессы въ Константиноградъ; но когда Левъ Исавръ и другіе иконоборцы появились, въ то время перенесли его въ Кларжети (западную Грузію, прилежащую къ Черному морю, нынѣ въ рукахъ Турокъ), и поставили въ епископской кафедральной Анчійской церкви, по повелѣнію Царицы Тамари (значитъ, въ концѣ XII вѣка), которая приложила къ нему серебро и другія вещи для украшенія. Образъ сей окладалъ приличною ризою Іоаннъ Анчійскій (Епископъ). Когда же Самцхе (вся западная Грузія) обратилась въ Магометанство, тогда прибылъ туда Тифлисскій купецъ, купилъ его значительною цѣною и благоговѣнно представилъ дядѣ нашему, Католи-

косу — Патріарху Доментію (II), который пріобрѣлъ оный себѣ дорогою цѣною и поставилъ въ Тифлисской католической церкви, въ царствованіе дѣда нашего Царя Вахтанга. Но потомъ древо и риза весьма обветшали, и потому мы, «осѣненіе Царей всея Грузіи» Католикосъ — Патріархъ Доментій, паки возобновили и оковали ризою, образъ и кивотъ, съ прибавленіемъ драгоценныхъ камней и жемчуга. Христе Боже! Прости всѣ согрѣшенія мои, избави отъ видимыхъ и невидимыхъ мукъ, и удостои стоянія одесную тебя, и сохрани Царя Царей Грузинскаго Вахтанга Багратіонова, и супругу его Царицу Русуданъ, и сыновей ихъ Баграта и Георгія и дочерей, и избави ихъ отъ искушенія. 1688 года».

Странно и вмѣстѣ замѣчательно: старый городъ, обнесенный стѣнами и слѣдственно охранявшій палаты царскія и главную святыню, и сокровища народной торговли, заключаетъ въ себѣ однако наиболѣе церкви Армянскія, а не Православныя; ихъ число еще уменьшилось, съ уничтоженіемъ трехъ придворныхъ, а казалось бы

столица царства Грузинскаго должна имѣть болѣе храмовъ своего исповѣданія, нежели чуждаго. Теперь же, въ объемъ городскихъ стѣнъ, кромѣ соборовъ Сіонскаго и Анчисхатскаго, малой придворной церкви Св. Георгія и двухъ Греческихъ подворьевъ, изъ коихъ одно Синайское, а другое Іерусалимское Св. креста, есть еще одна Латинская, прочія же всѣ Армянскія. Подворье Іерусалимское основано было Вахтангомъ Гургъ-асланомъ и носило громкое имя Голговы; уже около трехсотъ лѣтъ какъ оно пожертвовано, благочестіемъ Царей Грузинскихъ, святому гробу, вѣроятно Георгіемъ IX, послѣ его похода въ Іерусалимъ.

Въ числѣ замѣчательныхъ церквей Армянскихъ: Крестная, близъ площади дворцовой, сохраняющая въ ризницѣ своей часть главы первозваннаго Апостола, и недалеко отъ нее Могни или Св. Георгія. Гораздо выше въ полугорѣ, на которой крѣпость, стоятъ древній храмъ Божіей матери, основанный въ XI вѣкѣ, вѣроятно при Давидѣ возобновитель, послѣ освобожденія имъ Тифлиса, и такъ называемый Пет-

хаимскій, бывшій Виолеемъ, который соорудилъ благочестивый Царь Вахтангъ, для воспоминанія священной мѣстности Палестинской. Нѣсколько ниже Виолеемскаго собора, устроенъ недавно дѣвичій монастырь Армянскій, а на одной высотѣ съ соборомъ сохранились остатки древняго языческаго капища огнепоклонниковъ. Оно четвероугольное съ куполомъ, въ видѣ храма, и сложено изъ кирпича; по красному цвѣту издали можно отличить его отъ массы бѣлыхъ зданій, живописно подымающихся съ подошвы горы почти до ея вершины, гдѣ нависли надъ ними голыя скалы, увѣчанныя вышгородомъ. Крутыми уступами восходитъ на сію вершину древняя городская стѣна, укрѣпленная башнями, и упирается въ самый вышгородъ, испытанный столькими приступами.

Сооруженіе его предшествовало основанію самаго Тифлиса, но онъ былъ укрѣпленъ Вахтангомъ Гургъ-асланомъ въ V вѣкѣ, и Бакаръ, сынъ его, построилъ въ немъ церковь Святителя Николая, обновленную вмѣстѣ съ крѣпостію, при маго-

метанскомъ Царѣ Ростомѣ; доселѣ существуютъ ея развалины. Императоръ Ираклій взялъ приступомъ крѣпость, въ VII вѣкѣ, и это было первое ея паденіе; завоеватели Арабскіе, овладѣвъ столицею, укрѣпились въ вышгородѣ. Во время нашествія Сельджукидовъ Альпъ-арсланъ, раззорившій городъ, не пощадилъ и его твердыни, и большихъ усилій стоило Давиду возобновителю, исторгнуть ее изъ рукъ Турковъ. На краткое время овладѣлъ ею Султанъ Хорасанскій Джелаль-эддинъ, ознаменовавшій столькими ужасами свое владычество, и вскорѣ Царица Русуданъ должна была уступить Монголамъ развалины вышгорода и столицы; но хотя и подъ игомъ Монгольскимъ, завѣтная твердыня перешла опять въ руки природныхъ Царей, ибо Орда, тяготѣвшая всею массою своею на ихъ землѣ, не нуждалась въ сторожевыхъ бойницахъ. Иначе дѣйствовалъ свирѣпый Тамерланъ. Багратъ VI выдержалъ здѣсь кровопролитную его осаду и взять былъ въ орлиномъ гнѣздѣ своемъ; но сынъ его Георгій очистилъ опять вышгородъ отъ

полчищъ Татарскихъ. По усиленіи новой династїи Персидской Софіевъ, крѣпость Тифлисская досталась въ руки Шахъ-Измаилу и Шахъ-Тамазу, при завоеваніи ими столицы, и Царь Ростомъ, избранный Шахъ-Аббасомъ, озаботился ея обновленіемъ: всѣ доселѣ стоящія башни воздвигнуты вновь или поддержаны его мощною рукою. Въ свою очередь овладѣли крѣпостью Турки, но они пренебрегли древнимъ вышгородомъ, на гребнѣ утеса, и основали новый Метехскій замокъ, у самаго моста черезъ Куру. Съ тѣхъ поръ старая твердыня стала приходить въ упадокъ: уже при послѣднемъ Вахтангѣ законодатель, въ началѣ минувшаго столѣтія, она была въ жалкомъ положеніи. Великій Царь Ираклій старался нѣсколько поддержать ее, но послѣ раззоренія Персидскаго, крѣпость была опять оставлена, какъ бесполезная, и служитъ теперь только для храненія пороха.

Нѣсколько разъ подымался я къ подошвѣ горнаго замка, по крутымъ стезямъ стараго города отъ Виѣлеема, или съ противоположной стороны отъ ботаническаго

сада, и только однажды могъ проникнуть въ его внутренность, уже весною, передъ отъѣздомъ изъ Тифлиса, потому что ворота его всегда были заключены. Но трудное восхожденіе вознаграждалось чудными видами, особенно изъ садовой калитки на верху горы; нечаянность зрѣлища умножаетъ очарованіе и старожилы Тифлисскіе любятъ изумлять ею пріѣзжихъ. По тѣснымъ улицамъ базара, они обведутъ васъ около подошвы горы, увѣнчанной замкомъ, по другую ея сторону, гдѣ разведенъ, подъ навѣсомъ башень и скалъ, поэтическій садъ и, по уступамъ виноградныхъ терасъ, вы непримѣтно подыметесь къ городской стѣнѣ. Тогда отворятъ передъ вами калитку и, въ ея тѣсной рамѣ, внезапно представится чудное зрѣлище, раскинутого у ногъ вашихъ, Тифлиса и излучистой рѣки, и снѣжнаго хребта Кавказскаго, на дальнемъ горизонтѣ. Стѣна идетъ по самому гребню горы, какъ бы по лезвію меча, и потому никакъ нельзя ожидать за стѣною такого быстраго спуска и столь чудной панорамы.

Если же, съ вершины утесовъ, спуститься трудною стезею въ нижній городъ, на Метехскій мостъ, соединяющій его съ другою крѣпостію и предмѣстіемъ Авлабара: опять представятся взорамъ разнообразныя виды, исполненные воспоминаній историческихъ. Посмотрите къ полдню, куда мчится изъ-подъ моста бѣшеная Кура, съ шумомъ ударяя въ утесъ Метеха и потомъ въ противолежащій болѣе отлогій берегъ, испещренный домами и деревьями: очаровательна весною эта роскошная колоннада природы, изъ множества стройныхъ тополей и чинаръ, образуя нѣчто цѣлое, какъ бы нѣкія волшебныя палаты, у подножія стараго замка; сурово смотритъ на нихъ, съ недоступной вершины, сей каменный вѣнецъ Тифлиса, надвинутый рукою невѣдомыхъ Царей на острый гребень горы. Напротивъ его виситъ на скалѣ, надъ самой рѣкою, болѣе доступный замокъ Метехъ, освященный древнимъ храмомъ Богоматери, который стоитъ на краю пропасти, усмиряя собою бурное стремленіе водъ.

Посмотрите черезъ арку другаго моста, смѣло переброшеннаго съ утеса на утесъ, ибо тутъ только можно было оковать бурную рѣку: какъ издали она мчится по широкому руслу, готовая сокрушить всѣ преграды и самую скалу, на которой утверждены оба моста. Съ обѣихъ сторонъ широко раскинулись Тифлисъ и Авлабаръ, городъ и предмѣстье, одинъ украшенный древнею святынею своихъ храмовъ, другой, какъ бы еще въ младенчествѣ дикой природы, оживленный стадами верблюдовъ, которые съ крикомъ спускаются отъ горныхъ саклей на песчаный берегъ. Но болѣе величественное зрѣлище кончаетъ опять горизонтъ: тамъ дикій Кавказъ подьмлетъ къ небу свои вѣковыя вершины и въ ихъ промежуткѣ сіяетъ, на синемъ эфирѣ дѣвственными снѣгами, отовсюду видимый двуглавый Казбекъ. Посреди шумной суеты моста, по которому течетъ вся городская жизнь Тифлиса, невыразимо торжественна эта горная даль, ясная, тихая, какъ бы проблескъ вѣчности, сквозь разорванное покрывало времени.

Но что за часовня приникла къ скалѣ Метехской, какъ бы таинственный входъ въ подземелье? — Это память священнаго подвига: тутъ пострадалъ Св. мученикъ Або за вѣру Христову, отъ намѣстника Халифовъ; здѣсь усѣкли его мечемъ и сожгли его останки, и бросили самый пепелъ въ мимотекущую Куру.

СВ. АБО И ШУШАНИКА.

Отъ Магометанскихъ родителей происходилъ Св. Або, но призванъ былъ благодатию къ свѣту истины и, научившись съ дѣтства составлять благовонныя масти, удостоился помазанія истиннаго мѹра Христа. Юношей послѣдовалъ онъ изъ Багдада, за

владѣтелемъ Иверскимъ Нерсесомъ, сыномъ Адарнасія, изъ царскаго племени Сасанидовъ, котораго по трехлѣтнемъ заключеніи отпустилъ Халифъ, правительствовать въ бѣдствующей землѣ своей. Въ обществѣ Христіанъ, мало по малу, позналъ Або всѣ заблужденія своего закона и достоинство Христіанскаго. — Исповѣдуя его внутренно, онъ еще не рѣшался исповѣдаться явно въ Тифлисѣ, гдѣ тогда было мѣсто-пребываніе намѣстника Халифа; но когда новое нашествіе Арабское, принудило владыку его удалиться за хребетъ Кавказа, къ Царю Хозарскому, Або, вѣрный своему долгу, послѣдовалъ въ изгнаніе и внялъ въ странѣ языческой, для него безопасной, небесному званію. Онъ крестился между Хозарами и, пришедши въ Абхазію вмѣстѣ съ Нерсесомъ, къ православному владѣтелю Греческому, свободно предался благочестивому влеченію своего сердца: строгій постъ и молитвы были постояннымъ его упражненіемъ.

Господь, котораго пламенно возлюбилъ юный подвижникъ, готовилъ ему свѣтлый

вѣнецъ предназначенный, по словамъ Апостола, всѣмъ возлюбившимъ его пришествіе. Племянникъ Нерсеса, Стефанъ, избранъ былъ отъ Халифа правителемъ Грузіи, и убѣдилъ дядю возвратиться съ семействомъ въ отечественные предѣлы. Напрасно Нерсесъ и самъ владѣтель Абхазіи, тронутые благочестіемъ юноши, умоляли его не подвергать себя опасности въ Тифлисѣ, и довершить подвигъ молитвы въ Абхазіи: нѣкое тайное чувство влекло мученика на поприще, ему предназначенное; онъ какъ бы стыдился прежняго своего малодушія и мужественно послѣдовалъ въ Тифлисѣ за своимъ владыкою, гдѣ открыто сталъ исполнять всѣ заповѣди церковныя. Возгорѣлись яростію Магометане; они обвинили Або въ вѣроотступничествѣ предъ Эмиромъ, но еще при самомъ началѣ деньги и ходатайство владѣтеля Стефана извлекли его изъ темницы; оба Эристава опять убѣждали юношу удалиться въ Абхазію: Або остался непреклоннымъ и болѣе прежняго являлся ревностнымъ исполнителемъ истиннаго ученія, воспріятаго имъ отъ всего сердца.

Опять его представили на судилище Эмиру. «Размыслилъ ли ты о томъ, что предпринялъ?» спросилъ гнѣвный судія; «размыслилъ и есмь Христіанинъ, спокойно отвѣчалъ Або; если бы не въдалъ я, что творю, не былъ бы ученикомъ Христовымъ». — «Но знаешь ли, что тебя ожидаетъ смерть?» грозно возразилъ ему Эмиръ. — «Не умру, но живъ буду, отвѣтствовалъ юноша, ибо вѣрую, что если со Христомъ распнусь, съ нимъ и воскресну. Ты же твори, что умыслилъ надо мною; увѣщанія твои напрасны; пребуду непоколебимъ какъ та стѣна, къ которой ты прислонился.» — «Безумный, воскликнулъ Эмиръ, какую сладость находишь ты въ такомъ вольномъ самопожертвованіи?» — «Если хочешь познать сію сладость, вѣруй и крестись», отвѣчалъ юноша, и уже не было ему надежды на пощаду, послѣ такихъ обличеній.

Его отвели однако въ темницу на нѣсколько дней, чтобы дать время одуматься; ибо крайнимъ безчестіемъ было для Магометанъ, обращеніе ихъ единовѣрца къ

свѣту Христову; но сіи краткіе дни послужили ему только для приготовленія къ мученической кончинѣ; онъ провелъ ихъ въ непрестанной молитвѣ, бесѣдуя съ приходившими Христіанами, о предстоявшемъ ему подвигѣ. Наканунѣ, предузнавъ день своей кончины, Або просилъ, чтобы всѣ пресвитеры города Тифлиса, принесли о немъ умиловительную жертву Господу, и продалъ верхнюю свою одежду, для покупки ладона и свѣчъ. Въ самый день Богоявленія приобщился онъ тѣла и крови Христовой, которыя принесли ему изъ ближайшей церкви, и помазавъ главу свою благовоннымъ елеемъ, какъ бы на нѣкое торжество, сказалъ: «теперь я готовъ». — Въ ту же минуту явились воины и повели его къ Эмиру, для конечнаго исповѣданія имени Христова, и прямо изъ судилища на казнь. Радостно сталъ онъ на колѣни, сложилъ крестообразно руки и подклонилъ голову подъ мечъ, произнося молитву благоумнаго разбойника: «помяни мя Господи во царствіи твоємъ.» Трижды ударили его тупою стороною меча, надѣясь устра-

шить, въ четвертый отдѣлилась голова. Закопѣлые враги испросили тѣло его у Эмира, чтобы не сдѣлалось оно предметомъ уваженія Христіанъ, и сожгли близъ Метехскаго моста, пепелъ же бросили съ ожесточеніемъ въ Куру; но свѣтъ небесный облисталъ рѣку, и явилъ святость мученика, врагамъ имени Христова.

Новая крѣпость Метехская возвышается на скаль, надъ мѣстомъ страданія мученика Або, и мимо ея теперь пролегаетъ дорога на Авлабаръ и въ Кахетію. Путешественникъ Шарденъ пишетъ, что она была устроена въ 1576 году, славнымъ вождемъ Турецкимъ Мустафой Пашею, при покореніи Тифлиса, со многими другими замками въ Грузіи, и что въ его время дорога пролегала въ Персію, чрезъ самую крѣпость. Подчиненные Шахамъ Цари Иверскіе принуждены были встрѣчать ихъ посланниковъ, за вратами города, и при малѣйшемъ подозрѣніи могли быть удержаны въ стѣнахъ крѣпости. Она и теперь служитъ мѣстомъ заключенія всѣхъ преступниковъ; зданія ея обновлены Царемъ

Иракліемъ и потомъ опять при Русскомъ правительствѣ. Археологи Грузинскіе производятъ названіе Метехъ, отъ слова знаменующаго обрывъ, что сообразно съ мѣстностію; другіе же отъ Греческаго слова метохи или подворье, хотя здѣсь однако никогда не было пристанища пришельцевъ Греческихъ. Древняя церковь Вахтанга Гургъ-аслана, празднующая похвалъ Богоматери, и прозванная въ его время Геосиманіею, стоитъ на неровной скалѣ, какъ на подножіи, во всемъ величій простаго, но смѣлаго зодчества. Долго находилась она въ запустѣніи, ибо магометанскій Царь Шахъ-Навазъ обратилъ ее въ пороховое хранилище, и такъ оставалась она до времени Ираклія, который обновилъ ее, когда свергнулъ иго Персидское. Пострадавшая при нашествіи Аги — Магометъ — Хана, она опять была возобновлена благочестивымъ Царемъ Георгіемъ, и съ тѣхъ поръ постоянно совершается въ ней богослуженіе.

Куполъ храма сооруженъ былъ Царемъ Димитріемъ самопожертвователемъ, послѣ

нашествій Хорасанскаго и Монгольскаго, отъ коихъ пострадали всѣ церкви Тифлискія; но все прочее носитъ строгій характеръ временъ Вахтанга, и каменные внѣшнія украшенія соотвѣтствуютъ стройности и величію высокихъ сводовъ; замѣчательно внутреннее устройство обширнаго алтаря, съ углубленіемъ горняго мѣста и двумя отдѣленіями въ Греческомъ вкусѣ. Уже нѣтъ древней чудотворной иконы Богоматери Метехской, утраченной въ эпоху нашествій Персидскихъ; но въ бывшемъ діакониконѣ, гдѣ устроенъ былъ малый придѣлъ, возвышается доселѣ гробница, священная для народа Грузинскаго: тутъ поживаетъ подъ спудомъ святая Царевна Шушаника или Сусанна, пострадавшая въ VI вѣкѣ за вѣру Христову отъ мужа огнепоклонника. Преданія Грузинъ и Армянъ несогласны между собою о ея происхожденіи, ибо Церковь Иверская, совершающая память ея 28 августа, называетъ Сусанну дочерью Грузинскаго Царя, не упоминая впрочемъ какого (судя по времени можетъ быть Вахтанга); Армяне же говорятъ въ

житіяхъ святыхъ, что она была дочь знаменитаго ихъ вождя Вардана, Князя Мамигонскаго, который освободилъ отечество свое отъ ига Персовъ. Но и тѣ и другіе единодушны въ описаніи мученій, какія перенесла она отъ нечестиваго Васкена, владѣтеля Ранскаго или Карабаха, который измѣнилъ Христіанству, изъ угожденія Царю Персовъ, и даже вступилъ при жизни жены, во второй незаконный бракъ съ его дочерью.

Услышавъ горькую вѣсть о двойной измѣнѣ мужа своего, святая Шушаника удалась съ дѣтьми изъ царскихъ чертоговъ и припавъ къ алтарямъ, умоляла Бога отцевъ своихъ, спасти ее и дѣтей отъ ярости мучителя. Васкенъ, надѣявшійся сперва обольстить ее ласковымъ словомъ, велѣлъ потомъ силою привлечь въ палаты и, въ присутствіи брата своего, за то что не хотѣла раздѣлить съ нимъ трапезы, осыпалъ ее жестокими побоями, такъ что повредилъ ей глазъ и разбилъ голову желѣзомъ. Вступившійся братъ спасъ ее отъ смерти; истерзанную заключилъ Васкенъ въ

темницу; но тамъ обрѣла она Христіанское утѣшеніе въ бесѣдѣ Католикоса Самуила и духовника своего; самые стражи тронуты были ея твердостію и доставляли ей пищу; сама же она чуждалась пищи, какъ отъ избытка печали, такъ и потому, что гнушалась получать ее отъ невѣрныхъ; едва согласилась узница вкусить немного хлѣба и вина изъ рукъ духовника. Война Персовъ съ Греками отвлекла на время Васкена отъ своей области, и страждущая могла выдти изъ заключенія, чтобы поселиться опять подлѣ церкви, въ убогомъ домѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ ея была молитва, въ теченіи великаго поста; но къ страстной недѣлѣ возвратился мужъ и новыми жестокостями отягчилъ ея участь.

Ругаясь надъ святынею и священнослужителями, которые хотѣли вступить за Царевну, онъ опять повлекъ ее изъ храма во дворецъ и оттолкъ въ тюрьму, уже не только силою, но даже по землѣ и колючимъ терніямъ, которые раздирали ея одежду и нѣжные члены. Напрасно братъ его, однажды ее спасшій отъ ярости му-

жа, вступался за несчастную; онъ только могъ умолить мучителя, снять съ ея шеи тяжелыя цѣпи, подъ бременемъ коихъ она изнемогала; сама Царевна не захотѣла снять оковы съ ногъ своихъ, чтобы онъ служилъ ей свидѣтельствомъ и оправданіемъ на страшномъ судилищѣ Христовомъ. Шесть лѣтъ томилась она въ заключеніи, почти не вкушая пищи, посѣщаемая Епископами и подъ конецъ свыше облагодатствованная даромъ исцѣленій, которыя источала другимъ, сама же покрытая ранами, дабы исполнилось надъ нею Апостольское слово, что сила Божія въ немощи совершается. Многихъ утверждалъ въ вѣрѣ чудный примѣръ ея, но не тронулось сердце мучителя, совратившаго дѣтей своихъ къ огнепоклонству, доколѣ не постигла его достойная казнь. Въ седьмой годъ предала она Богу праведную душу, напутствованная святыми дарами отъ руки Епископа Іоанна, и онъ съ честію похоронилъ ее въ той церкви, близъ которой она столь долго томилась. Когда же произошло отдѣленіе Церкви Армянской отъ Православной, Ка-

толико съ Кирионъ перенесъ тѣло царственной мученицы въ Тифлисъ, въ Метехскій соборъ, и тамъ доселъ она почиваетъ во утвержденіе града, крѣпче той скалы, на коей основанъ храмъ.

Нѣсколько выше Метехской крѣпости, стоитъ на обрывѣ башня бывшаго дома Царицы Даріи, вдовы Ираклія; ея придворная церковь обращена, въ 1819 году, въ мужескую Преображенскую обитель, на мѣсто упраздненнаго монастыря Кавташевскаго. Онъ былъ основанъ Греческою Царевною Ириною, супругою Давида возобновителя, въ лѣсистомъ ущеліи, за пятьдесятъ верстъ отъ Тифлиса, но опустѣлъ отъ безпрестанныхъ нападеній Лезгинскихъ; теперь однако князья Тархановы усердствуютъ возобновить его на свое иждивеніе. Со времени упраздненія, святыня Кавташевская перенесена была въ новую обитель и доселъ хранится въ ея церкви. Чудотворная икона Божіей Матери, прославленная многими исцѣлѣніями, обличеніемъ лже-свидѣтелей и примиреніемъ враждующихъ, ежегодно бываетъ носима для молебновъ

въ окрестныя селенія упраздненнаго монастыря, ибо отъ нея чають они плодоносія полей своихъ. Она украшена богатымъ окладомъ и драгоценными камнями и, судя по ея древнему высокому письму, конечно была принесена Царевною изъ Константинополя, вмѣстѣ съ прочею святынею; надпись на ней свидѣтельствуешь только о позднѣйшемъ ея украшеніи:

«Облако свѣта, кивоте закона, купино неопальная, юже видѣ Моисей! мы, подъ кровъ твой прибѣгая, великаго и славнаго Царя Георгія сопрестольница, трехъ государствъ сардаря Микеладзева дочь, Царица Хварешана, соизволили украсить тебя всѣхъ красоту, надежду нашу, Кавт^иахевская Богородица, которую мы, видѣвъ отъ разбойниковъ разграбленною, вторично и нынѣ украсили честно, да и ты помози намъ предъ Сыномъ твоимъ и Царемъ нашимъ. Къ окончанію же украшенія сего приспѣла на насъ опредѣленная смерть, изъ ничтожнаго сего міра ишествіе; я, по кончинѣ моей, избираю предъ тобою покоище и здѣсь будетъ моя могила: Мати свѣ-

та, ты мнѣ помози. Отъ Адама 7203, отъ Р. Х. 1696. Скончалась же Февраля 24, въ первомъ часу, въ день недѣльный».

Подлѣ иконы хранятся, въ деревянномъ кивотѣ, черепа Св. Апостола Фомы и Св. Михаила Малеина, и кость Великомученика Георгія, перенесенные также изъ обители; но лучшее ея сокровище поставлено въ другомъ кивотѣ, на горнемъ мѣстѣ алтаря. Это часть деревяннаго диска или блюда, послужившаго для Тайной вечери Христовой, которое, по благочестивому преданію, перенесено было изъ Іерусалима въ Царьградъ, а оттолѣ супругою Давида въ Грузію, и положено въ основанномъ ею монастырѣ Кавтаховскомъ. При нашествіи Тамерлана, святыня сія закладена была, съ драгоценною утварію, въ пещерѣ близъ монастыря, и обрѣтена нечаянно при послѣднихъ нападеніяхъ Лезгинскихъ, иноками, которые хотѣли найти въ горѣ болѣе потаенное мѣсто, для сокрытія остальныхъ сокровищъ. Вѣтхость блѣднаго дерева, какъ бы источеннаго временемъ, свидѣтельствуетъ о глубокой древности священнаго блюда: оно

обломано неправильно, имѣтъ въ длину одинъ аршинъ, въ ширину же четверть, а въ толщину около полувершка, исключая выгнутого ободка, который нѣсколько толще. Все блюдо покрыто было, уже въ послѣдствіи, тонкимъ серебрянымъ листомъ съ позолотою, на которомъ вычеканены были цвѣты и фигуры: еще видно между ними крыло ангельское, и на ободкѣ въ кругахъ были лики Апостоловъ, но теперь уцѣлѣлъ только одинъ ликъ Апостола Петра; надпись Грузинская, слѣдственно украшеніе сдѣлано уже въ Грузіи.

Если, по давности времени и бѣдственнымъ обстоятельствамъ края, утрачены письменные документы о семъ сокровищѣ, или можетъ быть хранятся въ какомъ либо невѣдомомъ архивѣ монастырскомъ, то нѣтъ причины сомнѣваться въ благочестивомъ преданіи, сохранившемся до нашихъ временъ. Столько святыни Греческой перенесено было въ Грузію, черезъ супружество ея владѣтелей съ Царевнами, и сами Цари такъ ревностно пріобрѣтали подобныя сокровища, паче золота и серебра, что

нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ нахожде-
ніи сей драгоцѣнной святыни въ Тифлисѣ.
При начальномъ обращеніи страны, не бы-
ли ли присланы изъ Царьграда гвозди и
подножіе креста? При Багатѣ великомъ,
Давидѣ и Тамари, весьма много священ-
ныхъ предметовъ досталось въ наслѣдіе
Грузіи, и должно отдать ей справедливость,
что она умѣла сохранить ихъ, не смотря на
всѣ ужасы нашествій Монгольскихъ и Та-
мерлановыхъ и Персидскихъ; ради сихъ
залоговъ сохранилась и она сама, посреди
ея разгромовъ.

Говоря о сокровищахъ *Кавтисхевскихъ*,
сохраняемыхъ въ Преображенскомъ мона-
стырѣ, упомяну и о той святынѣ, которая
еще уцѣлѣла въ Сіонскомъ соборѣ, послѣ
всѣхъ его раззореній; должно однако ска-
зать, что она перенесена была въ соборъ
послѣ нашествія Персидскаго. Такимъ об-
разомъ Провидѣніе спасло лучшее сокрови-
ще Грузіи: виноградный крестъ Св. Нины,
возвращенный изъ Россіи, и списокъ съ не-
рукотворенной иконы Спасовой, взятый въ
Сіонъ изъ подворья Марткобскаго. Не весь-

ма давно поступила туда еще одна древняя икона Богоматери, съ ликомъ Св. Нины, на задней позлащенной доскѣ; она долго находилась въ кафедральной церкви бывшей Ниноцминдской епархіи, нынѣ упраздненной въ Кахетіи, и взята была оттолѣ послѣ паденія сводовъ древняго храма, устроеннаго изъ языческаго капища, при самомъ началѣ Христіанства въ Грузіи. Внутри сей складной иконы хранится еще болѣе драгоцѣнное сокровище: довольно большая часть животворящаго креста, съ частицами мощей вокругъ него расположенныхъ: Великомученика Георгія, Св. Θεодора, Евстаѳія, безсребренныхъ и сорока мучениковъ, Христофора и Параскевы, Евѳиміи, Игнатія, Евгенія и Ермолая. Трогательная надпись, внутри и снаружи иконы, свидѣтельствуетъ о усердіи Царя Арчила, богато ее украсившаго въ 1678 году. Такова его молитва, начертанная кругомъ креста:

«О животворящее древо, не лиши меня жизни, какъ перваго отца нашего Адама, но буди мнѣ помощникъ и покровитель въ

сей и будущей жизни; равно и вы, все множество мучениковъ, будьте ходатаями предъ Богомъ Царю Арчилу». Хроникона годъ 365. И къ святой просвѣтительницѣ Нинѣ молитвенно онъ взываетъ: «Святая равноапостольная Нина, буди ходатайницею въ объ жизни, Царю Арчилу, который пожертвовалъ симъ, во спасеніе души своей, и, въ преслѣяніе царства своего, украсилъ образъ твой».

Замѣчательны, въ ризницѣ Сіонской, нѣсколько древнихъ папагій и митръ, изъ коихъ одна, окованная золотомъ съ вѣнцемъ вокругъ, перенесена была изъ Алавердскаго собора, не смотря на завѣтную клятву на ней начертанную. Ее пожертвовала Царевна Елена, супруга несчастнаго Давида, падшаго въ битвѣ съ Царемъ Ростомомъ Магометаниномъ, въ Кахетіи, предъ лицомъ великаго Теймураза отца своего, который бѣжалъ потомъ въ Россію. Туда удалилась и Елена съ сыномъ своимъ Иракліемъ, въ послѣдствіи воцарившимся въ Тифлисѣ, и, какъ видно изъ надписи, устроила митру сію на Русскія деньги:

«Царя Царей Государя Теймураза и Царицы Царицъ Хорошани, дщери Грузинскаго Государя, невѣстка, сына и первенца ихъ Царя Давида, супруга Елена Царица, дщерь Діасамидзева, пожертвовала Великомученику и побѣдоносцу Георгію Алавердскому, въ поминовеніе сихъ Государей и сына моего. Содѣлано въ воспоминаніе свѣтлѣйшихъ Царевичей Луарсаба и Георгія, и Царицы Нестаръ-Дареджани, и во здравіе сына моего Царя Ираклія и семейства его, и во здравіе Царицы Кетевани и въ воспоминаніе души моей, въ то время, когда отъ великаго Государя Россійскаго я пріѣхала къ Шаху-Сулейману въ Испагань, и тамъ заказала сдѣлать изъ всего мною пріобрѣтеннаго. Хроникона 371.»

ПРАЗДНИКИ. СВ. ГОРА ДАВИДОВА.

Около праздника Рождества Христова пріѣхалъ въ Тифлисъ Патріархъ Армянскій и всѣ почетные граждане устремились къ нему на встрѣчу, къ Эриванской заставѣ. Пѣшій, окруженный духовенствомъ, которое несло надъ нимъ балдахинъ, возшелъ онъ въ кафедральную обитель Пашаванкъ, гдѣ устроилъ себѣ жилище, когда еще былъ Архіепископомъ Тифлиса. Неизвѣстно когда и кѣмъ она основана, но, по Армянскому переводу слова, означаетъ мо-

настырь Паши; путешественникъ Шарденъ говоритъ, что есть преданіе о нѣкоемъ Па-шѣ, тронутомъ истиною вѣры Христовой, который далъ будто бы средства къ устрой-енію обители. Положеніе ея на берегу рѣ-ки живописно; она обнесена оградой и, кромѣ обветшавшей церкви Св. Іакова Ни-зівійскаго, имѣетъ еще довольно обшир-ный и величественный соборъ Богоматери, въ которомъ совершаются всѣ духовныя торжества Армянскія. Но престарѣлый Па-тріархъ не принималъ въ нихъ дѣйстви-наго участія, какъ по слабости здоровья, такъ и потому что не имѣлъ при себѣ до-вольно Епископовъ, для соборнаго служе-нія. Обыкновенно двѣнадцать Архіереевъ становятся по сторонамъ его у олтаря; въ Тифлисѣ же ихъ находилось съ пріѣзжими не болѣе четырехъ. Архіепископъ города, Карапетъ, который привелъ съ собою изъ Эрзерума многія тысячи Армянъ въ Ахал-цихъ, послѣ славной войны Турецкой, со-вершалъ богослуженіе.

Сиротливъ для Армянъ всерадостный праздникъ Рождества Христова, потому что

держась стараго обычая, не хотятъ они праздновать день сей вмѣстѣ со всѣми Христіанами, отдѣльно отъ Богоявленія. Это особенно было замѣтно въ Тифлисѣ: всѣ свѣтскія власти, прямо отъ Экзарха, послѣ литургіи соборной, почли обязанностію поздравить и Патріарха, съ столь великимъ днемъ. Старецъ, окруженный своимъ домашнимъ клиромъ, принималъ ихъ поздравленія и потомъ самъ ѣздилъ всѣхъ поздравлять; а между тѣмъ день сей былъ даже постнымъ у Армянъ, по случаю приближавшагося праздника Богоявленія. Торжество крещенія совершалось у нихъ, съ возможнымъ великолѣпіемъ и съ обрядами, которые отчасти напоминали наши, ибо и у нихъ выходили также, съ крестами и хоругвями, на Іордань. Одно только казалось страннымъ, хотя это есть болѣе обычай народный, сдѣлавшійся обрядомъ, нежели постановленіе церковное: почетный гражданинъ избирается при торжествѣ, для воспріятія изъ воды освящающаго ее креста, какъ бы самаго крещаемаго Господа, и онъ даже называется въ этотъ день вос-

пріемникомъ, богатыми дарами вознаграждая церковь за такую почестъ.

По распоряженію Экзарха, заботящагося о благолѣпіи церковномъ, весьма величественно было шествіе духовенства православнаго изъ Кашветской церкви Св. Георгія, что на горѣ противъ дворца Намѣстника, къ рѣкѣ и черезъ мостъ, на ея противоположный берегъ. Тамъ устроена была Іордань и стояли войска, ожидавшія окропленія своихъ знаменъ; весь берегъ унизанъ былъ народомъ и особенно живописными представлялись утесы, близъ дома послѣдняго Царя Георгія, покрытые женщинами въ бѣлыхъ чадрахъ, какъ бы призраками. Когда духовная процессія проходила черезъ мостъ, съ обѣихъ сторонъ рѣки, толпа всадниковъ проскакала по водамъ подъ мостомъ, подобно тому какъ у насъ припадаютъ на пути подъ иконы, чтобы принять ихъ осѣненіе; но въ воинственномъ народѣ Закавказскомъ и самые обряды духовные носятъ отпечатокъ ихъ ратнаго духа. При звукѣ колоколовъ и громъ пушекъ погрузили животворящій

крестъ и множество народа устремилось въ рѣку, для купанія въ освященныхъ водахъ. День былъ ясный, хотя и холодный; вдали старецъ Казбекъ, въ снѣжномъ вѣнцѣ своемъ, смотрѣлъ изъ-за горнаго хребта, на сію великолѣпную картину.

Вскорѣ послѣ праздника пріѣхалъ изъ Мингреліи Владѣтель ея Давидъ Дадіанъ, недавно утвержденный въ наслѣдіи предковъ, грамотою Императорскою, послѣ кончины отца своего Левана. Въ домъ Князя Чавчевадзе, на прекрасной дочери коего онъ женатъ, имѣлъ я случай познакомиться съ симъ пріятнымъ и образованнымъ Княземъ, который любитъ чтеніе духовное и знаетъ нашу литературу. Іерусалимъ, постоянная цѣль его желаній, послужилъ для нашего сближенія, ибо въ частыхъ о немъ бесѣдахъ мы коротко узнали другъ друга. Владѣтель звалъ меня къ себѣ въ Мингрелію, и я пользовался его обширными знаніями отечественной древности, чтобы прояснить себѣ нѣкоторыя темныя мѣста лѣтописи сего края, особенно послѣднихъ временъ; ибо тамъ все основано на преданіи, кото-

рое наиболѣе соблюдается во владѣтельныхъ домахъ. Иногда мы посѣщали вмѣстѣ святыню Тифлисскую, и однажды, въ день его Ангела, святаго Давида Возобновителя, 26 января, прямо изъ церкви Князя Намѣстника, пошли помолиться на гору Св. Давида Гареджійскаго.

Много было другихъ причинъ, кромѣ собственнаго праздника, причинъ болѣе близкихъ сердцу, которыя побуждали Дадіана идти на молитву въ гору: исцѣленіе любимой супруги, только что возвратившейся отъ вратъ смертныхъ, и рожденіе сына, наследника Мингреліи; но какъ никогда не бываетъ совершенною радость человѣческая, ибо по словамъ пѣсней церковныхъ: «кая житейская сладость бываетъ печали непричастна?» въ тотъ же день пришла ему горькая вѣсть, о кончинѣ ближайшаго родственника и друга. Медленно подымались мы, по крутой извилистой стезѣ, къ уединенной церкви, ибо труденъ горный восходъ сей, какъ всякій путь ко спасенію. Мы шли и бесѣдовали, о подвигахъ отшельника Гареджій-

скаго, который здѣсь основалъ сперва орлиное гнѣздо свое, доколь клевета народная не побудила его оставить неблагодарныхъ, не умѣвшихъ оцѣнить его благодатнаго между ними жительства. Когда мы останавливались иногда, на поворотахъ крутой стези, для краткаго отдыха, глазамъ нашимъ представлялась, очаровательная панорама Тифлиса, и та изящная церковь Кашветская Великомученика Георгія, которая была вновь сооружена, усердіемъ Князей Амилахваровыхъ, на самомъ мѣстѣ обличенія жены, оклеветавшей отшельника.

Отъ подвиговъ первыхъ пустынножителей, непримѣтнымъ образомъ, перешла наша рѣчь и къ новымъ искателямъ спасенія, трудною стезею иночества. Я говорилъ Владѣтелю, о устрояемой въ Мцхетѣ, послѣ многихъ годовъ ожиданія, обители женской, единственной во всей Грузіи, при бывшей келліи равноапостольной Нины, и спросилъ его: справедливо ли то, что рассказываютъ о настоятельницахъ, такъ какъ она происходитъ изъ княжескаго ро-

да Мингреліи, Пагава? Владѣтель подтвердилъ мнѣ сію трогательную повѣсть, достойную первыхъ временъ Христіанства, и она глубоко напечатлѣлась въ моемъ сердцѣ.

«Я самъ, говорилъ онъ, былъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ происшествіи, и первый открылъ ея убѣжище, а потому лучше всѣхъ могу засвидѣтельствовать истину. Вы видѣли остатки необычайной красоты, на изнуренномъ лицѣ ея, уже въ зрѣлыхъ теперь лѣтахъ, и можете судить что она была прежде. Мать страстно ее любившая, на нее возлагала всю будущую надежду своего дома, и старалась заблаговременно найти ей именитаго жениха: но Богъ судилъ иначе, и вмѣсто земнаго она обручилась небесному. По обычаю нашей земли, Княжна была помолвлена еще въ дѣтствѣ, за Князя Сванетскаго, но онъ умеръ скоропостижно. Въ другой разъ обручили ее родители съ однимъ изъ почетныхъ Князей Мингрельскихъ; но и этотъ женихъ, по несчастному случаю, убился на охотѣ. Княжна приняла это за указаніе

промысла Божія и не хотѣла болѣе связывать себя узами брака, хотя мать сильно настаивала выдать ее за мужъ. Видя непреклонность дочери, проистекавшую отъ ея чрезвычайной набожности, она отправила ее къ старшей замужней сестрѣ и, въ теченіе цѣлаго года, не велѣла пускать въ церковь, чтобы развлечь ея благочестивую склонность. Но какъ обыкновенно бываетъ, гоненія за вѣру, только утвердили ее въ вѣрѣ.

Вѣсть о томъ дошла до моей матери, которая и прежде слышала о набожности молодой Княжны. Какъ Владѣтельница Мингреліи, она употребила свое вліяніе, чтобы освободить ее изъ заточенія; но хотя и повиновалась Княгиня, однако не переставала, домашними непріятностями, принуждать дочь свою къ замужству; уже найденъ былъ и третій женихъ, также изъ Князей Мингрельскихъ: тогда рѣшилась бѣжать изъ дома родительскаго Княжна Дарія. Въ мужеской одеждѣ успѣла она ускользнуть изъ подъ строгаго надзора и, присоединившись къ аrobщикамъ, которые

везли свои товары въ Тифлисъ, достигла съ ними Мцхета, тѣмъ же путемъ и также съ людьми чуждыми, какъ нѣкогда пришла туда и блаженная Нина. При малой келліи святой просвѣтительницы нашей обитала тогда благочестивая старица, ей соименная, и съ нею нѣсколько непостриженныхъ сестеръ, которыя питались трудами рукъ своихъ и воспитывали при себѣ малолѣтнихъ дѣвицъ, научая ихъ грамотѣ и рукодѣлю. Тутъ укрылась Княжна, рассказавъ старицѣ свои приключенія и какъ рѣшилась она наконецъ посвятить себя единственно на служеніе Богу. Не могла отказать ей въ пристанищѣ та, которая сама себя посвятила молитвѣ, и такъ протекло пять лѣтъ, въ теченіе коихъ жители убогаго селенія Мцхета, привыкли видѣть прекраснаго мальчика, который ходилъ иногда на базаръ, для закупки мѣстныхъ припасовъ ихъ малой обители.

Между тѣмъ безутѣшно было семейство Княжны, ибо всѣ поиски о ней въ Мингреліи остались тщетными: ее уже оплакивали какъ мертвую; но еще носилась од-

нако темная молва, будто она жила въ Карталиніи. Я былъ тогда при особѣ Главнокомандующаго и мнѣ пришло на мысль, остановиться въ Мцхетѣ, чтобы спросить у настоятельницы; не слыхала ли она что либо о Княжнѣ Мингрельской? При первомъ моемъ вопросѣ она смутилась и съ безпокойствомъ начала смотрѣть на одну изъ сестеръ, какъ бы спрашивая ее: открытъ ли тайну? Когда же я сталъ настоятельно требовать отъ нее сознанія, добрая старица рассказала мнѣ истину и доставила случай видѣть Княжну. Она обрадовалась мнѣ, но вмѣстѣ испугалась, полагая что я хочу ее принудить возвратиться домой; но я ее успокоилъ и обѣщалъ ходатайствовать у ея матери, чрезъ посредство моей; дѣйствительно Владѣтельница убѣдила Княгиню, не тревожить болѣе своей дочери, потому что уже прошло довольно времени для ея испытанія. Съ тѣхъ поръ она оставалась при настоятельницѣ Нинѣ, до ея кончины и заступила ея мѣсто.»

«Мнѣ пріятно дополнить вамъ эту тро-

гательную повѣсть, сказалъ я. До сихъ поръ одна только община, не утвержденная на правахъ монастырскихъ, находилась при келліи Св. Нины, скудно питаясь трудами рукъ своихъ. Теперь же, по благословенію Св. Синода, Экзархъ рѣшился устроить здѣсь настоящую обитель женскую, единственную во всей Грузіи: въ день Апостола Андрея Первозваннаго, просвѣтившаго вашу Мингрелію и отечество наше свѣтомъ Христіанства, Княжна Дарія и шесть при ней сестеръ были пострижены въ соборъ Мцхета, настоятелемъ пустыни Гареджійской, благочестивымъ старцемъ Архимандритомъ Іоанномъ. Экзархъ уступилъ имъ собственный домъ Католиковъ для жительства, пока обновится ихъ убогое жилище, и предполагаетъ обновить самый соборъ Самтаврскій, первую митрополию Иверіи, при которой будетъ находиться обитель инокинь, возникшая подлѣ келліи Св. Нины».

Бесѣдуя такимъ образомъ мы непримѣтно достигли вершины горы, гдѣ вмѣсто убогой часовни, поросшей кустарни-

комъ, основана была, въ началъ нынѣшняго вѣка, церковь во имя Преображенія. Не было священника и потому не могли мы взойти въ ея внутренность, но одна изъ старицъ, при ней живущихъ, отворила намъ желѣзную рѣшетку пещернаго склепа подъ церковью. Тамъ юная и прекрасная вдова знаменитаго автора нашего, столь бѣдственно погибшаго въ Персіи, соорудила ему изящный памятникъ. Конечно она хотѣла изобразить себя, въ образъ молодой женщины, простертой, съ выраженіемъ скорби и покорности, у подножія распятаго Господа, и трогательна надпись на бронзовомъ мавзолеѣ: «творенія твои сдѣлали тебя бессмертнымъ для твоего отечества; но для чего могла пережить тебя твоя Нина!»

Всякій четвертокъ исключительно посвященъ памяти Св. Давида, потому что въ четвергъ послѣ Пятидесятницы совершается его праздникъ, и отъ ранняго утра до поздняго вечера, можно видѣть здѣсь длинную вереницу богомольцевъ, особенно женщинъ, въ ихъ бѣлыхъ покрывалахъ; онѣ

какъ тѣни живописно поднимаются и спускаются по витой стезѣ, ведущей къ горней церкви отшельника. Съ благоговѣніемъ приложились мы къ древней иконѣ Св. Давида Гареджійскаго, которая по случаю обновленія церкви, перенесена была въ подземельный склепъ; потомъ помолились и надъ прахомъ усопшаго, о спасеніи души его.

Я познакомился съ незабвеннымъ Грибоѣдовымъ, въ цвѣтушіе годы молодости, посреди роскошной природы Крыма, и знакомство его оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Мы совершили съ нимъ нѣсколько пріятныхъ поѣздокъ, въ очаровательныхъ долинахъ Таврическихъ, и вмѣстѣ восходили на горный шатеръ Чатырдага. Онъ былъ тогда въ полномъ блескѣ своей литературной славы: его Горе отъ ума переходило изъ устъ въ уста и обратилось въ пословицу; но всѣ его мечты стремились въ Грузію, къ тому предмету, который одушевлялъ его восторги; онъ пламенно звалъ меня туда, за Черное, предъ нами разстилавшееся море, за снѣжные верхи Кавка-

за. . . и вотъ я исполнилъ теперь давнее его желаніе, но я стоялъ уже надъ его могилой! — Три года спустя, я увидѣлъ его, на нѣсколько минутъ въ Москвѣ, когда лѣтъ онъ курьеромъ, съ радостною вѣстію о заключеніи мира съ Персіею; потомъ еще нѣсколько минутъ, на обратномъ пути его въ Грузію, когда уже онъ былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при дворѣ Персидскомъ, и полный радостныхъ надеждъ видѣлъ предъ собою близкое ихъ исполненіе. . . онъ исполнились! — Но не прошло года, и въ Яссахъ достигла до меня горькая вѣсть о его ужасной кончинѣ. — Миръ тебѣ, кратко блеснувшій намъ гений! да успокоитъ и тебя, въ одной изъ многихъ своихъ обителей, всемилостивый Искупитель, къ ногамъ коего припала твоя плачущая вдова.

Я пригласилъ Князя взойти въ пещеру, гдѣ изъ разсѣлины утеса струится вода, испрошенная молитвою Св. Давида. Накопляясь въ сердцѣ камней, въ природномъ водоемѣ, въ которомъ можно видѣть, сквозь пробитое отверстіе, всю ея кристальную

свѣжестъ ; она истекаетъ оттолѣ тонкою струею, какъ бы самыя слезы святаго отшельника, проливаемые о своихъ грѣхахъ и всего міра; это тихое журчаніе, вмѣстѣ съ отрадною свѣжестію, внушаетъ сладкое чувство, подѣ низменными сводами пещеры. Утѣшительно тамъ для души, хотя на краткую минуту, заключиться въ самой себѣ; если же и видѣть предѣ собою міръ, то не болѣе, какъ сколько открывается онъ изъ сей уединенной келліи.

Что же представилось намъ изъ устья пещеры, во глубинѣ разступившагося подѣ нами ущелія? Сперва нѣсколько виноградниковъ, уступами сбѣгавшихъ къ подошвѣ горы; потомъ, по мѣрѣ того, какъ расширялась горная разсѣлина, открылась часть города, обогнутая крутою дугой серебрястой рѣки, какъ бы напряженною тетивою лука, готоваго выстрѣлить. Влажная дуга сія, блиставшая лучами солнца, простиралась отъ высокихъ тополей инженернаго сада, гдѣ погребенъ послѣдній магометанскій Царь Іессей, мимо монастыря Армянскаго, гдѣ обитаетъ нынѣшній Патріархъ

Нерсесь, до собора Анчисхатскаго, бывшаго подворьемъ Католикосовъ Грузинскихъ. Сколько воспоминаній на столь маломъ пространствѣ! Тутъ и послѣднее безчестіе Грузіи, въ лицѣ ея невольнаго отступника Царя, зарытаго въ саду, вдали отъ гробовъ своихъ предковъ, которыхъ вѣрь онъ измѣнилъ. Тутъ и восточная обитель, главы духовной народа, нѣкогда сильнаго, уцѣлѣвшаго остатками своихъ столицъ, южные предѣлы наши. Тутъ же наконецъ, въ обители православныхъ Католикосовъ, одна изъ величайшихъ святынь Грузіи, икона, по мѣстному благочестивому преданію, напечатлѣвшаяся отъ прикосновенія къ подлиннику Эдесскому! Ближе къ намъ красовалась бѣлая церковь Кашветская, стройнымъ своимъ станомъ выходившая изъ прочей массы зданій. Живописная груда Азіатскихъ и Европейскихъ домовъ, между коими тянулись, на подобіе древняго Римскаго водопровода, многочисленныя арки каравансарая, дополняли собою разнообразіе своенравной картины; а вдали, позади раскинутаго по высотамъ предмѣстія Авла-

барскаго, пустынное кладбище, неминуемая цѣль человѣческой жизни, могильными своими камнями напоминало, чтобы не слишкомъ увлекались взоры, красотами житейскими.

Наступила масленица и начались увеселенія, которыхъ не было въ теченіе цѣлой зимы. Блистательный балъ данъ былъ Княземъ Намѣстникомъ, и конечно лучшіе балы сѣверной столицы должны уступить ему по оригинальности, ибо тутъ соединились Азія и Европа, со всѣми очарованіями поэтическаго Востока. Царевны и Княжны Грузинскія, въ ихъ отечественной одеждѣ, и Армянскія почетныя дамы, владѣтельные и упраздненныя Ханы нѣкоторыхъ окрестныхъ ханствъ, Султаны отъ рода Гиреевъ Крымскихъ, живущіе между Черкесами, и Уцмїи, происходящіе отъ Халифовъ, Беки Татарскіе, напоминающіе времена Монголовъ, и дикіе Горцы, Лезгины, Осетины, Чеченцы и Кабардинцы, въ своихъ воинственныхъ нарядахъ, составляли пеструю, но величественную массу; они знаменовали собою присутствіе Намѣстника

Великаго Царя, котораго держава, начина-
ясь отъ льдовъ Океана, простиралась до
внутреннихъ пустынь Азіи и небесной им-
періи Китая. Нигдѣ болѣе, какъ въ Тифли-
сѣ, въ залахъ Князя Намѣстника, нельзя
быть поражену, пышнымъ разнообразіемъ
столькихъ племенъ, покорныхъ маію од-
ного Владыки.

Привѣтливое обращеніе знаменитаго хо-
зяина и его благородной супруги, одуше-
вляя все сіе странное общество, соединяло
его въ одно цѣлое. Должно сказать прав-
ду: внутреннее сознаніе своего достоинства
и высокаго рода, которое никогда не мо-
жетъ уронить себя, потому что оно врож-
дено и есть неотъемлемая собственность,
внушало и здѣсь, радушнымъ хозяевамъ,
снисходительность къ низшимъ и вниманіе
къ древнимъ родамъ, равно Христіанскимъ
и Магометанскимъ; это самое пріобрѣтало
имъ любовь сихъ представителей минувша-
го величія своихъ предковъ, ибо ничто не
уважается столько на Востокъ, какъ древ-
ность рода, восходящая часто до басно-
словныхъ временъ.

Посреди шумнаго вихря Европейскихъ танцевъ, внезапно дикіе звуки восточной музыки прерывали стройный оркестръ; звуки сіи, непріятные для нашего слуха, имѣли особенную прелесть для Азіатцевъ, и замѣтно было какъ начинали сверкать ихъ огненные глаза, при первомъ сотрясеніи струнъ роднаго инструмента. Тогда составлялся тѣсный кругъ, на срединѣ обширной залы, и лучшіе плясуны, всякаго возраста и званія, являлись одинъ за другимъ на скользкое поприще, сперва робко озираясь во всѣ стороны, а потомъ смѣлые и свободные въ своихъ движеніяхъ, какъ бы въ родномъ ущеліи предъ своимъ ауломъ. Лезгины и Чеченцы плясали свою народную пляску, въ ея начальной простотѣ, и вотъ, вслѣдъ за ними выступали юноши и дѣвы Грузинскіе, которые уже примѣнили сію дикую пляску къ болѣе образованному духу своего общества; они смягчили, выраженіемъ болѣе нѣжныхъ чувствъ, смѣлую отвагу тѣлодвиженій, которая выражала одно только стремленіе къ битвамъ. Здѣсь можно было разгадать начальное

происхожденіе пляски, у народовъ болѣ близкихъ къ первобытному ихъ состоянію, которая у насъ образованныхъ обратилась въ безцвѣтное и безотчетное увеселеніе. Когда же, при выходѣ изъ ослѣпительнаго блеска залы и ея душной атмосферы, васъ обвѣвала благовонная прохлада Грузинской ночи и надъ вами сверкало яркое звѣздное небо: эта чудная природа будто упрекала человѣка, какъ можетъ онъ равнодушно жертвовать ея чистыми наслажденіями, для насильственно изобрѣтенныхъ увеселеній, которыя по мѣрѣ образованія все болѣе и болѣе удаляютъ отъ природы.

Послѣдніе дни масляницы были до такой степени благорастворены теплотою весеннею, хотя это было въ первыхъ числахъ февраля, что уже можно было ожидать полнаго развитія весны; но холодный мартъ, безумный, какъ его называютъ Грузины, своими порывистыми вѣтрами и дождями, напомнилъ намъ, что всякая страна платитъ дань своему климату. Почти весь великій постъ прошелъ въ такомъ ненастьи, и это воспрепятствовало мнѣ со-

вершить нѣсколько поѣздокъ, въ Манглись и на развалины древней крѣпости Орбельяновъ въ Сомхетію. Однако, на шестой недѣль, возвратилось опять красное время и страстная недѣля особенно вознаградила за всѣ непогоды. Чувствуя уже въ себѣ болѣзнь, я пользовался, сколько могъ остатками силъ до Пасхи, чтобы исполнить Христіанскій долгъ говѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать, въ свободныя минуты, за богослуженіемъ Церкви Армянской, въ присутствіи ея Патріарха, какъ я это дѣлалъ и въ Римѣ предъ лицомъ Папы, ибо мнѣ не могъ представиться другой болѣе удобный случай.

Особенно трогателенъ показался мнѣ обрядъ Армянскій умовенія ногъ, хотя онъ и не столь близокъ, какъ у насъ, къ точному исполненію словъ евангельскихъ. Дѣйствіе сіе происходитъ во время вечерни и довольно продолжительно, ибо составлено изъ чтенія паремій, Апостола и Евангелія, относящихся къ предмету. Возвышеніе устроено было въ церкви, наравнѣ съ алтаремъ, и двѣнадцать стульевъ поставле-

ны по сторонамъ Патріаршаго кресла. На сей разъ самъ престарѣлый Нерсесъ принялъ участіе въ священнодѣйствіи. По недостатку Епископовъ, пресвитеры заступали ихъ мѣсто; Епископы были въ мантияхъ, а священники въ ризахъ; каждый изъ нихъ садился по очереди на патріаршее мѣсто; Патріархъ же, въ полномъ облаченіи, ради смиренія сидѣлъ на коврѣ, у подножія креселъ, и омывъ ноги возсѣдавшаго на его каѳедрѣ, цѣловалъ ихъ; но мнѣ показалось страннымъ, что послѣ сего онъ ихъ еще помазывалъ масломъ, и не древеснымъ а коровьимъ, котораго употребленіе несвойственно для церкви. Когда же окончилъ умовеніе, онъ сѣлъ на свою каѳедру, и старшій изъ духовенства, Архіепископъ Тифлиса, облачившись въ свою чреду, омылъ ему ноги, въ знакъ почести, подобающей отъ ученика верховному учителю. Великолѣпіе одежды патріаршей, изъ Индѣйской парчи, и его митры, унизанной жемчугомъ, на которой вышиты подвиги святаго просвѣтителя Арменіи, соотвѣтствовало величавой наружности старца; онъ вполнѣ былъ

проникнуть совершаемымъ дѣйствіемъ и внушалъ невольное благоговѣніе.

Менѣе торжественна была церемонія великаго пятка, на которой только присутствовалъ, а не дѣйствовалъ Патріархъ. По окончаніи паремій, четыре Епископа въ облаченіяхъ съ двѣнадцатю священниками, въ свѣтлыхъ а не черныхъ ризахъ, подняли съ возвышенія алтарнаго плащаницу, совершенно нашу, ибо на ней были вышиты и буквы Славянскія. Патріархъ, въ багряной мантии, съ посохомъ въ рукахъ, слѣдовалъ за ними, сопровождаемый почетными гражданами; весь дворъ былъ наполненъ народомъ, особенно женщинами въ бѣлыхъ покрывалахъ. Всякое погребальное шествіе умирительно, кольми паче Христово, по воспоминанію крайняго смиренія Божественнаго страдальца, ради насъ недостойныхъ. Старецъ, духовная глава народа, долженствующій представлять для него, своимъ саномъ Того, за чьимъ гробомъ онъ шелъ, возбуждалъ много благочестивыхъ думъ. Но самые обряды не имѣли желаннаго благолѣпія и нестройность тол-

пы безпрестанно нарушала порядокъ, ибо служба вечерняя довершалась внѣ храма, на площадкѣ предъ вратами; тутъ читано было евангеліе надгробное. Духовенство выстроилось въ два ряда, отъ дверей церковныхъ къ плащаницѣ, имѣя во главѣ Патріарха. Архіепископъ ходилъ нѣсколько разъ окадить плащаницу, клиръ и народъ, и когда приложился къ ней Патріархъ, шествіе возвратилось тѣмъ же порядкомъ въ церковь; но уже не бываетъ какъ у насъ ночнаго хода на утренни. Я даже слышалъ, что и самая плащаница не есть необходимость для богослуженія Армянскаго; вмѣсто нея носятъ обыкновенно крестъ, а на сей разъ, ради большей торжественности, употребили плащаницу, и при томъ Русскую, по ветхости или по неимѣнію въ ризницѣ собственной.

Мнѣ невозможно было присутствовать въ великую субботу, на поздней литургіи, которую совершалъ также Архіепископъ, по слабости Патріарха; она окончилась по захожденіи солнца, ибо соединена какъ у насъ съ вечернею, и наполнена чтеніемъ

паремій. Но у Армянъ она уже составляетъ начало торжества пасхальнаго, потому что, въ самую ночь Пасхи, нѣтъ у нихъ торжественной утренни нашей, столь возвышенной и глубокой, и самая литургія Пасхи не ознаменована никакимъ особеннымъ торжествомъ: оттого всѣ болѣе усердствуютъ быть на литургіи субботней, и такъ какъ на оной возглашается евангеліе о воскресеніи, тоже что и у насъ, съ нѣкоторыми воскресными гимнами: то Армянская Церковь допускаетъ послѣ литургіи нѣкоторое послабленіе поста, то есть сыръ и лица, хотя нѣтъ еще совершеннаго разрѣшенія до слѣдующаго утра.

Свѣтло было торжество пасхальное въ соборѣ Сіонскомъ, которое совершалъ Экзархъ, съ своимъ Викаріемъ и осмью Архимандритами, Греческими, Грузинскими и Русскими, въ присутствіи Князя намѣстника, всѣхъ властей и почетныхъ дамъ Тифлисскихъ. Послѣ крестнаго хода кругомъ собора, Экзархъ, окруженный всемъ клиромъ, при свѣтѣ безчисленныхъ свѣчъ и лунномъ сіяніи, сталъ на ступеняхъ крыль-

ца и возгласилъ радостное «Христось воскресе!» и когда, при сихъ всеоживляющихъ словахъ, раскрылись врата храма, заблиставшаго внутри огнями: торжественность сего мгновенія не могла сравниться ни съ какими впечатлѣніями земными: воистинну воскресъ Христось!

КАРТАЛИНІЯ. ЦИЛКАНЪ.

Приблизилось время моего отъѣзда, которому благопріятствовала ранняя Пасха, но нечаянная болѣзнь удержала меня еще на двѣ недѣли, и можно сказать, мимо меня пролетѣли первые ароматы полуденной весны, столь быстрой и душистой. Уже отцвѣли миндальныя деревья, начальные вѣст-

ники пробужденія природы; всѣ сады Тифлисскіе одѣты были розовою пеленой распустившихся абрикосовъ, яблонь и грушъ, такъ что самая ихъ зелень мало была примѣтна, подъ роскошью древесныхъ цвѣтовъ. Окрестные сады, по теченію Веры и Куры, начинали наполняться гуляющими; во мнѣ также горѣло сильное желаніе оставить городъ и подышать опять горнымъ воздухомъ, на пути къ отечеству, въ благословенныхъ долинахъ Имеретіи и Мингреліи. Владѣтель Мингреліи, давно уже звалъ меня къ себѣ; братъ его, воспитанный въ горахъ, но проведеншій свою молодость въ сѣверной столицѣ нашей, въ блестящемъ кругу военной молодежи, вызвался быть моимъ спутникомъ, до предѣловъ своей родины.

Отраднo и вмѣстѣ полезно было для меня его общество: горецъ по рожденію, наѣздникъ и поэтъ, со всѣми пылкими порывами своей природы, но смягченной образованностію свѣтскою, онъ являлъ въ себѣ рѣдкое соединеніе сихъ двухъ совершенно противоположныхъ началъ. Благородная душа его открыта была все-

му высокому и горѣла любовью къ родинѣ; воображеніе южное облакало яркими красками каждый предметъ, и множество древнихъ преданій, о битвахъ своихъ предковъ и созданныхъ ими обителяхъ, тѣснились въ душѣ его; въ жилахъ кипѣла кровь Дадіановъ, и еще отрокомъ, въ горахъ, куда былъ отданъ на воспитаніе, по обычаю своей земли, слышался онъ воинскихъ пѣсней родной земли, и самъ сложилъ много звучныхъ стиховъ, во славу присныхъ. Воспитанный въ духъ глубокаго благочестія, которое еще такъ чисто въ неустарѣвшемъ обществѣ горныхъ сыновъ, онъ началъ свое образованіе съ псалтыря и, зная хорошо Св. писаніе, умѣлъ разбирать старыя церковныя писмена, которыя для многихъ остаются загадочными, въ опустѣвшихъ развалинахъ, потому что новый Грузинскій языкъ разнствуется буквами отъ древняго, какъ Русскій отъ Славянскаго; не многіе, даже изъ числа духовныхъ, умѣютъ читать старинныя надписи. Если же еще прибавить, что этотъ спутникъ, который ухаживалъ за мною, послѣ моей бо-

лѣзни, со всею заботливостію Горца, и служилъ посредникомъ во всякой бѣсѣдѣ, по знанію двухъ языковъ Грузинскаго и Мингрельскаго, былъ сынъ и братъ владѣтельнаго Князя, родственникъ всѣхъ первостепенныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которыя встрѣчались намъ на пути: то можно себѣ представить, сколько утѣшенія доставилъ онъ мнѣ своимъ обществомъ.

Настала минута разлуки, горькая во всякое время, и еще болѣе, когда чувствуешь, что со многими прощаешься уже навсегда. Отблагодаривъ Князя Намѣстника и его супругу, за всѣ милости, которыми меня осыпали, съ свойственнымъ имъ радушіемъ, я просилъ моихъ короткихъ знакомыхъ собраться у меня, потому что еще не въ силахъ былъ посѣтить всѣхъ. Грустно было мнѣ оставить Экзарха, котораго духовныя бесѣды служили для меня лучшимъ утѣшеніемъ, во все время долгаго моего пребыванія въ Тифлисѣ. Съ Патріархомъ простился я еще утромъ. «Зачѣмъ бѣжишь ты изъ своей родной земли? сказалъ мнѣ почтенный старецъ; не всѣ ли,

отъ подножія Арарата, разбрелись по все-ленной? и вотъ мы только одни твердо держимся нашей родины.» Много было глубокаго въ этихъ краткихъ словахъ! Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ поѣхали провожать меня за городъ и тамъ возобновились прощанія: имъ предстоялъ скорый походъ, а при такихъ условіяхъ тяжело разставаться.

Было уже темно, когда подѣхали мы къ собору Мцхетскому; но мнѣ хотѣлось еще разъ поклониться его завѣтной святынѣ. Въ сумракъ, особеннымъ величіемъ, облеклись широкіе размѣры храма; опять, какъ и въ первый день моего посѣщенія, горѣло нѣсколько свѣчъ предъ тѣмъ столбомъ, подъ коимъ хранился хитонъ Господень, привлекая взоры и чувства къ сему священному мѣсту. Я помолился надъ гробами Царей Ираклія и Георгія, и родственнаго имъ Католикоса Антонія, и упомянулъ весь рядъ державныхъ и святителей, почивающихъ подъ сѣнію тринадцативѣковаго святилища. Протоіерей благословилъ меня иконою Св. Нины, молящейся у

чуднаго столба, надъ могилою Сидоніи, тутъ погребенной съ хитономъ въ рукахъ. Настоятельница вновь учреждаемой обители, бывшая княжна Мингрельская, взошла въ соборъ съ своими убогими сестрами, пожелать мнѣ счастливаго пути. Это прощаніе со святынею Мцхета, внутри его соборнаго храма, и съ убогими инокинями, которыя прильпились къ келліи святой просвѣтительницы Грузіи, умилительно было для сердца, уже потрясеннаго недавними словами разлуки. Съ ихъ молитвеннымъ напутствованіемъ оставилъ я древнюю столицу, которой внѣшняя слава такъ давно уже померкла; но никогда не угаснетъ духовный свѣтъ, отсель пролитый на всю землю Иверскую, ревностію одной смиренной жены, плѣнницы Нины.

На станціи Гартискарской остановились мы для ночлега; оттолъ расходятся дороги: одна въ Имеретію, на Гори и Сурамъ, по которой мы должны были ѣхать къ западу, вдоль Кавказскаго хребта; другая къ сѣверу чрезъ самый хребетъ. Мы отклонились немного отъ большой дороги, за 10

верстѣ отъ Мцхета, чтобы посѣтить знаменитую нѣкогда церковь Цилканскую, гдѣ была кафедра одного изъ тринадцати Сирскихъ отцевъ, Св. Іессея. Онъ взятъ былъ неволею, съ горы Зедазенской, отъ своего блаженнаго учителя Іоанна, Католикосомъ Евлавіемъ, въ Епископы Цилканской паствѣ, и прославился въ ней даромъ чудесъ. По мѣстному преданію, какъ нѣкогда Григорій великій чудотворецъ Неокесарійскій, Іессей привелъ къ своему городу теченіе Ксани, маніемъ пастырскаго жезла, которымъ указалъ новое русло покорной ему рѣкѣ. Церковь Цилканская, весьма замѣчательная по своей древности и зодчеству, во вкусѣ Эчміадзинскомъ, основана была гораздо прежде Іессея, при самомъ началѣ Христіанства Грузіи, Бакаромъ, сыномъ Царя Миріяна, для обращенія окрестныхъ народовъ; сюда принесена была изъ Царьграда чудотворная икона Божіей Матери, написанная, по преданію, Евангелистомъ Лукою, на доскѣ яслей Господнихъ. Но теперь церковь въ совершенномъ запустѣніи: южная стѣна ея отошла, куполь по-

косился и даже входъ въ нее запрещенъ, изъ опасенія падающихъ камней. Служба продолжалась въ маломъ придѣлѣ Св. мученицы Марины, имя коей, не знаю почему, очень часто встрѣчается въ храмахъ Грузинскихъ. Наконецъ и тамъ по ветхости прекратилось богослуженіе, а чудотворная икона перенесена была въ малую храмину, гдѣ могли только служить одни молебны; нынѣшній Экзархъ, ревнуя о благѣ своей паствы, поспѣшилъ возобновить придѣльную церковь и желаетъ возстановить самый соборъ, къ которому питаютъ особенное усердіе всѣ окрестные жители, памятуя, что изъ него проистекло къ нимъ просвѣщеніе духовное.

Не смотря на запрещеніе, мы взошли въ пошатнувшійся соборъ, чтобы поклониться въ немъ гробу великаго Святителя Іессея; онъ въ жертвенникѣ и мимо его восходятъ на ступени возвышенія алтарнаго; но гробница не ознаменована никакимъ украшеніемъ и нельзя отличить простую плиту ея отъ ступени. Иконостасъ каменный, низкій, какъ въ древнѣйшихъ хра-

махъ Грузіи; на немъ вмѣсто иконъ фрески, на которыхъ едва можно распознать Деисусъ и нѣсколько ликовъ Апостольскихъ; на столбахъ, по сторонамъ иконостаса, стерты лики тринадцати отцевъ Сирскихъ, изъ коихъ еще видны три: Іосифъ Алавердскій, Исидоръ Самтавійскій и самъ Іессей Цилканскій, какъ бы сохранившійся ради памяти своего святительства въ этомъ храмѣ. Тамъ гдѣ стояла, подъ свѣтлою, чудотворная икона Божіей Матери, противъ Архіерейской кафедры, чуть видны на стѣнѣ три лица: едва ли это не избраніе Св. Іессея Католикосомъ Евлавіемъ, въ присутствіи Аввы Іоанна, который передаетъ ученика своего Архипастырю? Впрочемъ такъ повреждены всѣ фрески, что уже трудно разобрать. Птицы летаютъ внутри опустѣвшаго храма.

Я просилъ, чтобы отслужили молебенъ Матери Божіей, въ той убогой храминѣ, гдѣ находилась ея чудотворная икона, напоминавшая нашу Влахернскую, и когда, послѣ молитвы, прикладывался къ ея лику, внимательно разсмотрѣлъ я сію святы-

ню. Мнѣ кажется, что самое лицо было обновлено, потому что, въ противномъ случаѣ, удивительна свѣжесть красокъ, густыми слоями положенныхъ, какъ бы лѣпная работа, въ то время какъ живопись, подъ жемчужною ризой, совсѣмъ поблекла. Впрочемъ и нѣкоторыя другія иконы, почитаемыя за самыя древнія въ Грузіи, писаны такою же грубою кистію и густыми слоями. Въ нихъ нѣтъ того темнаго колорита и строгости въ чертахъ, какими отличаются иконы Византійскаго письма. На иконѣ Цилканской примѣтно двойное украшеніе: одно весьма древнее эмалевое и жемчужное; таковы вѣнецъ на главѣ Пречистой Дѣвы и четыре кружка, въ коихъ написаны по эмали мученики Θεодоръ и Димитрій, и безсребренные Косма и Даміанъ; по сторонамъ Богоматери видны два Архангела. Второй окладъ не столь древній, изъ чеканнаго серебра, съ драгоценными привѣсками и съ ликомъ Св. Георгія, устроенъ былъ въ минувшемъ столѣтіи, Княземъ Иваномъ Мухранскимъ, изъ боковой линіи Царей Карталинскихъ, которымъ до-

селѣ принадлежитъ владѣніе Мухранъ, недалеко отъ Цилкана.

Дорога наша лежала чрезъ это обширное селеніе, гдѣ видѣнъ домъ владѣльцевъ, окруженный, на подобіе замка, деревянною стѣною, съ башнями и теремами. Быстрый потокъ Ксани, давшій свое имя Эристамъ Ксанскимъ, принялъ насъ въ свои бурныя весеннія воды, часто опасныя для путешественниковъ. Близъ Самтависа, скучная равнина Карталинская пересѣчена лѣсистымъ оврагомъ, гдѣ иногда кроются хищники Осетинскіе, въ голодное время. Селеніе Самтависъ, украшено древнею церковію Царя Вахтанга Гургъ-аслана, почти современнаго отшельнику Сирскому Исидору, который тутъ основался; она была обновлена въ 358 году Грузинскаго хроникона, или въ 1673 году нашего лѣтосчисленія, Княземъ Димитріемъ Амилахваровымъ, какъ написано на древней иконѣ Спасителя, внутри храма, и тамъ до нынѣ погребается княжескій родъ сей, имѣющій возлѣ свои помѣстья. Ихъ старый замокъ и монастырь видны на горѣ; неподалеку се-

леніе Чалы, гдѣ хранятся, въ домовоѣ ихъ церкви, многія древнія иконы, перенесенныя въ смутныя времена, изъ пустыни Шіомгвинской и Мцхета. Родъ Амилахваровыхъ, одинъ изъ знаменитыхъ въ Грузіи, возведенъ былъ въ княжеское достоинство, потому что предокъ ихъ пожертвовалъ своею жизнію, для спасенія Царя Георгія VIII. Амилахваръ есть искаженное слово Арабское Эмиръ-ахоръ, или великій конюшій, званіе, которымъ пользовались старшіе изъ Князей сего дома, при дворѣ царскомъ.

Весьма изящна рѣзьба, на внѣшнихъ стѣнахъ храма Самтавійскаго, особенно виноградныя лозы и крестъ, изваянный со стороны алтаря, съ надписью: «да утвердитъ Господь въ вѣкъ вѣка.» Мѣстное преданіе указываетъ самое углубленіе, отколь исторглось пламя, во дни Тамерлана, когда свирѣпый завоеватель хотѣлъ сокрушить на стѣнѣ большой крестъ, досель ее остѣняющій. Какъ утѣшительны такія преданія и какъ отрадно для народа молиться въ храмъ, ознаменованномъ столь чуд-

нымъ событіемъ! Съ такою твердою вѣрою прошла и устояла бѣдная Грузія, сквозь всѣ завоеванія, огнепоклонниковъ Персовъ, Арабовъ, Сельджукидовъ, Монголовъ Батыя и Татаръ Тамерлана, Оттомановъ и новыхъ Персовъ Шахъ - Исмаила, Шахъ-Аббаса и Надира, до нашихъ временъ. Каменная ограда, уже обветшавшая, съ башнями и бойницами, свидѣтельствуешь о бранной эпохѣ; еще недавно, безъ укрѣпленія, не могла держаться никакая обитель, потому что шайки Лезгинъ безпрестанно скитались по большимъ дорогамъ, и тутъ лежалъ главный путь ихъ въ Ахалцыхъ, гдѣ продавали они своихъ плѣнныхъ. Церковь Самтавійская величественна внутри, хотя уже приходитъ въ ветхость и почти обнажена; она празднуетъ Вознесенію Господню и имѣетъ еще одинъ придѣлъ, во имя Предтечи. Замѣчательна древняя икона Спасителя, при которой хранится нѣсколько драгоценныхъ складней и крестовъ, съ частицами святыхъ мощей. Живопись ея напоминаетъ Цилканскую, свѣтлыми красками, хотя не столь густыми,

но ее почитаютъ современною Царю Вахтангу, жившему въ V вѣкѣ. Иконостасъ новый, деревянный, прислоненъ къ старому каменному, весьма низкому. Въ алтарь, кругомъ горняго мѣста, сохранились отчасти лики Апостоловъ и двадцати четырехъ Святителей, имена коихъ трудно разобратъ. Помость весь устланъ гробницами Амилахваровыхъ, благодѣтелей обители. Въ жертвенникѣ каменная плита знаменуетъ мѣсто погребенія Св. Исидора, пришедшаго изъ Сиріи, вмѣстѣ съ аввою Іоанномъ, но житіе коего совершенно неизвѣстно. Это былъ послѣдній изъ отцевъ Сирійскихъ, могилъ коего я поклонился. Въ Кахетіи посѣтилъ я гробы Давида Гареджійскаго въ его пустыни, Стефана въ обители Хирской, Епископа Іосифа въ кафедральномъ соборѣ Алавердскомъ, Зинона въ уединенной церкви Икальто и Антонія Марткобскаго, среди развалинъ его монастыря, нынѣ обновляемаго. Въ Мцхетѣ мнѣ указали, подъ алтаремъ, мѣсто упокоенія Св. Авива мученика, Епископа Некрескаго, и въ пещерѣ Мгвимской пустыни

могилу ея основателя Св. Шію, а на горѣ Зедазенской, въ оставленной всѣми церкви, самый гробъ великаго аввы Іоанна, главы 13 отцевъ Сирскихъ. И вотъ, оставляя Грузію, успѣлъ я еще помолиться, надъ гробами Св. Епископа Іессея, въ Цилканѣ, и отшельника Исидора въ Самтависѣ. Остальныя три гробницы Сирскія были мнѣ недоступны; только издали увидѣлъ я церковь, гдѣ почіетъ Пирръ Бретскій; Михаилъ же Улумбійскій и Ѡаддей Степан-цминдскій были слишкомъ далеки отъ моего пути; но для меня утѣшительно и то, что изъ числа тринадцати, я могъ по крайней мѣрѣ поклониться десяти.

ГОРИ, УПЛИСЦИХЕ, АТЕНЕ, СІОНЪ.

Отъ Самтависа до Гори, на разстояніи сорока верстъ, ничего занимательнаго не представляла голая равнина Карталинская: по сторонамъ ея тянулись горные хребты, но видъ Гори уже поражаетъ издали своею необычайностію. Малый городъ приникъ къ подножію утеса, который внезапно вырастаетъ, какъ островъ изъ морской пучины, посреди ровнаго поля, и увѣнчанъ старымъ замкомъ; сама природа указала мѣсто сіе для защиты человѣка, по несчастію отъ подобныхъ себѣ. Еще недавно

однѣ только стѣны сіи могли служить спасеніемъ отъ проходящихъ шайками Лезгинъ; они осмѣливались проникать въ предместье города, такъ что принуждены были укрѣплять отъ нихъ самыя мельницы. Русское гостепріимство ожидало насъ въ домѣ градоначальника С**. Онъ вызвался проводить насъ, на слѣдующій день, въ пещерный городъ Уплисцихе и въ очаровательную долину Атенскую, а между тѣмъ предложилъ воспользоваться остаткомъ дня, чтобы посѣтить вышгородъ Гори. Невозможно было избрать лучшаго мѣста для крѣпости, которая совершенно пришлась по утесу, зубчатымъ вѣнцемъ своимъ, какъ иному царственному челу свойственнымъ украшеніемъ представляется корона. Основаніе крѣпости относятъ ко временамъ самымъ отдаленнымъ, но она была нѣсколько разъ обновляема, и даже при Царѣ Иракліѣ еще могла отражать напоръ враговъ. Шахъ-Надиръ чувствовалъ всю ея важность и посылалъ своихъ намѣстниковъ въ Гори, властвовать надъ Грузіею. Теперь, по водвореніи мира, ничего въ ней не оста-

лось, кромѣ одной церкви, также опустѣвшей, которую относятъ, какъ все древнее, къ Царицѣ Тамари.

Весьма замѣчательна тераса, многими уступами спускающаяся къ рѣкѣ, съ крытыми ходами, для тайнаго добытія воды. Колоссальное ея устройство свидѣтельству-етъ о важности самой крѣпости, служившей ключемъ Карталиніи, на сліяніи Ляхвы и Куры. Одинъ изъ очаровательныхъ видовъ сей живописной страны, открывается съ вышгорода Гори на всю равнину, далеко бѣгущую къ снѣжному хребту Кавказа. Шумная Ляхва, раздѣляясь на многіе рукава, серебристыми полосами, блеститъ по широкому руслу, а нѣсколько далѣе бурная Кура, однимъ потокомъ, стремится поглотить въ себя сію новую данницу Кавказскаго хребта. На коническомъ утесѣ противоположнаго берега бѣлѣетъ древняя обитель креста, куда часто притекаютъ для молитвы благочестивые жители Гори; вдали раскрывается устье Атенскаго ущелья. Малый, но веселый городокъ, домами своими, облѣпилъ со всѣхъ

сторонъ осѣняющій его утесъ, какъ дѣти робко держатся за одежду матери; панорама сія достойна лучшей кисти нашихъ живописцевъ. Заходящее солнце замѣнило ихъ кисть своими лучами, съ чрезвычайнымъ искусствомъ обозначивъ ярко выдающіеся предметы сей чудной картины, и дозволяя мѣстами отбѣнять ее вечернему сумраку. Долго мы любовались, доколѣ не угасло за горами свѣтило.

Между осмью церквами различныхъ исповѣданій въ Гори, одна въ особенности привлекла мое вниманіе, драгоцѣнною святынею, въ ней хранящеюся съ шестаго вѣка, когда Грузія была подвластна Императорамъ Греческимъ. Великій Іустиніанъ, столько заботившійся о распространеніи Христіанства, прислалъ владѣтелю Иверіи Стефану, возведенному имъ въ придворный санъ Куропалата, икону складную, писанную на холстѣ, Деисусъ, т. е. Спасителя, съ Божіею Матерію и Предтечею по сторонамъ. Она доселѣ сохранилась въ Успенской церкви, съ удивительною цѣлостію, хотя отчасти осыпались краски. Живопись

отличается отъ такъ называемой Византійской, X вѣка, свѣтлымъ колоритомъ и болѣе пріятными очерками. Не знаю почему образъ сей называется у Грузинъ оконіосъ, не отъ Греческаго ли слова икона? Но вотъ еще замѣчательное событіе: Императоръ прислалъ при сей иконѣ своего придворнаго іерея, Іоанникія Горгіани, и родъ его съ тѣхъ поръ поселился въ Грузіи; церковъ же и чудотворная икона потомственно переходили, отъ отца къ сыну, до нашихъ временъ. Старецъ священникъ, показывавшій мнѣ сокровище своей церкви, носитъ тоже имя Горгіани и надѣется, что его потомки сохранятъ древнее достояніе отцевъ своихъ. Какъ умилительно такое преемство въ священнодѣйствіи, не прерывающееся тринадцать столѣтій. Мудрено ли, что на такихъ твердыхъ началахъ, не поколебалась въ православіи единовѣрная намъ Церковь Иверская?

Слѣдующій день мы посвятили посѣщенію замѣчательныхъ окрестностей Гори, и начали съ Уплисцихе, внизъ по теченію Куры, за 10 верстъ отъ города. Одно сіе

имя, замокъ или крѣпость Уплоса, уже свидѣтельствуешь о глубокой древности, если вспомнить, что Уплось былъ сынъ полумиѳическаго Мцхетоса, даваго свое имя древней столицѣ, и внукъ Картлоса, котораго память сохранилась въ названіи цѣлой области. Картлосъ же имѣлъ отцемъ Ёоргама, родоначальника Грузинъ и Армянъ, и считался правнукомъ Іафета, слѣдственно въ четвертомъ поколѣніи отъ Ноя.

Что сказать о такой древности, которой истину подтверждаетъ самая мѣстность и памятники, не похожіе на нынѣшнія жилья человѣческія. Уплись-цихе есть городъ пещеръ, выдолбленныхъ на верху утеса, какъ селились люди въ первыя времена, послѣдовавшія всемірному потоцу, и какъ сохранился обычай досель, въ нѣкоторыхъ младенчествующихъ племенахъ. Впрочемъ Уплись-цихе, по выгодному его положенію надъ рѣкою, долго удерживалъ жителей въ прохладѣ своихъ пещеръ, ибо по лѣтописи Грузинской извѣстно, что Царь Арсакъ, жившій въ эпоху завоеваній Римскихъ,

предъ самымъ рождествомъ Христовымъ, много украсилъ сей подземный городъ, и слѣды украшеній видны, въ правильно изваянныхъ аркахъ съ лѣпной работою. Благочестіе Христіанское воспользовалось столь необычайнымъ убѣжищемъ на скалахъ, чтобы помѣстить алтари свои въ опустѣвшихъ уже пещерахъ; каменная Армянская церковь, весьма древняя, единственное зданіе Уплисъ-цихе, служитъ доказательствомъ, что еще въ средніе вѣка тутъ было населеніе. Жители ближайшихъ деревень доселѣ сходятся туда, на второй день Пасхи.

Отдѣльный утесъ, какъ бы отторгшійся отъ береговаго хребта, который состоитъ весь изъ своенравныхъ наростовъ мягкаго камня, служитъ основаніемъ Уплисъ-цихе. Кура отступила теперь отъ его подножія, но и доселѣ одна только узкая тропа, изсѣченная въ скалѣ, открываетъ входъ на ея вершину, сквозь остатки городскихъ воротъ. Легко было защищать такую крѣпость. Отъ привратной башни, выдолбленная стезя восходитъ все выше, образуя мно-

гія вѣтви или улицы, по сторонамъ коихъ видны слѣды лавокъ также въ скалѣ, и этотъ каменный базаръ какъ будто ожидаетъ купли; мѣстами есть и протоки для дождевой воды, чтобы удобно стекала она съ утеса въ осеннее время. Всего лучше сохранилась такъ называемая царская арка или палата, на самомъ краю утеса, отколѣ открывается великолѣпный видъ на все теченіе Куры и противолежащія Тріалетскія горы. Арка высока, съ правильнымъ полусводомъ въ Римскомъ вкусѣ, и открываетъ входъ въ глубокую пещеру, которая служила пріемною залой, а по сторонамъ есть еще два подземныхъ покоя, вѣроятно жилые. Дадіамъ увѣрялъ меня, будто въ каждомъ изъ лѣпныхъ украшеній арки есть надпись Грузинская, но нельзя было это ясно разобрать; выспренная тераса примыкала къ сему жилищу, вѣроятно царскому, ибо оно на лучшемъ мѣстѣ, и есть слѣды ограды, его отдѣлявшей отъ прочихъ. Другая, столь же замѣчательная подземная палата, съ каменною стѣнкой впереди, уцѣлѣла на самой срединѣ города, недалеко

отъ церкви, и служить теперь для загона скота: такъ измѣняется мірская слава! Передняя часть обрушилась, но еще сохранилась просторная зала, обнесенная съ трехъ сторонъ арками, высѣченными въ камень; брусья изваяны на плоскомъ потолкѣ, какъ бы въ подражаніе дереву; позади сихъ аркъ много жилыхъ келлій, и есть углубленія въ стѣнахъ; отверстіе въ сводѣ служило для воздуха и свѣта. Дадіанъ прочелъ надпись Грузинскую на боковой аркадѣ: «я Шавтели потрудился здѣсь и, работая по цѣлымъ днямъ, не точилъ моего рѣзца въ продолженіе цѣлой недѣли». Годъ хроникона Грузинскаго означенъ 1110, но по немъ нельзя ясно опредѣлить эпоху, ибо это лѣтосчисленіе весьма сбивчиво. Если же тутъ предполагается послѣдній хрониконъ, то число сіе будетъ соответствовать 1425 году.

Выше сей залы есть церковь, высѣченная въ той же скалѣ, съ престоломъ, прислоненнымъ къ стѣнѣ подъ окномъ, и съ отдѣльнымъ жертвенникомъ; такое расположеніе святилища, обращеннаго къ востоку,

свидѣтельствуетъ, что оно принадлежало православнымъ. Около него выдолблено много келлій, соединенныхъ между собою, и нѣсколько пониже есть еще малые покои, съ лѣпнымъ украшеніемъ на сводѣ и алтаремъ въ углубленіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ былъ монастырь и даже многолюдный; но кѣмъ онъ основанъ и когда оставленъ?—лѣтописи молчатъ, а камни не возглаголютъ. Такъ все утрачено въ бѣдной Грузіи, раззоренной столькими нашествіями варваровъ. Есть еще много жилищъ, разсѣянныхъ по всему пространству города до внѣшняго гребня скалы, гдѣ была градская стѣна, но они не заслуживаютъ особеннаго вниманія; ничего нѣтъ и въ каменной церкви Армянской, ибо всѣ иконы ея новыя. Мы спустились изъ пустыннаго города, не по прежней стезѣ, но сквозь широкое отверстіе, посреди его площади, которое выдолблено улиткою въ сердцѣ скалы, для добытія воды, и многими ступенями сводило къ тайному водоему, когда рѣка омывала еще подножіе утеса; и теперь, въ полповодіе, она подсту-

паетъ къ сему подземному устью, которое не могло быть замѣтно непріятелю. Такова чудная крѣпость Уплоса, напоминающая близость потопной эпохи!

Трудная переправа предстояла намъ черезъ Куру, на двойномъ чолнѣ, который долженъ былъ поднять наши дроги и всѣхъ насъ; лошадей пустили вплавъ и быстрое теченіе унесло ихъ, вдоль противоположнаго каменистаго берега, на песчаный островъ; насъ ожидала таже участь; но не было другаго средства переправиться черезъ Куру, съ большимъ трудомъ причалили мы къ тому же острову и перенесены были на рукахъ жителей, черезъ узкій рукавъ рѣки, до ихъ селенія; старшина принялъ насъ съ большимъ радушіемъ и съ свѣтскою непринужденностію. «Есть ли у тебя чѣмъ угостить насъ?» спросилъ его Дадіанъ.— «Взойдите только въ саклю, отвѣчалъ онъ, разстилая ковры въ ея преддверіи, теперь уже вы въ моихъ рукахъ и я угощу чѣмъ богатъ. Конечно, такіе дорогіе гости, сколько бы я ихъ ни звалъ, не согласились бы посѣтить меня, еслибы ихъ не выну-

дилъ къ тому случай.» Дѣйствительно его угощеніе было весьма прилично, потому что всѣ сосѣди на перерывѣ посылали къ нему все, что только находили у себя готового для пищи. Скажу еще одно слово о честности сего добраго народа: при затруднительномъ спускѣ изъ Уплисцихе оборвался у меня золотой лорнетъ, и я не замѣтилъ своей потери, доколѣ не нагналъ меня мальчикъ и не возвратилъ мнѣ найденной вещи, хотя по блеску и вѣсу металла очень могъ судить о ея цѣнѣ.

Отдохнувъ не много, мы продолжали путь въ Атенское ущеліе и мимоходомъ посѣтили, противъ Уплисцихе, еще подземелье, съ Армянскою внутри его церковью Св. креста. Говорятъ, что весьма пространны были подземные проходы сего потаеннаго жилья, и пустота земли, отзывавшаяся подъ ногами, подтверждала истину сказанія. Этотъ плоской утесъ есть какъ бы продолженіе того, въ которомъ изсѣчена древняя столица внука Картлосова; она открывается отсель во всей ея своенравной красотѣ, съ просвѣтами своихъ величествен-

ныхъ аркъ, зіющая глубокими устьями пещеръ, какъ бы поглотившихъ все населеніе и ожидающихъ себѣ новыхъ жертвъ.— Видно, что тутъ былъ городъ, но какъ бы инаго допотопнаго поколѣнія людей, давно уже стертаго съ лица земли.

Отъ селенія Хидиставъ, гдѣ находился древній мостъ черезъ Куру, теперь уже обрушенный, начинается роскошное ущеліе Атенское, вверхъ по теченію рѣки Таны. Оно открывало единственный путь, сквозь Тріалетскія горы, къ Ахалциху и потому кипѣло жизнію въ цвѣтущія времена Грузіи, какъ о томъ свидѣлствуютъ доселѣ остатки замковъ и храмовъ, безпрестанно встрѣчающіеся на берегахъ потока. Все опустѣло въ послѣднюю бѣдственную эпоху, когда при слабости ея раздѣлившихся Царей, вторглись Лезгины въ ихъ беззащитное царство и сдѣлались полными его обладателями. Царь Ираклій, едва освободившись отъ Персовъ, боролся съ Лезгинами всю свою жизнь и ничего не могъ сдѣлать. Славный воитель Кавказа, Генералъ Ермоловъ, первый удержалъ шай-

ки хищниковъ, расположивъ военные штабы на самыхъ опасныхъ точкахъ; чувствуя всю важность Атенскаго ущелья, онъ ввѣрилъ оное храброму Князю Эристову, надѣливъ его тамъ многими землями. Съ тѣхъ поръ прекратились грабежи и мало по малу возвращающіеся жители могутъ наслаждаться спокойствіемъ въ своихъ виноградникахъ. Почтенный старецъ, встрѣтилъ насъ наканунѣ въ Гори, и отъѣзжая въ Тифлисъ, поручилъ племянникамъ угостить насъ въ своемъ Атенскомъ владѣніи; тамъ ожидала утомленныхъ гостепріимная трапеза, въ его сельскомъ домикѣ.

Ущеліе Атенское одно изъ самыхъ живописныхъ, какія я только видѣлъ въ Грузіи, потому что не имѣетъ суровой дикости, обыкновеннаго характера горныхъ проходовъ, но привѣтливо улыбается путнику, и какъ бы манитъ его, шумомъ водъ своихъ, въ своенравные изгибы стѣсняющихся горъ; онъ безпрестанно открываютъ взорамъ новыя красы природы, заграждая каменною стѣною позади все что

уже пройдено ; но стѣна сія усѣяна виноградниками и селеніями, увѣнчана храмами и древними замками, которые такъ поэтически сошлись въ это ущеліе , чтобы оживить его воспоминаніями минувшаго. А между тѣмъ бурный потокъ Таны несетя по камнямъ, то подмывая какую нибудь старую башню, отважно ставшую посреди его волнъ, то падая шумно съ утесовъ, тамъ гдѣ они дерзнули преградить ему тѣсный путь, или разливаясь по зеленому лугу, подъ навѣсомъ яворовъ и липъ, если гдѣ либо раздвинулось ущеліе, чтобы дать мѣсто усадьбѣ, на какомъ нибудь уединенномъ холмѣ. Такова самая Атена, съ тремя ея церквами, бывшая нѣкогда городомъ и оставившая сладкое свое имя всему ущелію. Замѣчательно повтореніе Греческихъ названій Аѳинъ, Коринѳа, Олимпѳа и еще другихъ, во многихъ мѣстахъ Грузіи.

Версты за двѣ отъ Атенъ, далѣе во глубину ущелья, стоитъ на обрывѣ утеса, надъ шумнымъ потокомъ, во всей поэтической красотѣ своей, древняя опустѣвшая

обитель Сіонская, отзывающаяся лучшими временами Грузіи, когда Цари ея, по родственнымъ связямъ съ Императорами, могли выписывать зодчихъ изъ Царьграда.— Багратъ II основалъ храмъ сей, во имя Успенія Богоматери, и далъ ему сладкое имя Сіона; ибо въ благочестивой Грузіи искони, какъ я уже сказалъ, Сіонами назывались всѣ храмы, посвященные успенію Богоматери. Славная своими бѣдствіями Царица Русуданъ, дочь Тамари, обновила церковь; лице ея изваяно также какъ и лики Баграта и его супруги, на внѣшнихъ стѣнахъ, въ одеждахъ восточныхъ, съ другими невѣдомыми лицами, быть можетъ изъ царскаго двора, ибо они представлены благоговѣйно стоящими, съ опущенными руками. Есть и нѣкоторыя изображенія изъ ветхаго завѣта: Самсонъ, раздирающій львиную пасть, и изъ житія святыхъ, Евстаѣій на ловль олѣней, и нѣсколько надписей Греческихъ, Грузинскихъ и Армянскихъ. Одинъ изъ путешественниковъ, Дюбуа, говоритъ будто видѣлъ и Славянскую, но я ее не замѣтилъ, потому

что не былъ предваренъ. Армянская называетъ зодчимъ нѣкоего Павла, быть можетъ находившагося при дворѣ царскомъ, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что церковь сія никогда не могла принадлежать Армянамъ, какъ по внутреннему своему устройству, такъ и потому, что сюда не доходила ихъ область.

Вотъ что разобралъ Дадіанъ, изъ древней Грузинской надписи, сохранившейся на южной вѣшней стѣнѣ, ближе къ алтарю: «Во имя Бога, я Григорій, рабъ Миріана сына Тарханова, начальникъ Атенской крѣпости, воздвигъ дома и города, тогда какъ прославилъ Богъ Всемогущій, Царя Царей, Баграта, который приказалъ праху своему Миріану, повелителю моему а своему вельможѣ, сооружать зданія въ селахъ и городахъ. Помощникомъ въ томъ Богъ и счастье Царя, и какъ пожелало царствіе его, такъ я и воздвигъ оныя; помиловало насъ царствіе его, и щедро пожаловало дома и города, въ потомственное владѣніе, Миріану и подданнымъ его, которые въ силахъ были воздвигнуть сіи зданія. Я

воздвигъ дома, города и пожертвовалъ Св. Сіону Атенскому, празднующему Богоматери, для вѣчнаго поминовенія Царя Царей Баграта Севаста и сына его Георгія. Такъ равно и для поминовенія Миріана праха его, а моего господина и воспитателя, учредилъ совершать литургію въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста, въ день Св. Θεодора, чтобы совершалъ оную настоятель обители и кто по немъ будетъ».

Внутренность храма Сіонскаго величественна и состоитъ изъ четырехъ полукружій, крестообразно расходящихся отъ четырехъ основныхъ столбовъ, которые поддерживаютъ сферическій куполъ, весьма легкій и пріятный для глазъ. Все зданіе еще крѣпко и не трудно его обновить; алтарь отдѣленъ, какъ мнѣ случилось видѣть въ нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ Кахетіи, низкою стѣнкою, на которой поставлены малые столбы, связанные арками; средняя служила для царскихъ вратъ. Столбы сіи въ Сіонскомъ храмѣ лучшаго мрамора; есть изваянія на боковыхъ аркахъ, гдѣ были сѣверныя и южныя двери;

алтарь возвышенъ на трехъ ступеняхъ, равно какъ и горнее мѣсто, на коемъ еще есть слѣды каѳедры. Мѣстами весьма хорошо сохранилась живопись, можетъ быть не современная основанію храма, но лучшей Византійской кисти; особенно въ среднемъ окнѣ алтаря замѣчательна икона Предтечи и напротивъ нѣкоего Аввы въ кукулѣ, быть можетъ великаго Антонія; иконы сіи какъ будто только что вышли изъ подъ кисти; Апостолы и десять Святителей, кругомъ горняго мѣста, повредились отъ сырости. Въ правомъ крылѣ болѣе уцѣлѣли фрески: сонъ Іосифа, срѣтеніе Господне и благовѣщеніе, въ которомъ фигура Ангела замѣчательной красоты и была бы достойною новѣйшихъ художниковъ.

Ущеліе Атенское произвело на меня впечатлѣніе самое пріятное, какъ по красотѣ мѣста и весенняго вечера, такъ быть можетъ и потому, что я впервые испытывалъ свои силы послѣ болѣзни. Молодой мѣсяцъ освѣтилъ намъ возвратный путь къ Хидиставу и мы могли перейти пѣшкомъ по новому мосту, который строить

заботливый градоначальникъ Гори, на старыхъ каменныхъ основаніяхъ, уже испытанныхъ долгимъ временемъ и бурными водами Куры. Онъ сдѣлалъ этотъ мостъ, мѣстными средствами, не требуя никакой помощи и надѣялся такъ его довершить, что не только конные, но и малые экипажи могли бы по немъ ѣздить. Путешественникъ, которому такимъ образомъ облегчаютъ путь, не долженъ молчать, по чувству благодарности. Въ Гори, мы нашли владѣтельнаго Князя Абхазіи Михаила Ширвашидзе, который прибылъ въ Тифлисъ, за нѣсколько дней до нашего отъѣзда, и условился совершить съ нами часть дороги, не стѣсняя насъ однако многочисленностію своей свиты, при недостаткѣ лошадей. Онъ предложилъ мнѣ присутствовать, на праздникъ Великомученика Георгія въ Хони, за Кутаисомъ, гдѣ есть его древняя церковь, а я звалъ его съ собою въ обитель Гелатскую; мы дали другъ другу слово съѣхаться въ Кутаисъ, чтобы совершить обѣ поѣздки, и еще нѣсколько разъ встрѣчались опять на дорогѣ.

СУРАМЪ. ИМЕРЕТІЯ.

Можно было опасаться, чтобы разлитіе быстрой рѣки Ляхвы, умноженной дождями, не преградило намъ дороги въ Имеретію, но съ помощію рукъ человѣческихъ благополучно переправились мы черезъ многочисленные рукава ея. Малая отрасль горъ отдѣляетъ долину Ляхвы отъ низменной равнины, простирающейся до Сурама, по теченію Куры. Здѣсь послѣднія селенія Карталинскія, нѣкогда богатые, но пришедшія въ упадокъ, въ послѣднія времена опустошеній Лезгинскихъ.

Мы посѣтили древній городъ Урбнись, извѣстный уже во дни Македонскаго завоевателя; тамъ останавливалась Св. Нина, на пути въ Грузію, и долго существовала каѳедра одного изъ Архіереевъ Карталинскихъ. Теперь это убогое селеніе на берегу Куры, замѣчательное только по своей древней церкви, основанной Вахтангомъ Гург-асланомъ. Она празднуетъ Архидіакону Стефану, коего часть мощей тамъ хранится, но мы не могли проникнуть въ ея внутренность, по отсутствію священника. Архитектура внѣшняя совершенно простая, безъ всякаго украшенія и безъ купола; фронтонъ треугольный, какъ въ древнихъ базиликахъ Римскихъ; зданіе обширно, съ окнами неправильно расположенными въ два яруса: на немъ лежитъ печать глубокой старины; была ограда, но обрушилась, уцѣлѣла надворотная башня, служившая архіерейскимъ теремомъ, и нѣсколько келій; на дворѣ опрокинута каменная древняя купель, продолговатой формы, и около храма, какъ вообще на всемъ пространствѣ стараго города, жители находятъ много монетъ Греческихъ и Римскихъ.

За три версты отъ Урбниса, на большой дорогѣ, лежитъ селеніе Руисъ, самое богатое во всей окрестности, которое было также городомъ; здѣсь имѣлъ пребываніе великій Царь Давидъ возобновитель, когда еще Тифлисъ былъ въ рукахъ Сарацинскихъ; здѣсь созвалъ онъ, при своемъ воцареніи, соборъ всѣхъ Епископовъ Грузіи, для исправленія безпорядковъ церковныхъ. Не думаю, чтобы нынѣшній храмъ Руисскій, хотя и древній, восходилъ до временъ Царя Давида; основаніе его, или быть можетъ обновленіе, приписываютъ Царю Александру, послѣ котораго раздѣлилась Грузія; вторичное обновленіе Царю Симону, воителю противъ Турковъ, въ рукахъ коихъ окончилъ дни свои. Но величайшее сокровище Давида хранится донынѣ въ храмѣ: большія серебряныя складни, съ чеканною на нихъ иконой Богоматери, въ полтора или два аршина высоты; внутри же большая часть животворящаго креста, съ тремястами частицъ святыхъ мощей. — Сколь ни богата Грузія, посреди денежнаго своего убожества, подобны-

ми сокровищами, Руисское едва ли не превосходить всѣ прочія, и нельзя не удивляться усердію древнихъ ея Царей, которые вступая въ родственныя связи съ Императорами Греческими, ничего другаго себѣ не просили какъ только святыни. Такимъ образомъ дѣдъ Давида, Багратъ, женатый на дочери Императора Романа, Елень, многое пріобрѣлъ своему царству, и самъ Давидъ²⁰¹, имѣвшій въ супружествѣ Греческую Царевну Ирину, завѣщалъ также Грузіи нѣсколько драгоценныхъ залоговъ.

*Возобнови
тебя*

Далѣе за Руисомъ, не далеко отъ первой станціи, стоитъ влѣво у самой дороги, малая церковь селенія Саволаскеви, которая заключаетъ въ себѣ церковную утварь опустѣвшей обители Улумбійской, одного изъ Сирскихъ отцевъ. Тутъ чудотворная икона Божіей матери Улумбійской съ младенцемъ на рукахъ, напоминающая нашу Иверскую, болѣе нежели въ полтора аршина высоты, но письма свѣтлаго, лучшихъ временъ живописи Византійской, и вовсе не обновленнаго. Удивительно, какъ мо-

гла она такъ долго и хорошо сохраниться. Здѣсь можно еще лучше судить о древнемъ характерѣ письма Греческаго, предшествовавшаго среднимъ вѣкамъ. На сей иконѣ двойной окладъ, какъ и на Цилканской, и есть драгоценные камни; новѣйшій серебряный устроень усердіемъ Князя Амирадже, при Царѣ Иракліѣ въ 1767 году, и на немъ вычеканены рождество Богоматери, благовѣщеніе и обрученіе Св. Дѣвы Іосифу. Мнѣ кажется слѣдовало бы перенести такую богатую и замѣчательную икону, изъ пустынной убогой церкви, стоящей далеко отъ малаго селенія, въ какой либо городской соборъ или обитель, потому что здѣсь можетъ она когда либо подвергнуться похищенію. Даже въ Руисѣ она была бы болѣе сохранна; а между тѣмъ въ той же церкви есть еще много другихъ древнихъ иконъ, перенесенныхъ изъ той же обители Улумбійской; онѣ не писаны, но вычеканены изъ серебра и разставлены поверхъ иконостаса, на которомъ уже нѣтъ для нихъ мѣста. Замѣчательны между ними: вербное торжество Спа-

сителя, благовѣщеніе, срътеніе и цѣлова-
ніе Елисаветы, крещеніе и вознесеніе. —
Есть еще одна писанная, небольшая икона
Спасителя, съ мощами въ задней доскѣ,
но уже ликъ почти стерся отъ древности,
равно какъ и Греческая надпись.

Напротивъ убогой церкви, заключаю-
щей въ себѣ столько сокровищъ Улумбій-
скихъ, или Олимпійскихъ, по Греческому
началу сего имени, видна въ право отъ
большой дороги, на разстояніи не болѣе
двухъ верстъ, другая малая церковь Брет-
ская, гдѣ почиваетъ блаженный Пирръ,
одинъ изъ тринадцати отцевъ Сирскихъ:
но не смотря на все мое желаніе посѣтить
его гробницу, время не позволяло намъ от-
клониться въ сторону. Мысленно покло-
нился я пустынному отцу, который посвя-
тилъ себя духовному просвѣщенію страны
ему чуждой, не оставивъ по себѣ однако
никакой памяти благихъ своихъ дѣлъ, въ-
домыхъ единому Богу, но не записанныхъ
въ преданіяхъ человѣческихъ.

Самая скучная и пустынная дорога про-
легала до Сурамскаго поста, по низмен-

нымъ равнинамъ заливаемымъ Курою, гдѣ нѣтъ поселенія, потому что лѣтомъ угрожаетъ лихорадка. Раздумье взяло меня на этомъ постѣ, гдѣ раздѣляются дороги въ Ахалцихъ и Имеретію? не ѣхать ли мнѣ вверхъ по теченію Куры, чрезъ живописное ущеліе Боржомское, въ древнее Саатабаго или область Атабековъ, обращенную въ пашаликъ Ахалцихской? Красота ущелія, усѣяннаго остатками замковъ на утесахъ, которые подмываетъ сердитая Кура; крѣпость Ахалцихская, прославленная кровопролитнымъ приступомъ нашихъ войскъ; древній великолѣпный монастырь Сафарскій, опустѣвшее нынѣ мѣсто погребенія славныхъ Кваркваровъ и Манучаровъ изъ рода Атабековъ, которые долго служили оплотомъ Грузіи противъ Турковъ; самая ихъ область, исполненная памятью великой Царицы Тамари, гдѣ даже предполагаютъ ея могилу въ пещерномъ замкѣ Вардзи, — все привлекало меня въ Ахалцихъ; но время мнѣ измѣнило: болѣзнь въ Тифлисѣ похитила у меня двѣ недѣли; пароходъ, ожидалъ меня на берегу Мин-

греліи перваго Мая и слово, данное Владѣтелю Абхазіи, посѣтитъ вмѣстѣ съ нимъ Гелать, удержало меня отъ любопытной поѣздки; скрѣпя сердце поворотилъ я къ Сураму, на Имеретинскую дорогу.

Грустнымъ показался мнѣ вышгородъ Сурамскій, на своемъ отдѣльномъ утесѣ, облѣпленномъ городскими домами, малое подобіе Гори. Это была крайняя точка Карталинская и поприще частыхъ состязаній Царей ея съ Имеретинскими, послѣ несчастнаго раздѣленія Грузіи на три царства. Здѣсь великій Царь Соломонъ, пришедшій на помощь Ираклію, съ малымъ числомъ войскъ, разбилъ большое полчище Лезгинское и тѣмъ навсегда освободилъ свое царство отъ ихъ набѣговъ, болѣе направленныхъ на Грузію. Горный хребетъ, поросшій лѣсомъ, отдѣляетъ предѣлы Карталиніи отъ Имеретинскихъ и служитъ природною между ними границею; она рѣзко обозначена, не только противоположнымъ направленіемъ всѣхъ рѣчныхъ истоковъ, но даже нравами и одеждою жителей. Имеретія, по собственному смы-

слу слова , значить: по ту сторону горы, и это вполнѣ выражается тяжелымъ переваломъ. Дождливая погода умножала трудность пути; едва могли мы подняться на горный хребетъ. Достигнувъ самой вершины, мы стали спускаться въ Имеретію, по теченію малой рѣчки, Чхерули. Ночь застигла насъ въ горахъ; подлѣ насъ съ утеса на утесъ, падала рѣка обозначая узкую дорогу въ горной расщелинѣ, какъ бы нарочно проложенную для сообщенія Амеровъ или Грузинъ съ Имерами, т. е. горцевъ по сю сторону съ горцами по ту. Шумный ливень преслѣдовалъ насъ, по скользкимъ обрывамъ; съ радостію достигли мы наконецъ малой станціи Молитвы, наполненной проѣзжими, которые также искали въ ней укрыться отъ непогоды.

Еще цѣлый день продолжалось путешествіе наше до Кутаиса, которое можно было назвать прогулкою, при благопріятной погодѣ, по самымъ очаровательнымъ ущеліямъ и долинамъ Имеретіи. Дорога слѣдовала по теченію рѣчки Чхерули, которая пробивала себѣ каменное ложе въ

самомъ сердцѣ горы, представляя съ обѣихъ сторонъ виды, то самые дикіе, то смѣющіеся: иногда громада скалъ, поросшихъ мрачными соснами, висѣла надъ пѣнистымъ потокомъ; иногда напротивъ открывалась какая либо смѣющаяся поляна, съ сельскимъ домикомъ и пасущимися около стадами, напоминавшими Швейцарію. На поворотъ ущелія, тамъ гдѣ наиболѣе сосредоточились его ужасы, крѣпкій замокъ Чхари, сталъ твердою стопою на выдавшемся утесѣ, обросшемъ чащею лѣса, такъ что съ вершины бойницъ его далеко можно было слѣдить мимоходившихъ путниковъ, по сей единственной неизбѣжной стезѣ. Ущеліе стало расширяться при впаденіи Чхерули въ широкую Квирилу; намъ открылись въправо на высокой горѣ обширныя остатки крѣпости Римской Шаропанъ, временъ Помпея и Митридата, или лучше сказать укрѣпленнаго стана сихъ завоевателей вселенной, которые вездѣ оставили по себѣ неизгладимые слѣды. Нельзя было избрать мѣста болѣе крѣпкаго и удобнаго, господствующаго надъ теченіемъ

двухъ большихъ рѣкъ : это ключъ Имеретіи, и геній Римскій проявляется изъ самыхъ развалинъ.

Мы переѣхали на паромъ быструю и глубокую Квирилу, древній Фазисъ, который подъ симъ именемъ извѣстенъ былъ Римскому міру, и даже удерживалъ его и послѣ своего соединенія съ Ріономъ. Но болѣе смиренная Квирила уступаетъ громкому имени сего мощнаго потока, въ волнахъ коего теряется близъ Кутаиса. Ничего нельзя представить себѣ очаровательнѣе долинъ Имеретинскихъ, исполненныхъ растительной жизни и самыхъ роскошныхъ даровъ природы. Здѣсь совершенно другое царство нежели Грузія, носящее свой особенный характеръ, согрѣтое теплымъ дыханіемъ полдня, какъ это обыкновенно случается съ поморіемъ, обращеннымъ къ западу. — Красота природы все болѣе и болѣе умножается, съ приближеніемъ къ древней столицѣ Имеретіи. Изъ очарованной долины Квирильской мы поднялись на высоты, оперенныя густымъ лѣсомъ, чтобы потомъ опять спуститься въ другую доли-

ну такъ называемой Красной рѣчки, на верховьяхъ коей стоятъ двѣ знаменитыя обители, Гелать и Моцамети. Это любимое мѣсто вечернихъ прогулокъ жителей Кутаиса. Наконецъ, при захожденіи солнца, открылся намъ бывшій вышгородъ Царей Колхидскихъ и Абхазскихъ. Бѣлая стѣна его обрушеннаго собора, какъ призракъ, подымалась изъ вечерняго тумана надъ новымъ городомъ, который опять возраждался у подножія той же завѣтной твердыни, вмѣстѣ съ нимъ испытавшей столько истребительныхъ бурь.

КУТАИСЬ.

Митрополитъ Давидъ Имеретинскій, изъ княжескаго рода Церетелли, дядя по матери Дадіану, будучи извѣщенъ о прибытіи нашемъ, просилъ одного изъ почетныхъ гражданъ Кутаиса, принять насъ у себя въ домъ, потому что не было у него помѣщенія въ убогомъ жилищѣ на вышгородѣ. Всѣ князья Имеретинскіе, собранные тогда въ Кутаисъ, по случаю открытія губерніи, поспѣшили видѣть давняго своего знакома Дадіана, и домъ нашъ наполнился гостями; я почелъ первымъ дол-

гомъ, на слѣдующее утро, вмѣстѣ съ моимъ спутникомъ, посѣтитъ старца Митрополита, посвященнаго въ санъ сей еще при послѣднемъ Царѣ Соломонѣ. Перейдя каменный мостъ черезъ Ріонъ, бурно біющій волнами въ его древнія арки; я поднялся по крутой тропѣ, съ камня на камень, въ старый вышгородъ, который еще помнитъ баснословные дни золотого руна Язона. Недавно лишенный своего чуднаго собора и крѣпкихъ стѣнъ, стоитъ онъ, отовсюду открытый на скалахъ и, въ обнаженномъ величіи, еще господствуетъ надъ новымъ городомъ и шумною рѣкою и дальнею окрестностію, какъ будто бы все ему покорно, отъ горнаго хребта и до моря.

Грустно поразила меня бѣлая высокая развалина собора Багратова, но прежде нежели осмотрѣть его поэтическіе остатки, иззубренные временемъ, сокрушаемые людьми, я поспѣшилъ принять благословеніе Владыки. Вмѣстѣ съ нимъ взойшли мы въ нынѣшнюю соборную церковь Успенія, убого пріютившуюся, въ южномъ преддверіи древняго великолѣпнаго храма. По крайней мѣ-

рѣ уцѣлѣла нѣкоторая святыня внутри сей малой церкви, какъ останки снастей послѣ страшнаго кораблекрушенія. Утѣшительно мнѣ было приложиться къ древней чудотворной иконѣ Кутаисской Божіей Матери, прославленной еще при двухъ Багратахъ, въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Судя по величинѣ образа онъ долженствовалъ быть мѣстнымъ; его серебряная чеканная риза, съ позолотою, тогоже времени: сверху изваянъ Деисусъ и Ангелы, Апостолы по сторонамъ, а внизу три Святителя и Николай Чудотворецъ, съ мученицами Екатериною и Мариною, По надписи видно, что украшеніе иконы возобновлено при Царѣ Александрѣ сынѣ Георгія, уже послѣ раздѣленія Грузіи. Къ большой иконѣ Кутаиской прислонена малая, но гораздо древнѣйшая, Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, въ позлащенной ризѣ съ драгоценнымъ вѣнцомъ; она перенесена была изъ упраздненной Палеостомской обители, что близъ Поти. Сохранился и серебряный кивотъ съ образа Пицундской Богоматери, на которомъ изображена она вмѣстѣ съ вер-

ховными Апостолами. Списокъ сей знаменитой иконы украшенъ былъ великолѣпно Католикосами, послѣ ея перенесенія въ Гелать, чтобы и Кутаисская ихъ кафедра не лишена была столь драгоценнаго сокровища. Это серебряныя позлащенные складни, съ изображеніями всѣхъ священныхъ воспоминаній храма Пицундскаго: великій Императоръ Іустиніанъ основалъ его во имя Пречистой Дѣвы, для обращенія Абхазіи, гдѣ нѣкогда проповѣдывали Апостолы Андрей Первозванный и Симонъ Кананитъ, и куда хотѣли сослать Златоуста. Посему оба Апостола и Златоустъ, съ Ангеломъ своимъ Предтечею, представлены по сторонамъ Божіей Матери стоящей, которая держитъ въ рукахъ своихъ божественнаго младенца, сходно съ тѣмъ, какъ у насъ пишутъ ея икону радости всѣхъ скорбящихъ.

Еще одно сокровище, утѣшительное для сердца Русскаго, показалъ мнѣ Митрополитъ: серебряный малый кивотъ, съ частицами святыхъ мощей и оконечностію одного изъ гвоздей Господнихъ, въ масти-

къ. Онъ сказалъ мнѣ, что когда сынъ Царя Грузинскаго Вахтанга Шахъ-Наваза, Арчилъ, нѣсколько разъ возводимый на престолъ Имеретинскій, бѣжалъ въ послѣдній разъ изъ своего непрочнаго царства въ единовѣрную Россію, онъ взялъ изъ сего кивота священный гвоздь, чтобы принести его въ даръ царственнымъ своимъ покровителямъ. Тогда бывшій Католикосъ Абхазіи, скорбя объ утратѣ такого сокровища для родной земли, нагналъ Царя Арчила за вратами города, и умолилъ его отломить, хотя малую частицу священнаго гвоздя, на память его долгаго храненія въ соборъ Кутаисскомъ. Мѣстное преданіе, записанное въ лѣтописяхъ Грузинскихъ, свидѣтельствуетъ, что гвоздь сей послужившій къ распятію Господню, прислалъ былъ въ даръ Императоромъ Константиномъ первому Христіанскому Царю Грузіи Миріану, при его крещеніи, чрезъ Св. Евстаѳіа Епископа Антіохійскаго, вмѣстѣ съ подножіемъ честнаго креста; святыня сія была положена въ великолѣпномъ соборѣ Манглисскомъ, развалины коего еще существуютъ за со-

рокъ верстъ отъ Тифлиса. Императоръ, Ираклій, воюя въ VII вѣкѣ противъ Хозроя Персидскаго, унесъ съ собою въ Царьградъ Мангліійское сокровище, за не покорность тогдашняго властителя Грузіи Стефана; но въ XI вѣкѣ Багратъ IV, женившись на дочери Императора Романа Аргира, Еленѣ, испросилъ себѣ обратно завѣтную святыню, принадлежавшую его предкамъ, вмѣстѣ со многими другими, которыми обогатилъ онъ свое царство, и положилъ честной гвоздь въ довершенномъ имъ соборѣ. Гвоздь сей теперь хранится въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ, а въ ризницѣ есть позлащенный вѣнчикъ или кивотъ, устроенный въ половинѣ тринадцатаго вѣка, Царемъ Иверскимъ и Абхазскимъ Наринѣ-Давидомъ, сыномъ Русудани, какъ начертано на вѣнчикѣ Грузинскими буквами.

Митрополитъ велѣлъ открыть сѣверныя двери Успенской церкви и ввелъ меня на середину бывшаго великолѣпнаго собора, нынѣ обращеннаго въ почетное кладбище. О суета суетствъ! храмъ, для котора-

го два великіе Баграта истощили сокровища своего царства и искусство лучшихъ художниковъ Греціи, ибо дѣйствительно, судя по остаткамъ, это былъ самый превосходный изъ всѣхъ храмовъ Грузіи, теперь служить усыпальницею, предѣлы коей обозначены стѣнами бывшаго храма! Нельзя и доселѣ довольно надивиться тонкости высокихъ стѣнъ, которыя однако поддерживали такое большое зданіе, и красотъ наружныхъ изваяній, мѣстами уцѣлѣвшихъ около аркъ и оконъ, особенно со стороны алтаря. Одинъ только рисунокъ можетъ ихъ изобразить, потому что онѣ неуловимы словомъ, и отъ времени до времени все болѣе истребляются. Входной портикъ, противоположный алтарю, напоминалъ древніе притворы базиликъ Римскихъ съ колоннами; но теперь это безобразная масса обрушенныхъ капителей и камней, съ остатками изваяній. Съверная стѣна храма болѣе другихъ уцѣлѣла и на ней еще сохранилось подъ окномъ, обвитымъ изящными арабесками, изображеніе знаменія Богоматери Греческаго письма, пострадавшаго отъ времени.

Есть и отрывки надписей кое-гдѣ по стѣнамъ, какъ бы прерванныя рѣчи, окаменѣвшій отголосокъ минувшаго: «о Царь, повелѣвающій всѣми Царями, превознеси мощнаго Баграта Куропалата, Царя Абхазскаго и Карталинскаго, и родителей его и Царицу и сына его! аминь.» Какъ умилительно такое молитвенное воззваніе, въ пустотѣ обрушеннаго собора Багратова, и тутъ же какъ скромно выражено созиданіе храма: «когда положено было основаніе круговращался годъ пасхальный 223.» (1003 нашего лѣтосчисленія). Можнобы добавить стольже кратко и выразительно: «когда совершено было раззореніе круговращался годъ 1691.» Есть еще умилительная надпись: «и зодчій сего храма воскреснетъ также! Господи помилуй раба твоего Моисея.» Теперь, когда самый храмъ сдѣлался кладбищемъ, едва ли не всѣхъ приличнѣе смиренныя слова сіи, выражающія упованіе почившихъ нѣкогда около церкви, какъ нынѣ упокоивающихся внутри оной. Но время, этотъ поэтическій украшитель всякой развалины, замѣнилъ на стѣнахъ собор-

ныхъ роскошныя ваянія Багратовы, зеленою мантией, которая великолѣпнѣе его порфиры, какъ превосходятъ, по словамъ Господнимъ, лиліи сельныя всю пышность облаченій Соломоновыхъ. Оно одѣло густымъ плющемъ, какой только можетъ произрастать благословенная природа юга, съверную стѣну храма: повсюду разбѣжавшіяся вѣтви смягчаютъ иззубренныя окраины, обвивая ихъ, доколѣ, поднявшись съ арки на арку, не положили дикаго вѣнца природы, на развѣчанную главу святилища Багратова.

Кто же нанесъ святотатную руку на великолѣпное зданіе?—Чтобы понять возможность такого событія, во времена столь близкія къ нашимъ, надобно взглянуть на бѣдственную исторію послѣднихъ трехъ вѣковъ царства Имеретинскаго, со времени раздѣленія Грузіи послѣ великаго Царя Александра. Кахетія и Карталинія иногда соединенныя въ одно царство, имѣли почти всегда одинаковую участь и боролись только между собою или съ превозмогавшею силою Шаховъ Персидскихъ; шай-

ки Лезгинскія начали опустошать ихъ не ранѣе минувшаго столѣтія. Но Имеретія, т. е. другая сторона горъ, отдѣлившихъ собственно Грузію отъ поморія Чернаго, кромѣ одного царства, не опредѣленнаго въ своихъ границахъ, распалась еще на пять владѣній, болѣе или менѣе сильныхъ. Первое мѣсто занимали Дадіаны Мингрельскіе, какъ обладавшіе болѣе обширнымъ участкомъ, древнею Колхидою, и нерѣдко смѣняли слабыхъ Царей; второе Атабеки, или владѣтели одной изъ древнѣйшихъ частей Грузіи, гдѣ столько памятниковъ ея начальнаго Христіанства. Кварквары и Манучары, славнѣйшіе изъ Атабековъ, долго служили оплотомъ Имеретіи противъ возрастающей силы Турковъ, хотя сами часто воевали съ единовѣрными, доколѣ княжество ихъ не обратилось въ пашалыкъ. Между Атабеками и Дадіанами возникли Гуріели, отъ родоначальника ихъ Маміи, и безпрестанно вмѣшивались въ дѣла Имеретинскія. Владѣтель Абхазіи на поморіи, опустошаемомъ Турками, и Князь Сванетовъ въ горахъ, у подошвы Эльборуса,

были менѣе страшными сосѣдями для Имеретіи; но за то Цари Грузинскіе, поддерживаемые силою Шаховъ, старались покорить себѣ соперниковъ Имеретинскихъ, и нерѣдко въ лицѣ ихъ состязались двѣ болѣе сильныя державы, Турція и Персія, которыя радовались пролитію крови Христіанской, воздвигая оружіе своихъ данниковъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи, между столькихъ сосѣдей, можно вообразить, что должна была испытать несчастная Имеретія. Горькимъ доказательствомъ внутреннихъ и внѣшнихъ ея смятеній можетъ служить то, что въ теченіе 370 лѣтъ, отъ основанія отдѣльнаго царства въ Кутаисѣ и до подданства его Россіи, смѣнилось на престолѣ Имеретинскомъ тридцать Царей, изъ коихъ весьма немногіе умерли на своемъ мѣстѣ, ибо въ числѣ ихъ семь погибли насильственною смертію, три были ослѣплены, двадцать два свергнуты съ престола, на который восходили опять иногда до семи разъ. Чего можно было ожидать отъ такого царства? — Изложу только вкратцѣ главные его перевороты, чтобы яснѣе была сія кровавая картина.

Баграторъ, дальнимъ потомкомъ Давида сына Русудани, начинается, въ 1455 году, рядъ отдѣльныхъ властителей Имеретіи, при которыхъ испытала она столько бѣдствій, и это имя, вмѣстѣ съ именами Георгіевъ и Александровъ, почти безпрестанно повторялось, славно или позорно, на престолѣ Имеретіи, до двухъ послѣднихъ Соломоновъ. При Багратѣ начались уже междоусобія съ Царями Грузіи, которыя продолжались и при его преемникѣ Александрѣ. Внѣшніе враги воспользовались раздорами внутренними и нахлынула орда Татарская, въ 1509 году, раззорившая Кутаисъ и обитель Гелатскую, мѣсто погребенія его предковъ; одинъ только вышгородъ столицы спасся отъ иноплеменныхъ. Багратъ II, его сынъ, является счастливымъ воителемъ противъ Атабековъ; онъ беретъ лучшее ихъ сокровище, чудотворную икону Божіей матери Ацкурской, изъ ущелія Борджомскаго и ставитъ ее въ Гелать; тамъ же, въ крѣпости монастырской, заключаетъ двухъ своихъ соперниковъ Атабека Кварквара и Левана Дадіана. Это

самая блестящая эпоха малаго царства. Багратъ участвовалъ и въ славномъ походѣ Палестинскомъ современныхъ ему Царей Карталиніи и Кахетіи, Георгія и Лео-она. Георгій, его наслѣдникъ, мирится съ Атабеками и со славою отражаетъ первое нападеніе Турковъ. По смерти сильнаго Георгія, безпокойные сосѣди Дадіаны и Гуріели начали вступаться въ престолонаслѣдіе его дѣтей и внуковъ. Правнукъ его Александръ III, славнѣйшій изъ Царей Имеретіи, возстановилъ на краткое время благосостояніе своего царства. Не только побѣдилъ онъ сосѣдей, дерзнувшихъ съ нимъ состязаться, но даже властно распоряжался собственнымъ ихъ наслѣдіемъ, замѣнилъ Липарида Дадіана Вамекомъ, а Гуріеля Кайхозрова Димитріемъ, сокрушилъ и полки Грузинскіе, пришедшіе къ нему на помощь. Чувствуя однако, что не можетъ держаться безъ помощи болѣе сильныхъ союзниковъ, просилъ ее отъ единовѣрной державы Русской. Торжественно принялъ онъ у себя посланника Царя Алексѣя Михайловича, и присягнулъ ему на

вѣрность. Но вмѣстѣ съ великимъ Александромъ, погребеннымъ въ Гелатъ, погребено было навсегда и благоденствіе его царства. Наступила самая позорная эпоха, въ 1660 году, съ воцареніемъ юнаго Баграта, его сына, которому суждено было испытать на себѣ всѣ бѣдствія, какія только могутъ обуръвать Царя и человека.

Виною всѣхъ золъ была новая Гоѳолія или Мессалина позднѣйшихъ временъ, вторая жена Александрова, Нестаръ-Дареджанъ, дочь Кахетинскаго Царя Александра. Она начала съ кровосмѣшенія, женивъ пятнадцатилѣтняго пасынка Баграта, на родной своей племянницѣ Кетевани, дочери Теймураза, и потомъ, забывъ всякій стыдъ, предложила юношѣ расторгнуть бракъ сей, чтобы обвиняться съ нею самой. Отринувшій ее Царь былъ ослѣпленъ мачихой, лишился и жены и царства; сама она овладѣла престоломъ и раздѣлила его съ избраннымъ ею въ супруги, изъ подвластныхъ Князей, Вахтангомъ. Раздраженные Имеретины призвали на помощь Вамека

Дадіана , который ослѣпилъ Вахтанга : какъ вороны на трупъ налетѣли всѣ сильныя сосѣди на потрясенное царство. Атабеки уже не существовали; но Асланъ-Паша Ахалцихскій вмѣшался вмѣсто нихъ въ дѣла Имеретинскія , возстановилъ слѣпаго Баграта и взялъ съ собою въ плѣнъ его неистовую мачиху, съ мужемъ и племянницею, хотя она была супругою Царя. Тѣмъ не окончились его бѣдствія , ибо слѣпому владыкѣ суждено было дѣлаться непрестаннымъ игралищемъ столь же слѣпой судьбы. Шахъ-Навазъ Царь Грузіи, будучи зятемъ великаго Дадіана Левана, котораго родъ отрѣшилъ отъ престола отецъ Багратовъ , двинулся противъ Вамека и мимоходомъ низложилъ Баграта. Онъ поставилъ на его мѣсто своего сына Арчила, котораго также перебрасывала судьба съ одного престола на другой, изъ Имеретіи въ Кахетію, минуя всегда прямое наслѣдіе его Грузію. Взаимныя условія Порты Оттоманской съ Персіею, заставили Шахъ-Наваза вызвать сына Арчила изъ Кутаиса , гдѣ въ третій разъ воцарился Ба-

гратъ. Казалось онъ могъ бы оставаться покойнымъ, но вотъ вспыхнула война съ новымъ Дадіаномъ, заступившимъ мѣсто Вамека, и побѣдитель Багратъ, по коварному совѣту Епископа Гелатскаго, взялъ за себя жену плѣнника Левана, выдавъ за него собственную сестру.

Совѣтникомъ и распорядителемъ дѣлъ царственныхъ является нѣкто Сехніа-Чекадзе, человѣкъ закоснѣлый въ злодѣйствахъ, выдавшій сперва Царя Вахтанга Вамеку, а потомъ крѣпость Кутайса Туркамъ, на краткое однако время, ибо весь ихъ гарнизонъ вырѣзанъ былъ Имеретинами. Коварная Дареджанъ не преставала строить новые ковы въ Ахалцихъ; богатыми дарами убѣдила она Султана, возвратить ей царство и отмстить за честь своихъ воиновъ въ Кутаисѣ. Съ мечемъ въ рукахъ проникла Царица въ бывшую область, окруженная дружинами Турецкими, Мингрельскими и Гурійскими, и опять выдала вышгородъ Туркамъ. Багратъ бѣжалъ, но сами Имеретины, возбужденные Сехніей, отмстили Царицѣ за всѣ ея ужа-

сы. Какъ нѣкогда Гоѳолія въ преддверіи Соломонова храма, такъ во вратахъ крѣпости, въ виду собора, умерщвлена была нечестивая жена.

Слѣпой мужъ ея Вахтангъ выданъ былъ ослѣпленному имъ Баграту, который въ ярости, съ помощію чужой руки, самъ нанесъ смертный ударъ въ сердце своего врага. «Ты мнѣ вырвалъ очи, я тебѣ вырву сердце», воскликнулъ онъ, довершая месть свою. Опять вмѣшались Дадіанъ и Гуріель въ дѣла Имеретинскія и свергли Баграта; Гуріель занялъ его мѣсто. Имеретины просили помощи у Шахъ-Наваза Грузинскаго, но Царь, заботясь болѣе о сынѣ своемъ Арчилѣ, старался поссорить подданныхъ съ Багратомъ, и съ помощію Дадіана хотѣлъ покамѣсть воцарить у нихъ злодѣя Сехнію. Однако на сей разъ слѣпой Багратъ, поддерживаемый вѣрными подданными, одолѣлъ Дадіана и Шахъ-Наваза, и самъ воцарился въ пятый разъ. Сехнія былъ умерщвленъ, но вскорѣ опять Паша Ахалцихскій увелъ на два года въ плѣнъ несчастнаго Баграта, уступивъ мѣсто его Да-

діану. Возстановленный въ шестой разъ онъ еще однажды былъ свергнутъ Царемъ Арчиломъ, и только съ помощію Паши Эрзрумскаго, возсѣлъ въ седьмой и послѣдній разъ на шаткій свой престолъ, на которомъ однако успѣлъ скончаться, потому только что недолго пожилъ; Гуріель немедленно захватилъ его наслѣдіе. Такимъ образомъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, Имеретія испытала столько переворотовъ, сколько иногда не случается и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій.

Не болѣе счастья ожидало и сына Багратова Александра IV, хотя Гуріель уступилъ ему законное наслѣдіе. Неблагодарностію заплатилъ онъ сему владѣтелю, и самъ былъ сверженъ съ престола Арчиломъ. Годъ спустя, въ 1691 году, Паша Ахалцихскій возстановилъ Александра, но дорого заплатило его царство за такую помощь. Великолѣпный соборъ Кутаискій былъ взорванъ на воздухъ варварами, которые не въ силахъ будучи сокрушить крѣпкаго зданія, подложили по угламъ порохъ; время и люди довершили его истре-

бленіе. Нѣсколько лѣтъ спустя, Имеретины, какъ бы въ отмщеніе Царю своему за допущенное ими раззореніе собора, выдали его Царю Грузіи, который удавилъ своего плѣнника, и потомъ они еще два раза воцаряли у себя Арчила, бѣжавшаго наконецъ въ Россію. Протекло еще болѣе 50 лѣтъ, бѣдственныхъ для Имеретіи, ибо Гуріели и Паши Ахалцихскіе безпрестанно возводили и свергали дѣтей и внуковъ несчастнаго Александра, доколѣ не воцарился наконецъ правнукъ его, сынъ другаго Александра, Соломонъ, прозванный великимъ, по своимъ доблестямъ, истинно царскимъ.

Свѣтлое лице его является предъ началомъ новой эпохи для Имеретіи, подобно какъ и лице великаго Ираклія въ Грузіи, какъ бы для того, чтобы достойнымъ образомъ заключить тысячелѣтній рядъ Багратидовъ на трехъ престолахъ Карталиніи, Кахетіи и Имеретіи. Но и Соломонъ испыталъ много бѣдствій, доколѣ не утвердился въ достояніи предковъ. Турки, опасаясь силы его характера, возму-

тили противъ него собственныхъ его подданныхъ, подъ предводительствомъ могущественнаго Эристава Рачи, (или верхней Имеретіи) и поставили Царемъ двоюроднаго брата его Теймураза. Изгнанный владѣтель долженъ былъ скитаться по лѣсамъ, съ немногими присными, и въ такомъ горестномъ положеніи встрѣтилъ онъ Пасху, что даже не имѣлъ при себѣ священника для возглашенія радостныхъ гимновъ воскресенія. Благодетельный Царь торжествовалъ однако, какъ могъ, великій день сей; на столѣтнемъ дубѣ вырѣзалъ онъ знаменіе креста и, съ малымъ числомъ вѣрныхъ, трижды обошелъ освященное имъ дерево, воспѣвая во мракѣ ночи и дубравы: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ».

Вспомнивъ примѣръ одного изъ величайшихъ своихъ предковъ, Царя Александра, вступившаго въ дружескую связь съ Россіею, Соломонъ просилъ въ свою очередь помощи у великой Екатерины, и храбрый генералъ Тотлебенъ былъ посланъ очистить Имеретію отъ Турковъ. Но воинственный Царь началъ съ ними сражать-

ся еще прежде пришествія союзниковъ, и самъ выгналъ стражу Оттоманскую изъ своей столицы. Отрядъ Русскій довершилъ начатое имъ пораженіе, совершенно изгнавъ непріятеля изъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Тогда, по общему совѣту съ союзниками, Царь Соломонъ рѣшился взорвать на воздухъ вышгородъ Кутаиса и всѣ главные замки, чтобы не дать возможности Туркамъ держаться въ его предѣлахъ. Полезно, быть можетъ, но грустно было для Имеретіи, паденіе ея завѣтной твердыни Кутаиса, которая, отъ самыхъ первыхъ временъ царства Абхазскаго, почиталась неодолимымъ оплотомъ. Сильною рукою отразилъ Соломонъ и закоснѣлыхъ хищниковъ Грузіи, Лезгинъ, близъ Сурама; но не довольно долго царствовалъ, чтобы упрочить начатое имъ благосостояніе своей земли. Онъ умеръ въ 1782 году, бездѣтнымъ. Князья Имеретинскіе избрали двоюроднаго брата его Давида, сына Георгіева; но Царь Грузинскій Ираклій вмѣшался въ дѣла чуждаго царства; убѣжденный просьбами другаго родственнаго ему

Давида, сына Арчила, брата Соломонова; онъ посадилъ его на престолъ, подъ именемъ Соломона II, болѣе лестнымъ для Имеретіи. Соперникъ его бѣжалъ къ Туркамъ; но сему послѣднему Соломону суждено было пережить свое царство. Принявъ сперва подданство Россіи, онъ началъ вступать въ тайныя сношенія съ Турками, противъ законно признанной имъ власти. Вызванный въ Тифлисъ Царь бѣжалъ оттуда въ Требизондъ и тамъ скончался въ 1815 году. Съ нимъ пресѣклась линія Имеретинскихъ Царей, но княжескій родъ Багратіоновъ Имеретинскихъ, происходящій отъ различныхъ вѣтвей царственнаго колѣна, доселѣ существуетъ въ предѣлахъ Россіи. Такова краткая, но печальная лѣтопись послѣднихъ временъ Имеретіи, вся написанная самою драгоцѣнною кровію ея Царей, князей и народа, доколѣ наконецъ не водворился въ ней глубокій миръ, подъ сѣнію Русскаго орла.

За нѣсколько шаговъ отъ развалинъ собора, къ востоку, другія развалины древняго вышгорода, который подъ именемъ

Ухимеріона былъ еще славенъ, во дни Царей Лазовъ, и почитался неприступною твердынею Царей Абхазскихъ, когда они властвовали надъ всею Грузіею. Восточная часть ихъ владѣній, по мѣстному, болѣе открытому положенію, часто дѣлалась жертвою Персовъ, Монголовъ и Татаръ. Здѣсь же наипаче держались властители Иверскіе за оплотомъ горъ Сурамскихъ, ихъ отдѣлявшихъ отъ равнины Карталинской, и до времени паденія державы Греческой, по моріе Черное благопріятствовало ихъ дружескимъ сношеніямъ съ Императорами. Царь Соломонъ самъ разрушилъ основное гнѣздо своихъ предковъ, какъ бы предчувствуя, что вскорѣ уже не будетъ предстоять въ немъ нужды. Теперь видны только одни печальные слѣды минувшей силы: остатки большаго зданія, служившаго дворцомъ во времена Лазовъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ крѣпости; ямы и погреба, свидѣтельствующія о прежнемъ населеніи, и древняя церковь Космы и Даміана, бывшая мечетью при владычествѣ Турковъ, уже не освященная послѣ ихъ изгнанія,

ибо Царь Соломонъ жилъ въ нижнемъ городѣ, какъ и его предшественники. Крытый ходъ, изсѣченный въ скалѣ, сводитъ многими ступенями къ живому ключу, бьющему у подножія утеса, который омывается Ріономъ; такіе ходы существуютъ во многихъ вышгородахъ Закавказскихъ. Отъ цитадели расположена была, по вершинѣ горы, другая крѣпость, которая заключала въ себѣ соборъ Багратовъ и царскія палаты; теперь на мѣстѣ ихъ убогій деревянный домъ Митрополита; нѣсколько старыхъ башенъ съ каменными пристройками, обращены въ жилья для духовнаго училища; высокія каменные ворота одиноко стоятъ на пустырь бывшей крѣпости; здѣсь, какъ полагаютъ, убита была неистовая Дареджанъ. Развѣсистые яворы, величаво растущіе посреди крѣпостнаго луга, остигаютъ теперь приходящихъ, въ знойные дни, искать прохлады подъ ихъ навѣсомъ, тамъ гдѣ нѣкогда надежда на вѣрную защиту собирала жителей Кутаиса въ сей бывшій оплотъ ихъ царства.

Но какой очаровательный видъ, одно
Часть III.

лишь чего время и люди не могли лишить древняго Ухимеріона, открывается съ развалинъ вышгорода на всю горную и дольную окрестность! — Ріонъ кипитъ у подошвы его утеса, сердито исторгаясь изъ дальняго ущелія; какъ разъяренный конь, весь покрытый пѣною, скачетъ онъ бѣлыми клубами по камнямъ и подмываетъ берега свои, одѣтые роскошною зеленью. Напротивъ былъ увеселительный дворецъ послѣднихъ Царей, прозванный зеленымъ цвѣтомъ по богатству своей растительности; теперь одна только башня указываетъ его мѣсто. Весь нижній городъ въ садахъ обвитъ, какъ змѣинымъ кольцомъ, своеправнымъ теченіемъ Ріона; вверхъ по дѣлси-стому ущелію рѣки величаво представляется древняя обитель Гелатская. Но это еще только ближніе виды; какая кисть изобразитъ очарованіе дальнихъ? Къ сѣверу предъ вами снѣжная цѣпь Кавказа: горы Леч^хгума тянутся по небосклону, иногда исторгаясь исполинскими вершинами изъ прочей семьи гигантовъ; между ними господствуетъ кристалловидный Квамли. Правѣе дикій хре-

бетъ Рачи съ горою Фазиса или Фазисмта, откуда истекаетъ сей бурный соперникъ Ріона, теряющійся въ его волнахъ подъ Кутаисомъ. Къ югу склоняются болѣе смиренныя высоты Ахалциха и Гуріи, въ объемъ коихъ роскошно разостлалась до моря вся цвѣтущая долина Имеретіи и Мингреліи, и посреди сего благодатнаго Эдема, исполненнаго всѣми дарами природы, отрадно катятся соединенныя воды Фазиса и Ріона, замѣнившія ему райскія рѣки Тигра и Евфрата.

Осмотрѣвъ вышгородъ, спустился я въ нижній городъ, собственно Кутаисъ, гдѣ мало однако сохранилось предметовъ для любопытства. Не только дома, но и самыя церкви, которыхъ очень немного, всѣ новыя и не представляютъ никакого благолѣпія ни внутри, ни снаружи: это каменные свидѣтели той бурной эпохи, сквозь которую прошла, въ теченіе послѣднихъ вѣковъ, бѣдствующая столица Имеретіи. Малая церковь во имя обновленія храма Іерусалимскаго, служила придворною; если кто взглянетъ на ея голыя стѣны, сведен-

ныя аркою, и потомъ на великолѣпные остатки собора Багратовъ, тотъ не повѣритъ, что тутъ царствовали ихъ потомки. Колокольня имѣетъ болѣе характера древности и при ней существовалъ малый придѣлъ. Тутъ же видны слѣды царской усадьбы, отъ которой осталась каменная тераса надъ Ріономъ и вѣковыя липы, подъ сѣнію коихъ искали себѣ прохлады властители Имеретіи. Еще стоитъ, на берегу рѣки, такъ называемый золотой чердакъ, или пріемная зала царская, гдѣ представлялся Царю Александру, въ 1654 году, посланникъ Царя Алексѣя Михайловича, Никифоръ Толченъ; но это зданіе лишено теперь своихъ золотыхъ украшеній и стѣнной живописи, ибо оно уже давно обращено въ складочное мѣсто. Нѣсколько далѣе еще довольно обширныя развалины, слывущія также дворцомъ: кто разгадаетъ всѣ сіи обломки, въ нынѣшнемъ ихъ запустѣніи? — Но еще сохранился, въ своемъ привольномъ просторѣ, подлѣ двора царскаго, прежній мейданъ, или зеленый лугъ, гдѣ совершались конскія ристалища воинственныхъ Име-

ретинъ, предъ лицомъ ихъ Царей, ибо это было любимое ихъ упражненіе. Тутъ нерѣдко рѣшалась и судьба малаго царства, смятеніями народными, особенно во время послѣднихъ переворотовъ, когда уже непрочные властители, изгнанные Турками изъ вышгорода, не были ограждены стѣнами внутри своей столицы. Богатый растительностію садъ прилегаетъ къ сей замѣчательной площади и къ берегамъ пѣнистаго Ріона, дополняя красотами природы то, что неумолимое время, рукою людей, похитило у древней столицы Колхиды.

Вечеромъ пріѣхалъ въ Кутаисъ Владѣтель Абхазіи, Князь Михаилъ, и мы согласились съ нимъ, на другой день, посѣтить обитель Гелатскую. Митрополитъ Давидъ, по своимъ родственнымъ отношеніямъ къ Дадіану, предложилъ намъ сопутствовать и пригласилъ насъ къ себѣ на трапезу въ вышгородъ, прежде отправленія въ Гелатъ. Мы воспользовались симъ случаемъ, чтобы просить старца отслужить торжественную литургію, въ наступающій день тезоименитства Государыни Императрицы, въ древней

обители, и старецъ съ любовію принялъ нашу просьбу. Ему самому хотѣлось показать намъ великолѣпный храмъ Царя Давида возобновителя, во всемъ его блескъ, исполненнымъ славою церковною, хотя и при малыхъ средствахъ какими самъ пользовался. Поѣздка сія въ Гелать и Моцамети, съ Митрополитомъ Имеретіи и Владѣтелемъ Абхазіи, была весьма замѣчательна и оставила во мнѣ впечатлѣніе самое пріятное.

М О Ц А М Е Т И.

Весенній вечеръ благопріятствовалъ нашей конной поѣздкѣ; гористая дорога пред-

ставляла на каждомъ шагу живописные виды; отовсюду вѣяло на насъ благовоніями южной природы, которая была въ полномъ цвѣтѣ; особенно благоухали высокіе желтые цвѣты, на подобіе сельскихъ лилій, которые тамъ называются ели, у насъ же неизвѣстны. Владѣтель Абхазіи съ своею воинскою свитою, въ блестящемъ вооруженіи, дополнялъ поэзію мѣстности, украшенной развалинами башенъ на скалахъ и въ ущеліяхъ. Я видѣлъ себя посреди феодалнаго быта времени давно уже минувшихъ, со всѣми ихъ оттѣнками, какіе мы только привыкли читать въ рыцарскихъ легендахъ; воображеніе сильно играло во мнѣ, какъ въ самые ранніе годы, и я давалъ ему просторъ, чтобы наслаждаться свѣжестію впечатлѣній.

На половинѣ дороги Гелатской мы поворотили въ право, мимо селенія, черезъ прилегавшіе сады и чащу лѣса, къ пустынной обители Мучениковъ, или Моцамети, которая стоитъ въ самомъ дикомъ уединеніи, на утесахъ Красной рѣки. Тутъ существовалъ нѣкогда городъ, раззоренный

Арабскимъ завоевателемъ , и нельзя было избрать мѣста болѣе приличнаго для безмолвія иноческаго. Между нависшимъ утесомъ и пѣнистымъ потокомъ проникли мы, сквозь малое отверстіе бывшей ограды, на нижній дворъ монастырскій , а потомъ, поднявшись по утесу , переступили на другую скалу , которая служитъ основаніемъ обители ; подъемный мостъ , защищаемый башнею, единственное ея сообщеніе съ міромъ. Вокругъ шумная рѣка обогнула все тѣсное пространство монастыря ; остался одинъ только узкой перешеекъ и тотъ укрѣпленъ башнею на обрывистомъ утесѣ. Нѣсколько убогихъ келлій тѣснятся около сихъ бойницъ ; съ колокольни открывается строгій, но чудный видъ на лѣсистое ущеліе Красной рѣки, которая съ шумомъ разбиваетъ всѣ преграды и будто хочетъ вторгнуться въ убогое гнѣздо отшельниковъ. Кругомъ все пусто и дико , камни и лѣсъ и бурныя волны, все говоритъ тебѣ : «молись, здѣшняя жизнь обнажена предъ тобою какъ эти скалы ; ищи вѣчной !» Съ сердечнымъ умиленіемъ , которое невольно

раждается въ такихъ мѣстахъ, какъ бы предназначенныхъ для молитвы, взошли мы въ древнюю церковь Св. мучениковъ Давида и Константина и поклонились ихъ ракъ.

Церковь, малая и тѣсная, празднуетъ благовѣщенію, а два ея придѣла нерукотворенному образу Спасову и успенію Богоматери. Она была основана въ XI вѣкѣ великимъ Царемъ Багратомъ, который перенесъ въ нее, изъ подземнаго склепа, мощи царственныхъ мучениковъ; глубокая ея древность отзывается въ самомъ зодчествѣ и иконахъ. Только недавно ее расширили, когда вмѣсто глухихъ стѣнъ, отдѣлявшихъ боковые придѣлы, устроены были арки; но, по тѣснотѣ главнаго алтаря, престолъ его приставленъ къ стѣнѣ, какъ въ нѣкоторыхъ изъ древнихъ святилищъ Грузіи. На горнемъ мѣстѣ написанъ Спаситель съ символами Евангелистовъ и Архангелами; на сводахъ церкви большой крестъ и по шести Апостоловъ, сѣдящихъ съ каждой стороны, а въ малыхъ кругахъ Пророки. Прочая живопись отчасти стер-

лась. Между древними иконами замѣчательна знаменіе Богоматери, напоминающая чертами и колоритомъ ту, которая чествуется въ Цилканѣ. Храмовой образъ благоговѣщенія написанъ съ ликами мучениковъ Давида и Константина; глубокой древности принадлежитъ и выпуклая среброкованная икона рождества Христова, которому поклоняются вокругъ Ангелы, пастыри и волхвы.

Въ алтарѣ показали намъ древній выходной крестъ, носимый предъ Архіереями, чеканнаго серебра, съ изваяніями Спасителя, Богоматери, мучениковъ и надписью, которую не могли разобрать по ветхости. Самая рака мучениковъ въ правомъ придѣлѣ Спаса, весьма недавняя хотя и въ древнемъ вкусѣ, стоитъ на двухъ, рѣзныхъ деревянныхъ львахъ, поддерживающихъ саркофагъ. Мнѣ пріятно было слышать, что ее устроилъ нашъ соотечественникъ, нѣкто Султановичъ, который долгое время надзиралъ за больницами Кутаиса, и питая особенное уваженіе къ сему мѣсту, пожертвовалъ раку съ тѣмъ, чтобы его по-

гребли въ обители: исполнилось его благочестивое желаніе. Достойно вниманія, что во всей Грузіи и Имеретіи одни только мощи сихъ мучениковъ, открыто почиваютъ, какъ у насъ въ Россіи; прочіе всѣ подъ спудомъ.

Владѣтель Абхазіи, исполненный благоговѣнія къ святыньмъ мощей, которыя впервые посѣтилъ, просилъ почтеннаго старца, Игумена Порфирія, отслужить для него молебень мученикамъ; невольно палъ онъ на колѣни, со всѣми своими вооруженными людьми, когда, при открытіи раки, необычайное благовоніе повѣяло отъ мощей на всю церковь. Я не зналъ дотолъ, о усердіи Владѣтеля къ угодникамъ Божиимъ, и съ удовольствіемъ услышалъ отъ Игумена, сколько пожертвовалъ Князь въ пользу обители: она почти вся обновлена на его деньги и подаваніемъ матери его изъ рода Дадіановъ. По окончаніи молебна, сложивъ всякое оружіе, мы подходили прикладываться къ мощамъ, вслѣдъ за Княземъ Михаиломъ, и это мнѣ напомнило нашу благочестивую родину. Оба мученика ле-

жатъ рядомъ въ одной ракъ, подъ общимъ покровомъ, который осѣненъ большимъ крестомъ и не подымается съ ихъ нетлѣннаго лика; но ясно обозначены ихъ честныя главы и все тѣло.

Кто же сіи царственные мученики, уединенно почіющіе въ пустынной обители? это владѣтели Аргветскіе, братья по плоти, дѣвственники хотя и воители, ибо крѣпость ихъ тѣла обращена была на борьбу съ врагами видимыми и невидимыми, а не на потворство слабостямъ постыднымъ, и громки были, въ день брани, имена Князей Давида и Константина. Когда въ половинѣ VIII столѣтія Халифъ Мирванъ глухой наступилъ, съ полчищами Арабскими, на Иверскую страну, владѣтели сѣверной части Имеретіи не убоялись, съ оружіемъ въ рукахъ, встрѣтить и разбить его передовыя дружины. Раздраженный Халифъ двинулся противъ нихъ со всѣми силами и велѣлъ непременно схватить отважныхъ витязей. Плѣнниками предстали они въ Кутаисѣ предъ лице побѣдителя. Тамъ сперва, льстивыми рѣчами, хотѣлъ онъ при-

влечь ихъ въ свою вѣру, но мужественные воины Господа Іисуса Христа, съ презрѣніемъ отвергли всѣ его предложенія и были брошены въ темницу, въ той надеждѣ, что томительное заключеніе, изнузивъ ихъ тѣлесныя силы, поколеблетъ и нравственныя. Въ продолженіе девяти дней терзали ихъ всякими пытками и послѣ сего подосланы была Халифомъ его Имамы, для вторичнаго искушенія вѣры исповѣдниковъ, но они нашли ихъ стольже твердыми какъ и въ первый разъ; тогда мучитель повелѣлъ исполнить надъ ними жестокій приговоръ.

Сперва подвергли обоихъ братьевъ позорному біенію, привязавъ ихъ головою внизъ; потомъ повѣсили имъ на шею тяжелые камни, чтобы бросить ихъ въ Ріонъ со скалы вышгорода. Царственные мученики просили только дать имъ время на молитву и нѣсколько облегчить тяжелое бремя, чтобы они могли поднять взоры свои къ небу; тогда свергнули ихъ въ Ріонъ; но громъ прокатившійся по небу, какъ бы отголоскомъ ихъ пламенной молитвы, устрашилъ мучителей; они разбѣжались, а меж-

ду тѣмъ, не смотря на тяжесть камней, не погрузились тѣла, но легко носились по водѣ, не увлекаемыя потокомъ и разрѣшенныя отъ всѣхъ узъ. Къ вечеру таинственный свѣтъ озарилъ подвижниковъ и чудное сіяніе привлекло на берегъ четырехъ воиновъ изъ ихъ дружины. Они услышали голосъ, повелѣвавшій имъ взять изъ воды тѣлеса мучениковъ и нести ихъ для погребенія, отъ зари и до зари, по направленію къ востоку, до того мѣста, гдѣ ихъ настигнетъ денница; утро застало ихъ на развалинахъ города, раззореннаго Халифомъ, тамъ гдѣ теперь обитель. Въ древнемъ погребальномъ склепѣ положили они священную ношу, и триста лѣтъ спустя, ради непрестанныхъ исцѣленій, истекавшихъ отъ сего мѣста, великій Царь Багратъ, по явленіи мучениковъ, выстроилъ церковь надъ склепомъ, куда и перенесъ страдальческіе останки. Церковь празднуетъ ихъ память 6 Октября. Недалеко отъ обители доселѣ показываютъ на скалахъ слѣды ихъ крови, а подъ крестомъ, воздвигнутымъ на пути, самые камни висѣвшіе на ихъ выѣ.

ГЕЛАТЬ. ГРОБЪ ЦАРЯ ДАВИДА.

Возвратившись тою же каменистою тропю, отъ Моцамети на дорогу Гелатскую, мы переѣхали въ бродъ Красную рѣку, въ виду самой обители, и поднялись къ ней мимо монастырскаго селенія, по крутому скату, усѣянному садами. Митрополитъ прежде насъ прибылъ въ Гелать. Игуменъ съ братіею встрѣтили во вратахъ Владѣтеля Абхазіи и сейчасъ ударили въ колоколъ къ вечерни, ибо насъ ожидали для начатія службы; но уже такъ смерклося, что нельзя было ничего разобрать въ обширномъ

храмъ. Мы только приложились къ древнимъ чудотворнымъ иконамъ и, утомленные долгимъ путемъ, вошли въ приготовленные для насъ покои прежнихъ Митрополитовъ Гелатскихъ. Съ дубовой террасы, ихъ окружавшей, взоры погружались въ обширную долину, простирающуюся до Кутаиса по ущелию Красной рѣки: вечерній туманъ плавалъ по вершинамъ горъ и молодой мѣсяцъ блѣдно озарялъ предметы, серебристымъ свѣтомъ поборая краски потухавшей зари.

Мнѣ хотѣлось въ тотъ же вечеръ, поклониться гробу святаго Царя Давида возобновителя, основавшаго Гелать, и меня привели къ прежнему полуденному входу въ монастырь, съ упраздненной церковью, который напоминалъ наши святыя врата. Церковь замыкалась нѣкогда желѣзными вратами Дербента, которыя велѣлъ поставить надъ собою воитель; на прагъ обители, смиренно, избралъ онъ себѣ мѣсто покоя, чтобы и по смерти охранять ее, невольно извлекая у мимоходящихъ молитву за душу Царя, черезъ могилу коего

переступали. Большая гранитная плита доселѣ лежитъ поперегъ привратной церкви, но кости святаго Царя были перенесены, великимъ Соломономъ, въ тайное мѣсто надъ сводами жертвенника соборнаго, чтобы спасти ихъ отъ хищности Лезгинъ. «Се покой мой въ вѣкъ вѣка, здѣ вселюся, яко изволихъ и» начертано, большими Грузинскими буквами, на камнѣ. Какъ умилительна сія псаломская надпись, избранная самимъ Давидомъ, изъ словъ другаго Царя Давида, его предка! Тутъ была и еще надпись, ямбическими стихами, гласившая, какъ бы отъ лица усопшаго Царя, о его неумирающей славѣ; но ее нельзя уже теперь разобрать, и она сохранилась только въ преданіи:

Нѣкогда, въ Начармачевѣ, семерыхъ Царей пиромъ
я угощаль,
Турковъ, Персовъ, Арабовъ, изъ предѣловъ царства
моего изгналь,
Рыбы изъ рѣкъ Амерскихъ въ рѣки Имерскія я пересадиль,
Все же сіе совершивъ, руки на персяхъ кончаясь
сложилъ.

Одна половина желѣзныхъ вратъ уже

не существуетъ; говорятъ будто бы ее употребили для гвоздей на крышу церковную. Арабская куфическая надпись гласитъ: «что они были скованы, во имя Бога благаго и всемилосердаго, славнымъ Эмиромъ Шавиромъ, сыномъ Эль-Фазла, въ 455 году эгиры.» (т. е. 1063). Нѣкоторые предполагаютъ, что врата сіи были взяты Давидомъ не изъ Дербента, но изъ покоренной имъ Армянской столицы Ани, гдѣ властвовалъ родъ Шавира. Во всякомъ случаѣ прилично осѣняютъ они собою гробницу великаго Царя, какъ замогильный трофей его славы.

Изъ всѣхъ властителей Иверіи не было лица болѣе свѣтлаго, и до такой степени ярки лучи сего царственнаго свѣтила, что они осіяли впередъ цѣлое столѣтіе, до послѣднихъ дней славной его правнуки Тамары. Давидъ и Тамаръ, вотъ два крѣпкія звѣна, на коихъ держалось все благоденствіе ихъ царства! Давидъ вызвалъ изъ запустѣнія все свое царство, отъ моря и до моря, свѣялъ съ него пепелъ сожженныхъ селъ и городовъ, и стеръ съ лица

родной земли ея безчестіе. Какъ нѣкогда святой его предокъ, Царь и Пророкъ Израилевъ, еще отрокомъ занесшій пращу противъ исполина Филистимскаго, рано вооружился и сей Давидъ противъ полчищъ иновѣрныхъ. Долго лилась до него кровь Христіанская, но при немъ она оплодотворила свою родную землю, усѣянную костями невѣрныхъ; въ ужасъ стали предъ нимъ и обратили тылъ вожди Сельджукидовъ, не вѣдавшіе дотолъ пораженія, Мелекъ-Шахъ и Мелекъ-Султанъ. Сорокалѣтнее царствованіе Давида, сходное числомъ лѣтъ и обиліемъ славы, съ владычествомъ Царя Израилева, было однимъ непрерывнымъ рядомъ побѣдъ, ибо онъ непрестанно взывалъ къ Богу отцевъ своихъ, о помощи свыше. Видимо содѣйствовалъ Царю святой Георгій, покровитель соименной ему земли, и, на бѣломъ конѣ своемъ, не разъ являлся въ пылу его битвъ съ Агарянами, златою своею иконою отражая, на самыхъ персяхъ Давида, меткія ихъ стрѣлы.

Ратные его подвиги были отголоскомъ крестовыхъ; вѣсть о взятіи Іерусалима ис-

полнила его новою ревностію. Много сокровищъ, послалъ онъ въ святой градъ своихъ предковъ, для обновленія его храмовъ; многіе воздвигъ и у себя изъ ихъ печальныхъ развалинъ, такъ что имя Возобновителя было ему усвоено потомствомъ. Если стоятъ еще великолѣпныя святилища, на скалахъ Иверіи, если встрѣчаются чудные ихъ остатки въ дебряхъ и лѣсахъ, гдѣ только думаешь напасть на какой либо слѣдъ дикаго звѣря, — всѣ сіи величественные памятники или Давидовы или Тамарины! Повсюду ихъ звонкія имена и свѣтлые лики. Одною рукою Давидъ сокрушалъ враговъ, другою подымалъ опрокинутое ими, и что всего достойнѣе удивленія: онъ, который провелъ всю свою жизнь въ тревогахъ ратныхъ и казалось долженъ бы только умѣть владѣть мечемъ, онъ былъ и величайшимъ богословомъ своего времени, какъ достойный ученикъ блаженнаго Аввы Арсенія Икальтскаго.

Ничего не желалъ онъ столь пламенно, какъ мира церковнаго внутри своихъ предѣловъ, и ничего такъ не любилъ, какъ

чтеніе Св. Отцевъ. Однажды , когда еще древняя столица его предковъ , стонала подъ игомъ невѣрныхъ , и онъ искалъ , съ малымъ числомъ воиновъ , удобнаго мѣста для приступа , внезапная жажда овладѣла Царемъ въ виду непріятеля , но не жажда воды , а слова Божія ; и что же ? забывъ то , что было цѣлю его прихода , онъ слѣзъ съ коня , сѣлъ подъ тѣнію дерева и углубился въ чтеніе божественной книги , которую всегда имѣлъ при себѣ. Пронзительный вопль мгновенно пробудилъ его отъ глубокихъ думъ : мимо его бѣжали его воины , преслѣдуемые врагами , и опасность ему угрожала. Тогда только опамтовался Царь и , отдавъ книгу оруженосцу , схватилъ мечъ , чтобы отразить Агарянъ : они узнали Давида !

При самомъ началѣ царствованія искалъ онъ умиротворить Церковь , но сынъ браней не мѣщался въ пренія Святителей , какъ нѣкогда и великій Константинъ , а только укрѣплялъ своею властію ихъ священные каноны. Столица Армянская Ани пала предъ его оружіемъ , очищенная имъ отъ

Сарацынъ , и внутри обновленнаго собора, откликнулась ему, гласомъ благодаренія, бабка его Царица , изъ глубины могилы.

Благочестивый Давидъ хотѣлъ водворить церковное согласіе, между древними и новыми своими подданными, и хотя не достигъ желанной цѣли, по упорству противниковъ, однако глубокимъ своимъ познаніемъ въ дѣлахъ вѣры, возбудилъ невольное удивленіе даже въ разномыслящихъ.

И вотъ, еще въ силѣ возраста и въ полномъ цвѣтѣ надеждъ, приближается къ нему умиротворительный часъ смерти: крестообразно сложилъ онъ мощныя руки свои, бывшія мечемъ и щитомъ царству, и возлегъ отдохнуть отъ великихъ дѣлъ своихъ, въ созданной имъ обители Гелатской: — «Се покой мой въ вѣкъ вѣка ,» воззвалъ онъ, словами праотца своего къ Богу отцевъ своихъ, и какъ отголосокъ великой души его, жаждавшей мира, онъ напечатлѣлись на его гробѣ. — Стали надъ нимъ и затворились, желѣзными своими запорами, добытыя имъ нѣкогда Дербентскія врата Кавказа, символомъ заключившейся для

него временной жизни; но свѣтло раскрылись предъ нимъ райскія врата небеснаго царствія, и благодарная Церковь Иверіи вписала сего новаго Давида, въ число царственныхъ угодниковъ Божіихъ, предводимыхъ предкомъ его Царемъ-Пророкомъ.

ХРАМЪ И ИКОНЫ ГЕЛАТА.

Митрополитъ Давидъ совершалъ самъ на слѣдующее утро торжественную литургію, съ молебствіемъ о здравіи Императрицы, въ присутствіи Владѣтеля Абхазіи и всѣхъ насъ, собравшихся на молитву въ соборномъ храмѣ въ Гелатѣ. Памятуя, какъ свѣтло празднуется радостный день сей въ сѣверной столицѣ, я еще съ большимъ

умиленіемъ молился въ уединенной обители, посреди людей мнѣ чуждыхъ, съ которыми сошелся въ краю отдаленномъ. Самое богослуженіе на языкѣ незнакомомъ, въ пустотѣ обширнаго собора, съ величественными обрядами архіерейскими, при нынѣшнемъ убожествѣ Церкви Имеретинской, производило глубокое впечатлѣніе на сердце. Все минувшее Иверіи какъ бы встало и олицетворилось предъ моими глазами, ибо если измѣнился гражданскій бытъ ея, не измѣнился церковный, вѣрный чрезъ столько лѣтъ Греческому образцу своему. Весьма ограничено было число священнослужителей, особенно діаконѣ при Митрополитѣ, но величественная его осанка соотвѣтствовала богатству облаченія древнихъ временъ, извлеченнаго изъ ризницы Гелатской. Четыре пѣвчихъ составляли весь хоръ, весьма монотонный, но не пронзительный для слуха, исключая нѣкоторыхъ начальныхъ нотъ, похожихъ на жалобные тоны и часто повторяемыхъ. Но вотъ что замѣчательно; во всей Имеретіи и Мингреліи хоръ, вмѣсто Грузинскаго: «Господи по-

милуй, отвѣчаетъ по Гречески: «Кириелейсонъ», и это знаменуетъ ближайшее сообщеніе Имеровъ, т. е. Горцевъ по сую сторону хребта съ Греками, которые легче могли съ ними сносятся черезъ Черное море, нежели съ болѣе отдаленными Грузинами. Признаюсь звучное «Кириелейсонъ» было гораздо отраднѣе, нежели Грузинское: »Упалó Шегвицкгаде» къ которому я никогда не могъ привыкнуть.

По окончаніи службы, пока приготовлялась въ нашихъ покояхъ гостепріимная трапеза Митрополита для его посѣтителей, я воспользовался временемъ, чтобы осмотрѣть во всей подробности обитель Гелатскую, ибо она, по особому счастью, болѣе другихъ сохранила древность церковную и въ нее постепенно сносили, изъ раззоряемыхъ церквей, всѣ уцѣлѣвшія сокровища. Католикосы Абхазскіе, уже нѣсколько вѣковъ отдѣленные отъ Иверскихъ, будучи угрожаемы оружіемъ Турковъ на берегу Чернаго моря, перенесли кафедру свою, въ половинѣ XVII вѣка, изъ Пицунды въ болѣе отдаленный Ку-

таисъ; главную же святыню довѣрили они Гелату, который сдѣлался любимымъ мѣстомъ ихъ пребыванія. Послѣ упраздненія Католикосовъ обитель сія продолжала быть каѳедрою особаго Митрополита; послѣдній изъ нихъ, осмидесятилѣтній старецъ Евѳимій, выѣхалъ въ Россію въ 1820 году, когда уже царство Имеретинское поступило въ подданство Имперіи. Тогда только Гелатъ перешелъ въ непосредственное вѣдѣніе Митрополитовъ Имеретинскихъ, и былъ ими избранъ для лѣтняго жилища.

Три церкви, одна за другою, стоятъ по направленію отъ запада къ востоку, въ оградѣ монастырской; главная изъ нихъ празднуетъ успенію Богоматери, и величественна своею Византійскою массою, съ папертями и притворами, которые украшены изваяніями, и съ остроконечнымъ куполомъ, вѣнчающимъ все зданіе; она напоминаетъ собою большую часть храмовъ Грузинскихъ. Но на ней не лежитъ особаго отпечатка изящества, какой поражаетъ доселѣ въ развалинахъ собора Багратова. Давидъ возобновитель и Католикосъ Евде-

монъ избрали себѣ другой образецъ, великолѣпный соборъ Пицунды, но выполнили его во вкусъ Грузинскомъ, а позднѣйшіе довершители искажили пристройками наружную простоту храма. Камни, изъ котораго складено зданіе, огромны, особенно по угламъ; въ одномъ изъ нихъ болѣе двухъ сажень длины и одна ширины. Мѣстная легенда, обыкновенно любитъ превозносить подвиги основателей, ибо они всегда кажутся исполинами въ сравненіе потомковъ, не имѣющихъ довольно силы, чтобы поддержать созданное ими; она гласитъ, что этотъ громадный краеугольный камень положилъ мощною рукою самъ Давидъ, и кто увидитъ его перстень, тотъ отчасти сему повѣритъ.

Но если наружность собора не поражаетъ красотою, за то внутренность, сохранившая всѣ строгіе размѣры зодчества Іустиніанова, вполнѣ удовлетворяетъ взоры, стройною гармоніею всѣхъ частей; она напоминала мнѣ устройство нашихъ древнѣйшихъ храмовъ, Софійскаго и Печерскаго, современныхъ Гелату. Изъ внѣшняго

притвора, тремя дверями, входятъ, подъ навѣсомъ хоровъ, во внутренность самаго храма, который простирается на одиннадцать сажень, отъ преддверія до иконостаса. Форма его крестообразна, потому что хоры продолжаются и по бокамъ, какъ у насъ въ Кіевѣ; но поперечная вѣтвь креста, длиною въ семь сажень, свободна отъ втораго яруса и придаетъ много легкости храму, чего недостаетъ въ лавръ Печерской и у Св. Софіи. Олтарь раздѣленъ, по древнему чину, на три части; иконостасъ каменный и низкій; поверхъ его отрадно поражаетъ взоры, какъ въ Софійскомъ соборѣ, мозаическое изображеніе Матери Божіей, достойное лучшихъ временъ мозаики Венеціанской, хотя это весьма древній даръ Императора Алексія Комнина Царю Давиду возобновителю. Я не могъ оторвать взоровъ отъ сего чуднаго изображенія, гдѣ самый вѣрный рисунокъ выполненъ камнями, со всею легкостію кисти, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражено, строгими очерками и цвѣтами, высокое достоинство предмета.

Матерь Божія изображена въ золотомъ

полъ, стоящую на багровой землѣ; она легко поддерживаетъ свое зеленое покрывало, на которомъ сидитъ ея божественный младенецъ, благословляющій одною рукою, имѣющій свитокъ въ другой. Такъ обыкновенно изображались Влахернская и наша Печерская иконы. Три звѣзды на челѣ и раменахъ Пречистой Дѣвы; золотая бахрама по краямъ покрывала, искусно обозначаетъ волнистое движеніе сей одежды, которая спускается до самыхъ ногъ и обливааетъ стройный высокій ея станъ. Зеленый однообразный цвѣтъ гораздо приличнѣе тѣхъ яркихъ красокъ, голубой и багряной, которыя сдѣлались какъ бы необходимою принадлежностію ризъ Богоматери; но пурпурныя сандалии показываютъ царственное ея достоинство. Весь въ бѣломъ сидитъ предвѣчный Младенецъ на лонѣ своей земной Матери, и такъ отрадны оба лика, что слѣдовало бы ихъ списать для подражанія въ нашихъ храмахъ. Два преклоненныхъ Архангела, Гавріилъ и Михаилъ, стоятъ по сторонамъ, въ голубыхъ діаконскихъ стихаряхъ, въ знаме-

ніе служительскаго своего назначенія; крестообразно опоясанные орари ихъ какъ бы осыпаны драгоцѣнными камнями; оконечности бѣлыхъ крилъ блещутъ радужными цвѣтами, а въ рукахъ благоговѣйно держатъ они монограмъ человѣческаго имени Сына Божія, въ свѣтлыхъ кругахъ, ІС. ХС., которое нѣкогда Архангелъ возвѣстилъ Дѣвѣ. Какъ все это исполнено мысли и красоты! — Вечеромъ, когда подымается во мракъ паникадило, предъ самый ликъ Богоматери, онъ сіяетъ особеннымъ свѣтомъ, при отблескѣ золотого поля вокругъ.

Таковъ драгоцѣнный даръ сей, достойный обоихъ державныхъ. Но прежде нежели войти во внутренность алтаря, я остановился предъ святынею иконостаса, являющаго цѣлый рядъ древнихъ чудотворныхъ иконъ, которыя почитаются залогомъ спасенія всей Иверіи. Первая и болѣе всѣхъ именитая, привлекающая благоговѣйное вниманіе, есть икона Хахульской Божіей Матери, писанная по преданіямъ Евангелистомъ Лукою и принесенная Царемъ Давидомъ, изъ одного древняго хра-

ма, области Кларджетской; начало же ея восходитъ до первыхъ временъ Христіанства на поморіи Черномъ, гдѣ проповѣдали Апостолы Андрей первозванный и Симонъ Кананитъ. Пречистая Дѣва представлена безъ божественнаго Младенца, темнымъ колоритомъ, какъ наша Владимірская, и совершенно сходна съ тою иконою, которая теперь находится въ алтарь придворной церкви зимняго дворца. (Сія послѣдняя почитается руки Евангелиста и привезена изъ Патраса, что въ Морей; на задней доскѣ ея есть Императорскій гербъ Палеологовъ.) Имя Хахульской сохранилось иконѣ отъ знаменитой обители Царя Баграта II, уже раззоренной нынѣ, и что весьма замѣчательно, она не утратила ни одного изъ драгоцѣнныхъ украшеній, которыми осыпали ее Цари, отъ временъ Давида.

Если разобрать сіи различныя украшенія, скопившіяся въѣками и всѣ надписи, то много лѣтописнаго и поэтическихъ преданій присоединится къ внутреннему достоинству святыни. Такимъ образомъ жемчужная

риза, облекающая Пречистую Дѣву, и нѣкоторые изъ крупныхъ перловъ пожертвованы Царемъ Давидомъ возобновителемъ, по его завѣщанію, въ которомъ онъ настоятельно сіе повелѣваетъ сыну своему Димитрію. Четыре огромныхъ лала и семь малыхъ, сіяющихъ въ вѣнцѣ, составляли повязку славной его внуки, Царицы Тамари, и каждый лалъ имѣетъ свое имя, что весьма звучно по Грузински: «обола, кедела, медега»; оболà т. е. сиротка, большій изъ всѣхъ лаловъ и потому сирый, что нѣтъ ему равнаго; кедела, или преграда, лалъ, отдѣляющій сиротку отъ другихъ меньшихъ, и медега, или приближающійся по величинѣ своей къ главному. Трогательна самая легенда о пожертвованіи сихъ камней. Тамаръ, въ торжественный день, собиралась идти въ соборъ Гелатскій къ обѣднѣ, и прикрѣпляла лалы къ царской своей повязкѣ, когда пришли ей сказать, что нищая проситъ милостыни у дверей ея монастырскаго терема. Царица велѣла подождать докучливой нищей и когда, по выходѣ изъ палаты, хотѣла

подать ей милостыню, нищую не могли уже найти. Смущенная Тамарь, упрекая себя что отказала, въ лицѣ убогой жены, самому Господу Іисусу, сняла съ себя то, что было виною ея замедленія, царскую свою повязку изъ лаловъ, и надѣла ихъ на вѣнецъ Богоматери, болѣе достойной такого украшенія. Что можетъ быть выше сего царственнаго смиренія? Если разрыть лѣтописи Грузинскія и прислушаться къ преданіямъ народнымъ, сколько подобныхъ примѣровъ можно бы внести въ нравственную сокровищницу исторіи!

Чего ни коснешься въ драгоцѣнной иконѣ Хахульской, все отзовется древнею славою Грузіи; взгляните на богатое ожерелье изъ крупныхъ перловъ: это опять приношеніе Царицы Тамари, но уже совершенно по иному случаю. Оно принадлежало Эмиру Арабскому Кіасъ-Султану, предводителю войскъ Халифа Багдадскаго, которые были разбиты ея супругомъ, Давидомъ Сосланомъ или прекраснымъ. Драгоцѣнные сіи монисты, вмѣстѣ со знаменемъ Халифа, принесены были благодарною Царицею, въ

даръ небесной Царицѣ, какъ о томъ гласить въ стихахъ надпись на иконѣ; она почти не переводима по трудности древняго языка.

«Небеса небесъ устроившее Богоначаліе,
Сынъ, пребываяй искони и во вѣки,
Духъ Божій, совершаяй все изъ небытія,
Троица совершенная во единомъ Божествѣ!
Создавъ изъ земли первороднаго человѣка,
Ты промыслила паки обратить къ себѣ ослушника,
Когда сей уклонился отъ безсмертія къ смерти.
Рожденный тобою сподобилъ насъ возродиться
Изъ тьмы во свѣтъ и озариться свѣтомъ,
Самъ пострадавъ за насъ и исцѣливъ наши страсти,
Тобою, глаголю, рожденный, о Дѣва, о коей Давидъ
Радовался, предвидя Сына Божія быть твоимъ Сы-
номъ.

Ты меня, Тамарь, — твой прахъ, нынѣ и присно,
Сподобила быть помазанною и тебѣ усвоенною
Въ горнемъ Эдемѣ! — Я же, на югъ и на сѣверъ
Обладая царствомъ, приношу тебѣ въ даръ
Халифовъ знамя, купно съ ожерельемъ,
Изъ добычи ревнителей лжепророка.
Давидъ стрѣлецъ, подобно сынамъ Ефремимъ
Вооружась, разбилъ Султана съ Атабагомъ,
Въ Иранѣ воевавшихъ на него.
Вопны наши, на тебя уповающіе, Невѣста,
Сокрушили и стерли Агарянъ.
Изъ ратной ихъ корысти часть сію
Тебѣ въ даръ приношу, да умолишь за меня Бога и
Сына твоего.

Muravĭev, Andrej Nikolaeviĉ

Gruzija i Armenija

Bd.: 2

Sanktpeterburg 1848

Geo.u. 525 r-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10430687-3